Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
Среднерусский институт управления – филиал

На правах рукописи

ПЕРЕВЕРЗЕВА Ольга Викторовна

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ПОЛИТТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ ЗА НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА (НА ПРИМЕРЕ КАТАЛОНИИ И ШОТЛАНДИИ)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Диссертация на соискание

ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат политических наук,
доцент
Тюрин Евгений Анатольевич

Орел – 2024 г.

Содержание

Введение……...3
1 Концепция «мягкой силы» в контексте научного осмысления этнополитических процессов……26
1.1 Теоретико-методологические аспекты понятия, сущности и этнополитических проявлений «мягкой силы»……..……26
1.2 Подходы к оценке и измерению «мягкой силы» как политтехнологическому инструменту……..……68
1.3 Применение концепции «мягкой силы» для изучения этнополитического конфликта в рамках одного государства..……79
2 Государственный и субгосударственный уровни субъектов «мягкой силы» (на примере Испании/Каталонии и Великобритании/Шотландии)……....88
2.1 Основные источники, формы и механизмы проявления «мягкой силы» Испании и Каталонии за рубежом……..88
2.2 Основные источники, формы и механизмы проявления «мягкой силы» Великобритании и Шотландии за рубежом……..…111
2.3 Особенности соотношения «мягкой силы» государства и его части…...135
3 «Мягкая сила» в условиях этнополитического конфликта и борьбы за национально-территориальное самоопределение (на примере Испании/Каталонии и Великобритании/Шотландии)……...140
3.1 Использование «мягкой силы» как политтехнологического инструмента в этнополитическом конфликте Испании и Каталонии……140
3.2 Использование «мягкой силы» как политтехнологического инструмента в этнополитическом конфликте Великобритании и Шотландии..……193
3.3 Применение инструмента «мягкой силы» в борьбе за национально-территориальное самоопределение Каталонии и Шотландии: общее и особенное……239
Заключение……...248
Список использованных источников……...…254
Приложение А. Показатели, используемые в качестве объективных данных в исследовании The Soft Power 30……...302
Приложение Б. Избранные результаты опроса общественного мнения «Восприятие территориальной дискуссии в Испании»……...306

Введение

Актуальность темы исследования. В настоящее время актуальность научного осмысления этнополитических конфликтов сложно переоценить. Значимость данного аспекта исследований определяется происходящими глобальными геополитическими и геоэкономическими изменениями, обострившимися в связи с развитием региональных этнополитических конфликтов последнего времени.

Активизация глубинных цивилизационных противоречий, показавших очевидную несостоятельность принципа однополярности в мире, а также ветхость политики милитаристского империализма и глобального экономического колониализма западных держав, требуют новых подходов к использованию технологий, способных поддерживать стабильность в отношениях между странами и народами.

Задачи построения многополярного мира предполагают наращивание в применении таких политических технологий, в основе которых лежала бы социокультурная специфика, учитывающая этнические, конфессиональные, исторические особенности одних народов и опирающаяся на привлекательность этих особенностей для других.

В настоящее время уже очевидно, что геополитические цели не могут быть достигнуты исключительно военной мощью и экономическим давлением, необходимо также работать над улучшением своих имиджа и репутации и заниматься распространением соответствующих цивилизационных ценностей. Поэтому одним из наиболее эффективных политтехнологическим инструментом в современных условиях может стать, на наш взгляд, «мягкая сила», тем более что ее применению способствует стремительное развитие Интернет-пространства, сделавшего возможным быстрый и максимальный охват информацией значительных территориальных пространств и социальных сообществ.

Одной из ключевых проблем современности является нарастающая межцивилизационная напряженность в мире, приводящая к обострению этноконфессионального и ценностного противостояния, усугубляющегося политической повесткой национально-территориального самоопределения. В настоящее время существуют десятки подобных очагов в самых разных частях планеты, включая территории у границ Российской Федерации. Этнополитические конфликты, часто сопровождаемые вооруженными столкновениями, насилием и массовой гибелью значительного числа людей, приводят к изменениям прежде существовавших государственных границ и возникновению новых территориальных образований.

Кроме территориальных образований, получивших независимость, есть ряд тех, которые, официально входя в состав тех или иных государств, пытаются разными методами добиться суверенитета. В этом ряду наиболее хрестоматийным примером являются случаи Каталонии и Шотландии, позволяющие рассматривать «мягкую силу» как политтехнологический инструмент, используемый в условиях этнополитического конфликта и борьбы за национально-территориальное самоопределение.

Таким образом, в рамках данного диссертационного исследования на примере Испании/Каталонии и Великобритании/Шотландии этнополитический конфликт в условиях национально-территориального самоопределения рассматривается с помощью нетипичного в данном контексте теоретического инструментария концепции «мягкой силы». Такой подход дает возможность обогатить означенную концепцию, в настоящее время широко используемую теоретиками и практиками политической сферы, а также по-новому взглянуть на возможности сторон этнополитического конфликта, что, в свою очередь, позволяет внести существенный вклад в решение проблемы национально-территориального самоопределения.

Степень научной разработанности проблемы. Комплексное исследование «мягкой силы» непосредственных участников

этнополитических конфликтов, в том числе рассматриваемых конфликтов в Каталонии и Шотландии, не проводилось ни в отечественном, ни в зарубежных научных сообществах. Тем не менее анализ отдельных составляющих данной темы представлен в ряде трудов политологической, социологической и даже маркетинговой направленности. Существующие работы можно условно разделить на шесть групп.

Первая группа исследований объединяет работы, освещающие различные аспекты непосредственно самой концепции «мягкой силы». В первую очередь речь идет о трудах автора настоящей концепции Джозефа Ная-младшего[1]. Он дал несколько определений «мягкой силы», обозначил ее базовые ресурсы, возможные инструменты, основные характеристики и проблемы применения. Разносторонне дополнили различные положения теории С.И. Белов, М.В. Братерский, А.С. Скриба, А.П. Ворочков, А.А. Громыко, И.Г. Дежина, Д.А. Звягина, В.Г. Иванов, Д.Б. Казаринова, В.М. Капицын, Д.М. Ковба, К.И. Косачев, М.М. Лебедева, О.Г. Леонова, Ф.А. Лукьянов, М.А. Неймарк, Е.П. Панова, П.Б. Паршин, С.К. Песцов, А.М. Бобыло, Е.Г. Пономарева, И.В. Радиков, Я.В. Лексютина, О.Ф. Русакова, В.М. Русаков, Л.Р. Рустамова, О.В. Столетов, И.А. Чихарев, А.В. Торкунов, А.В. Фененко, Г.Ю. Филимонов, Е.М. Харитонова, И.К. Харичкин, М.М. Харкевич, А.П. Цыганков, А. Боа, С. Чанхе, А. Чонг, Дж. Галларотти, Т. Холл, С. Кондо, М. Куналакис, А. Шимони, М. Кроэниг, М. МакАдам, С. Вебер, Дж. Курланцик, Л. Росель, А. Мискимон, Б. О'Лафлин, Л. Салех, А. Вувинг[2] и др.

---

[1] Nye J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York: Basic Books, 1991. – 336 p.; Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2005. – 191 p.; Nye J.S. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs. – 2009. – Vol. 88, № 4. – P. 160–163; Nye J.S. A Smarter Superpower [Электронный ресурс] // Foreign Policy. – October 13, 2009. – URL: https://foreignpolicy.com/2009/10/13/a-smarter-superpower/ (дата обращения: 16.01.2020); Nye J.S. Think Again: Soft Power [Электронный ресурс] // Foreign Policy. – February 23, 2006. – URL: https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/ (дата обращения: 17.01.2020); Nye J.S. The Future of Power. – New York: Public Affairs, 2011. – 320 p.; Nye J.S. Soft power: the origins and political progress of a concept [Электронный ресурс] // Palgrave Communications. – 2017. – URL: https://www.nature.com/articles/palcomms20178 (дата обращения: 17.01.2020); Nye J.S. Soft Power and the Public Diplomacy Revisited // The Hague Journal of Diplomacy. – 2019. – №14. – P. 1–14.

[2] Белов С.И. Проблемы и перспективы измерения «мягкой силы» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2018. – № 1. – С. 165–184; Братерский М.В., Скриба А.С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – Т. 9, № 2. – С. 130–

144; Ворочков А.П. Институциональное измерение политики «мягкой силы»: методика анализа и российский опыт // Управленческое консультирование. – 2021. – № 7. – С. 80-96; Громыко А.А. «Мягкая сила» и сила права: к постановке проблемы // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 3. – С. 3–19; Дежина И.Г. Российская наука как фактор мягкого влияния [Электронный ресурс] // РСМД. – 19 июня 2012. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-nauka-kak-faktor-myagkogo-vliyaniya/ (дата обращения: 19.01.2023); Звягина Д.А. Культурное влияние как компонент «мягкой силы» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 11, Ч. 2. – С. 94–98; Иванов В.Г. «Потенциальная мягкая сила» как ресурс внешнеполитического влияния // Вестник Российского университета дружбы народов, серия: Политология. – 2016. – № 4. – С. 101–104; Иванов В.Г. «Charts power» – «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технологии использования и стратегии противодействия. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 188 с.; Казаринова Д.Б. Феномен «мягкой силы». Стратегии мягкой силы в политике государств-членов двадцатки // Свободная мысль. – 2011. – № 3. – С. 187–200; Капицын В.М. Космополитизм - компоненты «мягкой силы» и глобального управления // Обозреватель. – 2009. – № 10. – С. 70–79; Ковба Д.М. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона: диссертация … кандидата политических наук: 23.00.02. – Екатеринбург, 2017. – 173 с.; Косачев К.И. Не рыбу, а удочку. В чем состоит особенность «мягкой силы» России // Россия в глобальной политике. – 2012. – Т. 10, № 4. – С. 40–53; Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО–Университета. – 2017. – № 3. – С. 212–223; Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2015. – № 2. – С. 80–89; Леонова О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2014. – № 3. – С. 18–28; Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2013. – № 4. – С. 27–40; Лукьянов Ф. Парадоксы российской «мягкой силы» [Электронный ресурс] // Франко-Российский аналитический центр Обсерво. – URL: https://obsfr.ru/analytics/blogs/10982/ (дата обращения: 25.01.2020); Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. – М.: Дашков и К, 2018. – 272 с.; Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 4 (13). – С. 91–97; Панова Е.П. Высшее образование как потенциал мягкой власти государства // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 2 (17). – С. 157–161; Паршин П.Б. Проблематика "мягкой силы" во внешней политике России / ИМИ МГИМО (У) МИД России, Центр глобальных проблем. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 37 с.; Песцов С.К., Бобыло А.М. Мягкая сила в мировой политике: измерение неуловимой реальности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2014. – Т. 10, № 1. – С. 79–93; Песцов С.К., Бобыло А.М. Мягкая сила в мировой политике: типология подходов к измерению и оценке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 3. – С. 42–53; Пономарева Е.Г. Железная хватка «мягкой силы» // Однако. – 2013. – № 6. – URL: http://www.odnako.org/magazine/material/zheleznaya-hvatka-myagkoy-sili/ (дата обращения: 9.01.2023); Радиков И.В., Лексютина Я.В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 2. – С. 19–26; Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2010. – № 10. – С. 173–192; Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Дискурс-Пи. – 2017. – № 1. – С. 61–72; Рустамова Л.Р. Механизм действия и пределы использования концепции «мягкая сила» // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2018. – № 1. – С. 145–154; Столетов О.В., Чихарев И.А. Мягкая сила во внешней политике России // Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 36–49; Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 4 (25). – С. 85–93; Фененко А.В. Реальность и мифы «мягкой силы» [Электронный ресурс] // РСМД. – 27 января 2016. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/realnost-i-mify-myagkoy-sily/ (дата обращения: 27.01.2020); Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. – 212 с.; Харитонова Е.М. «Мягкая сила» и идентичность // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Издательство «Весь мир», 2017. – С. 476–480; Харичкин И.К. Политические институты гражданского общества как элемент «мягкой силы» // Стратегия «мягкой силы» в контексте информационных войн. Сборник материалов Международной научно-практической конференции / Ред. А.Я. Касюк, И.К. Харичкин. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2017. – С. 293–294; Харкевич М.М. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2 (35) – С. 22–29; Цыганков А.П. Всесильно, ибо верно? «Мягкая сила» и теория международных отношений // Россия в глобальной политике. – 16 декабря 2013. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/vsesilno-ibo-verno/ (дата обращения: 19.01.2023); Bohas A. The Paradox of Anti-Americanism: Reflection on the Shallow Concept of Soft Power // Global Society. – 2006. – Vol. 20, № 4. – P. 395–414; Changhe S. Soft Power // The Oxford Handbook of Modern Diplomacy / Ed. by Cooper A.F., Heine J., Thakur

Критический взгляд на концепцию был изложен в работах таких авторов, как К.С. Гаджиев, А.В. Демидов, Н.В. Юдин, И. Фань, Н. Фергюсон, К. С. Грей, Э. Лок, Дж. Маттерн, Б. Уомак[3] и др. Этнические и этнополитические проявления «мягкой силы» освещены в исследованиях О.Б. Иванова, Д.В. Маковской, С.А. Бичакова, А.О. Наумова, И.В. Понкина[4] и др. В контексте политических технологий «мягкая сила» представлена в работах О.Г. Леоновой, Э.Т. Мехдиева, И.А. Гулиева, А.А. Сулейкова, А.И. Сухарева[5] и др.

R. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 544–558; Chong Chia Siong A. Foreign policy in global information space: Actualising soft power: PhD thesis. – London, 2002. – 457 p.; Gallarotti G.M. Soft power: what it is, why it's important, and the conditions for its effective use // Journal of Political Power. – 2011. – Vol.4, №1. – P. 25–47; Hall T. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics. – 2010. –Vol. 3, № 2. – P. 189–211; Kondo S. Wielding Soft Power: The Key Stages of Transmission and Reception // Soft Power Superpowers / Ed. by W. Yasushi and D.L. McConnell. – New York: M.E. Sharpe, 2008. – P. 191–206; Kounalakis M., Simonyi A. The Hard Truth about Soft Power. – Los Angeles: Figueroa Press, 2011. – 49 p.; Kroenig M., McAdam M., Weber S. Taking Soft Power Seriously // Comparative Strategy. – 2010. – Vol. 29, № 5. – P. 412–431; Kurlantzick J. China's Charm: Implications of Chinese Soft Power // Policy Brief. – 2006. – № 47. – P. 1–8; Roselle L., Miskimmon A., O'Loughlin B. Strategic narrative: A new means to understand soft power // Media, War and Conflict. – 2014. – Vol. 7, № 1. – P. 70–84; Saleh L. Soft Power, NGOs, and the US War on Terror: dissertation. – Milwaukee, 2012. – 304 p.; Vuving A.L. How Soft Power Works // American Political Science Association annual meeting. – Toronto, September 3, 2009. – 20 p.

[3] Гаджиев К.С. О грамшианских корнях идеи «мягкой силы» // Вопросы политологии. – 2021. – Т. 11, № 8 (72). – С. 2214–2224; Демидов А.В. О возможности использования фактора «мягкой силы» во внутренней и внешней политике России // Экономические стратегии. – 2014. – № 3. – С. 42–47; Юдин Н.В. Жесткий взгляд на «мягкую силу». Критический анализ монографии Дж.Ная «Будущее власти» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2013. – № 4. – С. 134–163; Юдин Н.В. Системное прочтение феномена мягкой силы // Международные процессы. – 2015. – Т. 13, № 2. – С. 96–105; Юдин Н.В. Блеск и нищета рейтингов «мягкой силы» // Международная жизнь. – 2018. – № 7. – С. 112–123; Fan Y. Soft power: Power of attraction or confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. – 2008. – Vol. 4, № 2. – P. 147–158; Ferguson N. Colossus: The Rise and Fall of the American Empire. – London: Allen Lane, 2004. – 384 p.; Gray C.S. Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century [Электронный ресурс] // Strategic Studies Institute, US Army War College. – 1 April 2011. – URL: https://www.jstor.org/stable/resrep11431 (дата обращения: 19.01.2023); Lock E. Soft power and strategy: Developing a «strategic» concept of power // Soft Power and US Foreign Policy / Ed. by I. Parmar, M. Cox. – London: Routledge, 2010. – P. 32–50; Mattern J.B. Why «Soft Power» Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies. – 2005. – Vol. 33, № 3. – P. 583-612; Womack B. Dancing Alone: A Hard Look at Soft Power [Электронный ресурс] // Asia-Pacific Journal: Japan Focus. – 2005. – Vol. 3, № 11. – URL: https://apjjf.org/-Brantly-Womack/1975/article.pdf (дата обращения: 30.01.2020).

[4] Иванов О.Б. «Мягкая сила» как катализатор социально-политических конфликтов // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2019. – Т. 6, № 3. – С. 167–176; Маковская Д.В, Бичаков С.А. Этнический аспект политики "мягкой силы" в реализации геополитических проектов в Большом Средиземноморье // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2019. – Т. 15, № 3. – С. 392–403; Наумов А.О. «Мягкая сила» и «цветные революции» // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – Т. 3, № 1 (6). – С. 73–86; Понкин И.В. Технологии «мягкой силы» как средство дисфункционализации и разрушения государства // Право и образование. – 2014. – № 12. – С. 95–111.

[5] Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2013. – № 4. – С. 27–40; Мехдиев Э.Т., Гулиев И.А. Понятие «мягкой силы» как инструмента глобальных политических технологий // Juvenis scientia. – 2016. – № 3. – С. 49–52; Сулейков А.А. Феномен «мягкой силы» как фактор сферы управленческих отношений // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – 2022. – № 21-1. – С. 226–

В рамках настоящего исследования важны также работы, на основе которых изначально была сформулирована либо с которыми перекликается концепция «мягкой силы». Таковыми являются, например, учения П. Бахраха, М. Бараца[6], Э.Х. Карра[7] и С. Льюкса[8].

Вторая группа представлена трудами по теме этнополитических конфликтов и связанной с ней проблематике идентичности. Это исследования В.А. Авксентьева, Б.В. Аксюмова, Г.Д. Гриценко, А.Р. Аклаева, В.А. Ачкасова, Л.М. Дробижевой, В.В. Лапкина, О.Ю. Малиновой, П.В. Панова, В.И. Пантина, М.Е. Попова, И.С. Семененко, Н.Г. Скворцова, В.А. Тишкова, Ю.П. Шабаева, З. Баумана, М. Беккера, М Кастельса, К. Корделла, С. Вольфа, Т.Р. Гурра, Д.Л. Горовица, С.Дж. Кауфмана, А. Нортон, Ч. Тилли[9] и др.

233; Сухарев А.И. Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира: автореферат диссертации ... доктора полит. наук. – М., 2011. – 52 с.

[6] Bachrach P., Baratz M.S. Two Faces of Power // The American Political Science Review. – 1962. – Vol. 56, № 4. – P. 947–952.

[7] Carr E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations. – New York: Harper & Row, 1964. – 243 p.

[8] Lukes S. Power: A Radical View. – London: Bloomsbury Publishing PLC, 2004. – 192 p.

[9] Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – 267 с.; Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 74–97; Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: учеб. пособие. – М.: Дело, 2008. – 480 с.; Ачкасов В.А. Этнополитический конфликт как конфликт идентичностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 37–43; Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. – Вып.7. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 214–228; Лапкин В.В. Метаморфозы идентичности в условиях глобализации // Политекс. – 2011. – Т.7, №2. – С. 25–41; Малинова О.Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности // Политическая наука. – 2005. – № 3. – С. 8–20; Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. – М.: РОССПЭН, 2011. – 230 с.; Пантин В.И. Национально-цивилизационная идентичность: специфика России // Политекс. – 2011. – Т. 7, № 2. – С. 42–51; Попов М.Е. Этнокультурная специфика конфликтов идентичностей в современном мире // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 3. – С. 26–29; Семененко И.С. Национальная идентичность // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Издательство «Весь мир», 2017. – С. 405–413; Семененко И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 8–28; Семененко И.С. Политическая идентичность // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Издательство «Весь мир», 2017. – С. 349–354; Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы "большой теории" // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 69–94; Скворцов Н.Г. Деструктивные последствия политизации этничности в России: энтропийное измерение // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 4. – С. 63–70; Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. – М.: Издательство Московского университета, 2011. – 376 с.; Bauman Z. Identity. Conversation with Benedetto Vecchi. – Cambridge, Malden: Polity Press, 2004. – 104 p.; Becker M. Politicized identities and social movements // Latin American research review. – 2018. – № 53 (1). – P. 202–210; Castells M. The Power of Identity. – Oxford, Malden: Blackwell Publishing, 2009. – 592 p.; Cordell K., Wolff S. Ethnic Conflict: Causes, Consequences, and Responses. – Cambridge, Malden: Polity, 2009. – 232 p.; Gurr T.R. Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts. – Washington: US Institute of Peace Press,

Третья группа исследований освещает вопросы отношений центра и регионов, идентичности, национализма в Испании и Великобритании, в частности анализирует истоки и развитие каталонского и шотландского конфликтов. Авторами работ, посвященных Испании, являются А.В. Авилова, Н.Е. Аникеева, В.Л. Верников, Г.И. Волков, М.Е. Кабицкий, С.М. Рудник, Т.Б. Коваль, А.А. Орлов, И.Л. Прохоренко, С.М. Хенкин, Е.Г. Черкасова, П.П. Яковлев, С. Алькала, Х.Ф. Арса Мондело, Ж. Коль Амаргос, Ж. Боррель, Ф. де Каррерас, Х.-Х. Лопес Бурниоль, Ж. Пике, Х. Диес Медрано, М. Гибернау, Л. Морено Фернандес, Ф. Рекехо Коль, Х. Ромеро Гонсалес, Р. Тамамес[10] и др., посвященных Великобритании –

1993. – 448 p.; Gurr T.R. Peoples Versus States: Minorities at Risk in the New Century. – Washington, D.C: US Institute of Peace Press, 2000. – 399 p.; Gurr T.R. Why Minorities Rebel: A Global Analysis of Communal Mobilization and Conflict Since 1945 // International Political Science Review. – 1993. – Vol. 14, № 2. – P. 161–201; Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. – Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 2001. – 720 p.; Kaufman S.J. Ethnicity as a generator of conflict // Routledge Handbook of Ethnic Conflict / Ed. by K. Cordell, S. Wolff. – London: Routledge, 2011. – P. 91–102; Norton A. Reflections on Political Identity. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1988. – 209 p.; Tilly Ch. Stories, Identities, and Political Change. – Lanhan: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. – 257 p.

[10] Авилова А.В. Испания: новая модель отношений между центром и регионами // Проблемы теории и практики управления. – 1997. – № 3. – С. 23–26; Аникеева Н.Е. Испания – государство автономий в объединенной Европе // Современная Европа. – 2007. – № 2. – С.91–102; Верников В.Л. Каталония – «замороженный конфликт» // Современная Европа. – 2018. – № 2. – С. 129–134; Волкова Г.И. Испания: государство автономий и проблема территориальной целостности. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 328 с.; Кабицкий М.Е., Рудник С.М. «Каталонские страны»: концепт и его восприятие // Этнография. – 2020. – № 4(10). – С. 159–173; Кабицкий М.Е., Рудник С.М. Современный испанский автономизм: достижения, проблемы, перспективы // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2019. – № 1 (12). – С. 14–29; Коваль Т.Б. Современная Испания: в лабиринте идентичностей // Культурная сложность современных наций / Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 57–77; Орлов А.А. Национализм в истории Каталонии: прошлое и настоящее. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 550 с.; Орлов А.А. Национализм в Каталонии – фактор риска для Испании // Обозреватель. – 2010. – № 11 (250). – С. 108–120; Прохоренко И.Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах-членах Европейского союза. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 93 с.; Прохоренко И.Л. Проблема национальной идентичности в условиях европейской интеграции: испанский случай // Иберoамериканские тетради. – 2016. – № 1 (11). – С. 49–55; Прохоренко И.Л. Сецессионистский конфликт в Каталонии // Пути к миру и безопасности. – 2018. – № 2 (55). – С. 36–50; Хенкин С.М. Каталонский конфликт вчера и сегодня // Актуальные проблемы Европы. – 2015. – № 1. – С. 117–138; Хенкин С.М. Каталонский конфликт: Национальное и международное измерения // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 2. – С. 94 – 121; Хенкин С.М. Политико-территориальная модель Испании: старые проблемы и новые вызовы // Журнал политической философии и социологии «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2018. – № 4. – С. 162–179; Хенкин С.М. Сепаратизм по-каталонски // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 5. – С. 29-40; Черкасова Е.Г. Почему невозможна независимость Каталонии // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 11. – С. 35–42; Яковлев П.П. «Brexit по-испански»: причины и последствия каталонского кризиса // Перспективы. Электронный журнал. – 2017. – № 3 (11). – С. 36–51; Яковлев П.П. Каталония: выборы состоялись, проблемы не решены // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2017. – № 47 (63). – С. 5–7; Alcalá C. Claves históricas del independentismo catalán. – Madrid: Grafite Ediciones, 2006. – 246 p.; Arza Mondelo J.F., Coll Amargós J. Cataluña: El mito de la secesión. – Barcelona: Editorial Almuzara, 2014. – 304 p.; Borrell J., de Carreras F., López Burniol J.-J., Pique J. Escucha, Cataluña, Escucha, España: Cuatro voces a favor del entendimiento y contra la secesión. – Barcelona: Ediciones Península, 2017. – 336 p.; Díez Medrano J. Naciones divididas: Clase, política y nacionalismo en el País Vasco y Cataluña. – Madrid: Centro de Investigaciones Sociológicas, 1999. – 268 p.;

Т.Н. Андреева, В.Ю. Апрыщенко, Ал.А. Громыко, Н.В. Еремина, А.С. Кагриманян, С.О. Казаков, С.И. Коданева, И.В. Кривушин, О.В. Охошин, С.П. Перегудов, Е.А. Тюрин, Л.А. Фадеева, С.А. Шеин, В. Богданор, Т.М. Дивайн, Б. Джексон, М. Китинг, М.С. Лит, Д.П.Дж. Соул, Р. Мэйсон, Д. Маккроун, И. Маклин, Х. Маклиш, Дж. Митчелл, А. Тренч, С. Уигэм[11] и др.

Guibernau M. Catalan Nationalism: Francoism, Transition and Democracy. – London: Routledge, 2004. – 216 p.; Moreno Fernández L. La federalización de España. Poder político y territorio. – Madrid: Siglo XXI de España Editores, 2008. – 203 p.; Requejo Coll F. Federalismo plurinacional y pluralismo de valores. El caso español. – Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2007. – 203 p.; Romero González J. España inacabada. Organización territorial del Estado, autonomía política y reconocimiento de la diversidad nacional // Documents d'Anàlisi Geogràfica. – 2012. – № 58 (1). – P. 13–49; Tamames R. ¿Adónde vas, Cataluña? Cómo salir del laberinto independentista. – Barcelona: Ediciones Península, 2018. – 434 p.

[11] Андреева Т.Н. Внутри- и внешнеполитические аспекты проблемы независимости Шотландии // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 6. – С. 65–74; Апрыщенко В.Ю. Уния и модернизация: становление шотландской идентичности в XVIII – первой половине XIX вв. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. – 288 с.; Апрыщенко В.Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. – СПб.: Алетейя, 2016. – 720 с.; Громыко Ал.А. Великобритания: новая политическая ситуация // Honoris causa: сборник научных статей, посвященный 70-летию профессора Виктора Владимировича Сергеева / Сост. и отв. ред. И.О. Дементьев. Балтийский федеральный университет им. И. Канта. – СПб: Нестор-История, 2016. – С. 63–71; Еремина Н.В. Деволюция в кельтских регионах Соединенного Королевства как модель государственного развития. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 238 с.; Еремина Н.В. Этнорегиональные сообщества в процессах трансформации политической системы современной Великобритании: на примере Шотландии и Уэльса: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.02. – СПб., 2012. –572 с.; Кагриманян А.С. Независимость Шотландии: Быть или не быть // Политика и общество. – 2014. – № 7 (115). – С. 745–752; Казаков С.О. Деволюция в современном королевстве Великобритании и Северной Ирландии. – Саарбюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2013. – 72 с.; Коданева С.И. Британская конституционная реформа: Региональный аспект. Аналитический обзор. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – 112 с.; Коданева С.И Британский регионализм (конституционная реформа). – М.: Юристъ, 2004. – 140 с.; Кривушин И.В. Парадоксы шотландской политики: референдум 2014 года // Новая и новейшая история. – 2015. – № 6. – С. 129–143; Охошин О.В. Шотландия между Великобританией и ЕС на фоне брекзита // Современная Европа. – 2019. – № 6. – С. 57–67; Перегудов С.П., Семененко И.С. Референдум о независимости Шотландии и проблемы британской государственности // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 3. – С. 64–75; Перегудов С.П. Референдум о независимости Шотландии // Год планеты: ежегодник. Вып. 2014 г.: экономика, политика, безопасность / Гл. ред. В.Г. Барановский. – М.: Идея-Пресс, 2014. – С. 167–171; Тюрин Е.А. Влияние британской имперской государственности на шотландскую национальную идентичность: к вопросу о независимости Шотландии // Власть. – 2017. – № 8. – С. 178–182; Тюрин Е.А. Особенности формирования шотландского национального самосознания в условиях развития британской государственности: социально-политические аспекты // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 116–124; Фадеева Л.А. Идентичность на пересечении интеграции и деволюции: шотландский кейс // Современная Европа. – 2015. – № 5. – С. 91–99; Шеин С.А. «Деволюция – это процесс, а не событие». Деволюционная динамика в Шотландии и Уэльсе (1998–2018) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2018. – Т. 2, № 2. – С 194–199; Bogdanor V. Devolution in the United Kingdom. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 352 p.; Devine T.M. Independence or Union: Scotland's Past and Scotland's Present. – London: Penguin UK, 2017. – 320 p.; Jackson B. The Political Thought of Scottish Nationalism // The Political Quarterly. – 2014. – № 85 (1). – P. 50–56; Keating M. The Government of Scotland: Policy-making after Devolution. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. – 304 p.; Keating M. The Independence of Scotland: Self-Government and the Shifting Politics of Union. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 320 p.; Leith M.S., Soule D.P.J. Political Discourse and National Identity in Scotland. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. – 192 p.; Mason R.A. Dis-United Kingdoms? What Lies Behind Scotland's Referendum on Independence // Georgetown Journal of International Affairs. – 2013. – Vol. 14, № 2. – P. 139–146; McCrone D. Scotland Out the Union? The Rise and Rise of the Nationalist Agenda // The Political Quarterly. – 2012. – № 83 (1). – P. 69–76; McLean I. Challenging the Union // The Oxford Handbook of Modern Scottish History / Ed. by T.M. Devine, J. Wormald. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 635–

Четвертая группа работ посвящена изучению «мягкой силы» субгосударственных акторов. Существует достаточно ограниченное количество трудов, рассматривающих такую силу отдельных городов и регионов, среди них – исследования С.П. Артеева, А.С. Гомелаури, Д. Аньорве Аньорве, В.И. Чана, Х. Колла, Р. Крилли, И. Манора, М. Сантоса Невиша, Э. Севина и К. Свини[12]. Причем большая их часть анализирует «мягкую силу» субнациональных акторов лишь в контексте ее роли в наращивании «мягкой силы» государства в целом.

Пятая группа исследований, частично пересекающаяся с предыдущей, представлена работами, в которых анализируется «мягкая сила» конкретно Испании, Великобритании, Каталонии и Шотландии. «Мягкую силу» Испании анализирует такие исследователи, как Е.М. Астахов, А. Бадильо Матос, А. Приего Морено[13], Великобритании – Е.М. Харитонова, К. Хилл, С. Бидл[14], Каталонии

651; McLeish H. Scotland. The Growing Divide: Old Nation, New Ideas / Ed. by Brown T. – Edinburgh: Luath Press Ltd., 2012. – 260 p.; Mitchell J. The Scottish Question. – Oxford: Oxford University press, 2014. – 320 p.; Trench A. Devolution and Power in the United Kingdom. – Manchester: Manchester University Press, 2007. – 320 p.; Whigham S. Nationalism, party political discourse and Scottish independence: comparing discursive visions of Scotland's constitutional status // Nations and Nationalism. – 2019. – Vol. 25, № 4. – P. 1212–1237.

[12]Артеев С.П. Внешняя политика России: «мягкая сила» регионов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2021. – Т. 13, № 1. – С. 32–57; Гомелаури А.С. Субъект федерации как канал «мягкой силы» государства (на примере Санкт-Петербурга) // Via in Tempore. История. Политология. – 2020. – Т. 47, № 3. – С. 658–668; Añorve-Añorve D. Paradiplomacia, poder suave y la cooperación internacional municipal: el caso de Guanajuato // Convergencia Revista de Ciencias Sociales. – 2020. – Vol. 27, № 1. – P. 1–29; Chan W. Y. The soft power and paradiplomacy of Hong Kong // Asian Education and Development Studies. – 2019. – Vol. 8, № 2. – P. 161–172; Coll J.M. Cities emerging soft power: 5 key advantages for improved global governance [Электронный ресурс] // Opinion CIDOB. – 2015. – № 332. – P. 1–3. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/191542/332_OPINION_JOSEP%20M%C2%AA%20COLL_ANG.pdf (дата обращения: 4.11.21); Crilley R., Manor I. Un-nation Branding: The Cities of Tel Aviv and Jerusalem in Israeli Soft Power // City Diplomacy: Current Trends and Future Prospects / Ed. by S. Amiri, E. Sevin. – 2020. – P. 137-160; Santos Neves M. Paradiplomacy, knowledge regions and the consolidation of «Soft Power» // Janus.net. – 2010. – № 1. – P. 10–28. – URL: https://www.redalyc.org/pdf/4135/413536166002.pdf (дата обращения: 4.11.21); Sevin E. The missing link: cities and soft power of nations // International Journal of Diplomacy and Economy. – 2021. – Vol. 7, № 1. – P. 19–32; Swiney C. The Urbanization of International Law and International Relations: The Rising Soft Power of Cities in Global Governance // Michigan Journal of International Law. – 2020. – Vol. 41, № 2. – P. 227–278.

[13] Астахов Е.М. К русскому восприятию испанского опыта «мягкой силы» // Ибероамериканские тетради. – 2013. – № 2. – С. 40–50; Badillo Matos, A. Las políticas públicas de acción cultural exterior de España // Revista del Real Instituto Elcano. – 2014. – №14. – P. 52– 9; Priego Moreno A. Spanish soft power and its structural (NON-traditional) model of diplomacy //Contemporary Spanish Foreign Policy. – 2014. – P. 48–63.

[14] Харитонова Е.М. «Мягкая сила» Великобритании. – М: ИМЭМО РАН, 2018. – 139 с.; Hill C., Beadle S. The art of attraction: Soft power and the UK's role in the world / British Academy. – London: DG3, 2014. – 57 p.

– С.М. Рудник, С. Гарсиа, Ж. Сифра[15], Шотландии – М. Джонсон[16]. При этом «мягкая сила» Каталонии и Шотландии освещается в весьма небольшом количестве работ.

Шестая группа включает работы, которые рассматривают явления, связанные с отдельными элементами «мягкой силы», используемой в этнополитических конфликтах между Испанией и Каталонией и между Великобританией и Шотландией. В первом конфликте такие работы посвящены, например, каталанскому языку (Э. Бош-Фустер, Ж. Мелиа, Б. Монтойя[17]), спорту (С. Жувантен Бердун[18]) и образованию (И. Клотс-Фигерас, П. Маселла[19]). Во втором – шотландскому мифу равенства (Д. Маккроун[20]), образованию (Ш. Ридделл, С. Минти, Э. Уидон, Л. Хантер Блэкберн[21]) и религии (С.А. Мудров[22]).

Объект исследования – «мягкая сила» и политтехнологические возможности ее использования в политическом процессе.

Предмет исследования – ресурсы, формы и особенности применения «мягкой силы» как политтехнологического инструмента в условиях этнополитического конфликта.

Цель исследования – на примере Испании/Каталонии и Великобритании/Шотландии осуществить сравнительный анализ форм и особенностей использования «мягкой силы» как политтехнологического

---

[15] Рудник С.М. Стратегия «мягкой силы» во внешнеполитической деятельности Женералитата Каталонии в начале XXI в // Клио. – 2017. – № 7 (127). – С. 141–145; García C. Strategic communication applied to nation building in Spain: The experience of the Catalan Region // Public Relations Review. – 2013. – Vol. 39, № 5. – P. 558–562; Xifra J. Catalan public diplomacy, soft power, and noopolitik: A public relations approach to Catalonia's governance // Catalan Journal of Communication and Cultural Studies. – 2009. – Vol. 1, № 1. – P. 67–85.

[16] Johnson M.A. Culture as soft power: Digital branding by Catalonia, the Basque Country and Scotland // Catalan Journal of Communication & Cultural Studies. – 2018. – Vol. 10, № 1. – P. 115–123.

[17] Boix-Fuster E., Melià J., Montoya B. Policies Promoting the Use of Catalan in Oral Communications and to Improve Attitudes towards the Language // Democratic Policies for Language Revitalisation: the Case of Catalan / Ed. by M. Strubell M., E. Boix-Fuster. – London: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 150–181.

[18] Juventeny Berdún S. Much «more than a club»: Football Club Barcelona's contribution to the rise of a national consciousness in Catalonia (2003–2014) // Soccer and Society. – 2017. – Vol. 20, № 1. – P. 103–122.

[19] Clots-Figueras I., Masella P. Education, Language and Identity // The Economic Journal. – 2013. – Vol. 123, № 570. – P. 332–357.

[20] McCrone, D. Understanding Scotland: The Sociology of a Nation. – London: Routledge, 2001. – 216 p.

[21] Higher Education and the Referendum on Scottish Independence / Sh. Riddell, S. Minty, E. Weedon, L. Hunter Blackburn // The Political Quarterly. – 2015. – Vol. 86, № 2. – P. 240–248.

[22] Мудров С.А. Религиозный фактор в референдуме о независимости Шотландии // Социология. – 2016. – № 2. – С. 88–95.

инструмента борьбы за национально-территориальное самоопределение в условиях этнополитического конфликта.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

– рассмотреть теоретико-методологические аспекты понятия, сущности и этнополитических проявлений «мягкой силы»;

– охарактеризовать основные подходы к оценке и измерению «мягкой силы» как политтехнологического инструмента;

– показать возможности применения концепции «мягкой силы» для изучения этнополитического конфликта в рамках одного государства;

– обозначить основные источники, формы и механизмы проявления «мягкой силы» Испании и Каталонии за рубежом;

– описать основные источники, формы и механизмы проявления «мягкой силы» Великобритании и Шотландии за рубежом;

– проанализировать особенности соотношения «мягкой силы» государства и его отдельной территории (на примере Испании/Каталонии и Великобритании/Шотландии);

– раскрыть политтехнологические аспекты использования инструмента «мягкой силы» в этнополитическом конфликте Испании и Каталонии;

– раскрыть политтехнологические аспекты использования инструмента «мягкой силы» в этнополитическом конфликте Великобритании и Шотландии;

– на примере Каталонии и Шотландии выявить общие и особенные характеристики «мягкой силы» как политтехнологического инструмента борьбы за национально-территориальное самоопределение в условиях этнополитического конфликта.

Гипотеза исследования. Применение концепции «мягкой силы» в рамках политологического осмысления современных процессов борьбы за национально-территориальное самоопределение в условиях этнополитического конфликта дает исследователю теоретико-методологические основания рассматривать саму «мягкую силу» как

политтехнологический инструмент, обладающий очевидными социокультурными характеристиками и активно используемый противостоящими сторонами, что прослеживается на конкретных примерах Испании/Каталонии и Великобритании/Шотландии.

Теоретико-методологическая основа. Теоретической основой диссертационного исследования выступают работы российских и зарубежных авторов, в которых рассмотрены различные аспекты «мягкой силы»: ее особенности, ресурсы, формы применения, способы оценки, ограничения и т.п., а также дана характеристика инструмента «мягкой силы» конкретно Испании, Великобритании, Каталонии и Шотландии, задействованного в соответствующих этнополитических конфликтах. Кроме того, большое значение для проведения исследования имел анализ трудов по проблематике этнополитической напряженности и идентичности (как в целом, так и конкретно в случаях Каталонии и Шотландии).

Методологическую основу работы составила совокупность общенаучных и специальных подходов и методов исследования. Для исследования «мягкой силы» Испании, Великобритании, Каталонии и Шотландии в зарубежном контексте были использованы системный подход и институциональный метод. Системный подход позволил комплексно оценить разносторонние проявления и феномены «мягкой силы», а институциональный метод – выявить основные институты, участвующие в наращивании такой силы. С теми же целями институциональный метод был применен и при анализе «мягкой силы» названных государств и территорий конкретно в условиях этнополитического конфликта. Кроме того, в данном случае автор прибегла к структурно-функциональному и идентитарному подходам, а также историческому методу. Структурно-функциональный подход дал возможность представить «мягкую силу» в рассматриваемом контексте в качестве целостной системы, выделенные элементы которой выполняют определенные функции, направленные на достижение целей субъектов, применяющих методы косвенного давления. Идентитарный

подход позволил рассматривать национальную идентичность в качестве фактора политической мобилизации в условиях этнополитического конфликта, а исторический метод – дал возможность ретроспективно показать истоки и развитие форм применения инструмента «мягкой силы» в контексте соответствующих этнополитических конфликтов.

При выявлении закономерностей использования политтехнологического инструмента «мягкой силы» в рассматриваемых конфликтах применялись анализ, синтез, методы сравнения, а также социологический подход. Методы анализа, синтеза и сравнения дали возможность определить основные составляющие «мягкой силы» каждой из сторон, обобщить данные, установить направленность соответствующих стратегий косвенного давления и выявить общие и отличительные черты «мягкой силы» в конфликтах в Испании и Великобритании. Благодаря социологическому подходу была раскрыта степень воздействия социальных и социокультурных факторов на развитие этих этнополитических конфликтов. Кроме того, на разных этапах исследования проводились анализ документов, мониторинг СМИ, и был использован метод когнитивного картирования.

Эмпирическая база исследования представляет собой большое количество разнообразных источников, которые можно разделить на шесть групп.

Первая группа источников – нормативно-правовые акты как центральных органов власти Испании и Великобритании, так и органов управления Каталонии и Шотландии.

Вторая группа представлена статистическими данными широкого круга организаций: международных организаций, государственных профильных институтов Испании, Великобритании, а также конкретно Каталонии и Шотландии, негосударственных учреждений.

Третья группа источников – это данные разнообразных социологических исследований, проведенных как профильными

учреждениями Испании, Великобритании, Каталонии и Шотландии, так и независимыми экспертными организациями.

Четвертая группа источников объединяет уставы, доклады, отчеты и прочие материалы государственных и негосударственных организаций и аналитических центров. Крайне важную роль для настоящей работы имеют исследования в области измерения и оценки «мягкой силы» (рейтинги «мягкой силы») стран, а также отдельных регионов мира.

Пятая группа источников связана с официальными документами и материалами партий Испании и Великобритании, в том числе тех, которые активно функционируют конкретно в Каталонии и Шотландии.

Шестая группа – разносторонние фактологические данные и оценочные суждения экспертов, представленные в СМИ и новых медиа.

Область диссертационного исследования соответствует п. 21 «Этнополитические процессы и конфликты. Национально-государственное, национально-территориальное, национально-культурное самоопределение» и п. 30 «Политические технологии и специфика их применения» паспорта специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии.

Научная новизна исследования заключается в том, что в данном диссертационном исследовании:

– концепция «мягкой силы» применена в новом контексте, раскрывающем дополнительные теоретико-методологические возможности ее использования в рамках научного осмысления этнополитических конфликтов и процессов борьбы за национально-территориальное самоопределение;

– дана упрощенная схема проведения оценки «мягкой силы»; представлена авторская типология основных научных подходов к измерению «мягкой силы», а также предложен новый «конфликтный» подход, позволяющий рассматривать «мягкую силу» в качестве политтехнологического инструмента, используемого в конкретных этнополитических конфликтах;

– разработана оригинальная авторская трехуровневая модель изучения «мягкой силы» как политтехнологического инструмента борьбы за национально-территориальное самоопределение в условиях этнополитического конфликта;

– на примере Испании/Каталонии и Великобритании/Шотландии обосновано наличие социокультурных оснований «мягкой силы»; показаны особенности соотношения государственного и субгосударственного уровней ее применения, а также выявлены основные формы, ресурсы, акторы, общие и особенные черты использования «мягкой силы» как политтехнологического инструмента борьбы за национально-территориальное самоопределение в рамках конкретных этнополитических конфликтов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Под «мягкой силой» автором настоящего исследования понимается способность субъекта в долгосрочной перспективе добиваться поставленных целей, причем не только внешнеполитических, без использования методов прямого давления благодаря тому, что у объектов формируется благосклонное к нему отношение и/или представление, что эти цели либо отвечают, либо, по крайней мере, не несут угрозу их собственным. Общую оценку «мягкой силы» актора можно дать пользуясь предложенной автором настоящего исследования упрощенной, практико-ориентированной схемой, которая состоит из четырех этапов: исследование потенциала «мягкой силы», применяемых инструментов «мягкой силы», репутации актора и результатов применения «мягкой силы».

2. Несмотря на значительные различия существующих методик оценивания и измерения «мягкой силы», в большинстве соответствующих исследований основными элементами «мягкой силы» признаются международная деятельность, государственное управление, культура, бизнес, образование, наука и технологии, туризм, спорт, коммуникации, образ жизни и нрав населения. В существующих исследованиях, посвященных измерению «мягкой силы», обычно применяются два похода: ресурсно-

инструментальный, делающий акцент на ресурсах и механизмах воздействия «мягкой силы», и репутационный, направленный на оценку репутации субъекта «мягкой силы». При них «мягкая сила» не рассматривается в качестве политтехнологического инструмента, используемого в этнополитическом конфликте. Для решения определенных исследовательских задач целесообразно применение нового подхода – конфликтного. В отличие от имеющихся исследований, чьей целью является оценка «мягкой силы» как можно большего числа акторов, научные изыскания, опирающиеся на предлагаемый подход, будут являться более узконаправленными, фокусирующимися на измерении «мягкой силы» участников конкретных конфликтов, а показателями оценки станут исключительно явления, имеющие прямое или косвенное отношение к конфликтной ситуации. То есть, при задействовании принципов двух имеющихся подходов, конфликтный подход является более контекстным. Он может поспособствовать более глубокому и разностороннему изучению конфликта.

3. Концепция «мягкой силы» может эффективно применяться при изучении политических процессов в рамках одного государства, особенно борьбы за национально-территориальное самоопределение в условиях этнополитического конфликта. Несмотря на то, что в большинстве тематических работ субъектом «мягкой силы» предстает государство, с самого начала развития концепции признавалось, что «мягкой силой» могут обладать различные организации, фонды, университеты и пр. А теория, на которой базируется концепция «мягкой силы», не говорит конкретно о межгосударственном взаимодействии. Природа и основные характеристики «мягкой силы» делают возможным применение данной концепции для описания взаимодействия акторов на внутригосударственном уровне, в том числе в условиях национально-территориального самоопределения, когда четко очерчены антагонистичные интересы и цели сторон, что располагает к изучению разных сторон их борьбы, в том числе средствами «мягкой силы».

Исследование ресурсов, механизмов воздействия и факторов «мягкой силы» основных участников на всех трех условно выделенных автором уровнях (региональном, где объектом «мягкой силы» выступает население стремящейся к отделению территории, государственном, где она направлена на население государства в целом, и международном, где влияние оказывается на правительства и население других стран) конфликта дает возможность по-новому посмотреть на противостояние сторон и выделить черты, которые характерны для этой порой неочевидной борьбы средствами косвенного давления, играющей важную роль в развитии конфликта. Это позволит более четко проанализировать баланс сил в данном этнополитическом конфликте, рассмотреть многообразие задействованных в конфликте субъектов и определить отношение населения к противоборствующим сторонам и их методам, что, в свою очередь, поможет составить более комплексную картину конфликтной ситуации.

4. Основными элементами «мягкой силы» Испании за рубежом являются культура, туризм и отдельные естественным образом благоприятствующие феномены. «Мягкая сила» Каталонии также опирается на культуру и туризм. «Мягкая сила» Каталонии по своему содержанию во многом схожа с «мягкой силой» Испании, хотя и уступает ей по масштабу. Результаты проведенного анализа «мягкой силы» Испании и Каталонии за рубежом позволяют оценить потенциал «мягкой силы» сторон исследуемого этнополитического конфликта на международном уровне, что способствует лучшему пониманию ее функционирования в качестве политтехнологического инструмента на указанном уровне.

5. В зарубежном контексте «мягкая сила» Великобритании определяется активной позицией государства в международных делах, известнейшей британской культурой, особую роль в которой играет английский язык, качественным и признанным образованием, популярностью британской монархии и эффективным задействованием СМИ. Основой «мягкой силы» Шотландии являются престижные

университеты, привлекательная среда для инвестирования и ведения бизнеса, богатая культура и транслируемые миру шотландские ценности. Основные ресурсы и механизмы «мягкой силы» Великобритании значительно отличаются от таковых Шотландии. «Мягкая сила» Шотландии и «мягкая сила Великобритании по своему характеру существенно различаются между собой. Полученные данные дают возможность оценить потенциал «мягкой силы» Великобритании и Шотландии на зарубежном уровне их этнополитического конфликта, что во многом объясняет механизм ее использования как политтехнологического инструмента.

6. «Мягкая сила» части государства в некоторых аспектах может способствовать наращиванию «мягкой силы» государства в целом, а в других – не влиять на нее или даже препятствовать ее росту. То есть «мягкая сила» государства не равна простой сумме «мягкой силы» составляющих его территорий. Порой отдельные феномены, представляющие собой неразрывную часть региональной идентичности, отличающейся от идентичностей остального населения государства, содействуют росту «мягкого» влияния именно этого региона, а не государства в целом. «Мягкая сила» территории может быть схожа по содержанию на таковую государства в целом, как в случае Каталонии и Испании, так и иметь собственный стиль, как в случае Шотландии и Великобритании. Помимо влияния прочих сопутствующих факторов, это может быть объяснено различиями в достигнутом уровне независимости региональной идентичности, что, в свою очередь, говорит о наличии очевидных социокультурных оснований развития «мягкой силы». Все это обосновывает возможность использования «мягкой силы» как политтехнологического инструмента, особенно в условиях борьбы за национально-территориальное самоопределение.

7. Несмотря на очевидное применение «жесткой силы» в этнополитическом конфликте между Испанией и Каталонией в условиях борьбы последней за национально-территориальное самоопределение, влияние «мягкой силы» как политтехнологического инструмента весьма

значительно. На всех условно выделенных уровнях (региональном, национальном и международном) конфликта обе стороны прибегают к методам косвенного давления, пользуясь различными ресурсами и механизмами «мягкой силы», некоторые из которых являются ключевыми и применяются особенно активно. На региональном уровне «мягкая сила» сторонников независимости Каталонии в основном транслируется через каталанский язык и каталонскую культуру, спорт, образование и СМИ, а «мягкая сила» выступающих за единство испанского государства во многом опирается на естественные благоприятствующие факторы. На национальном уровне конфликта сторонники независимости своей «мягкой силой» обязаны в первую очередь каталанскому языку и каталонской культуре, а также продуманному ими имиджу, а их оппоненты наращивают «мягкую силу» благодаря образу блюстителей законного порядка, позиции испанского монарха, деятельности испанского государства по продвижению каталонской культуры, а также престижным национальным спортивным турнирам. На международном уровне «мягкая сила» стремящейся к отделению от Испании стороны базируется в основном вновь на имидже, а также соответствующих ценностях, которые продвигаются благодаря активной традиционной и публичной дипломатии. «Мягкая сила» сторонников государственно-территориального единства, в свою очередь, во многом обусловлена имиджем Испании как демократического и правового государства, ее росту способствуют многолетние международные контакты Испании, а также членство в международных организациях, особенно ЕС. Исследование форм и методов использования «мягкой силы» как политической технологии в этнополитическом конфликте между Испанией и Каталонией демонстрирует ее активное и во многом эффективное применение в обозначенном контексте, что говорит о весомой роли «мягкой силы» в развитии конфликта в условиях национально-территориального самоопределения.

8. Обе стороны этнополитического конфликта между Великобританией и Шотландией на всех трех условных уровнях обладают «мягкой силой» и

эффективно ею пользуются. Несмотря на разнообразие задействованных ресурсов и факторов «мягкой силы», существуют определенные закономерности ее наращивания и применения как политтехнологического инструмента в данном конфликте. На региональном уровне «мягкая сила» сторонников шотландской независимости базируется в основном на отсылках к шотландскому мифу, образовательной системе, имеющей прямое отношение к содержанию мифа, сильной политической и управленческой элите и культуре, а такая сила юнионистов опирается в первую очередь на политику ведения диалога с оппонентами и социокультурные аспекты, общие для историко-культурного наследия Шотландии и Великобритании. На национальном уровне «мягкая сила» тех, кто выступает за выход из состава Великобритании, основывается на их имидже справедливых борцов за независимость, использующих законные методы, наличии у Шотландии очевидной для многих национальной идеи, а также на принадлежности шотландкой культуры кельтской, их оппоненты наращивают «мягкую силу» благодаря деятельности общенациональных культурных институтов, символизму популярной среди населения британской монархии, а также имиджу защитников могущественного единого государства. На международном уровне конфликта сторонники шотландской независимости обладают «мягкой силой» в первую очередь благодаря транслируемым Шотландией привлекательным ценностям, которые при этом отражают национальную идею шотландцев, большое значение имеет также проевропейская позиция шотландских властей. Основой «мягкой силы» сторонников британского единства на данном уровне являются имидж Великобритании как демократического государства и ее статус и роль в мире. Проведенный анализ борьбы Великобритании и Шотландии средствами косвенного давления доказывает целесообразность и обоснованность рассмотрения «мягкой силы» как политтехнологического инструмента этнополитического конфликта, что дает возможность более комплексно

изучить конфликт в контексте национально-территориального самоопределения.

9. Ресурсами и механизмами воздействия «мягкой силы», используемыми в обоих рассматриваемых этнополитических конфликтах между Испанией/Каталонией и Великобританией/Шотландией, являются культура в разных ее проявлениях, образование, институт монархии, общее историко-культурное наследие, транслируемые имидж и ценности, сотрудничество в культурной сфере и СМИ. Однако в данных конфликтах они обладают разной степенью значимости и своими особенностями использования. Намеренно наращиванием «мягкой силы» значительно активнее занимаются сторонники независимости, в то время как сторонники государственно-территориального единства, несмотря на предпринимаемые шаги в этой сфере, нередко полагаются на естественные факторы или производные от них. Это можно объяснить тем, что ключевые сторонники государственного единства – центральные органы управления Испании и Великобритании – располагают множеством рычагов давления, в том числе на органы управления конфликтной территории, то есть имеют целый арсенал «жестких» ресурсов, поэтому порой пренебрегают использованием «мягких». Применение «мягкой силы» как политтехнологического инструмента сторонниками независимости на условно выделенном региональном уровне этнополитических конфликтов в условиях национально-территориального самоопределения во многом направлено на укрепление у населения территории идентичности, отличной от идентичностей остальной части государства, что, в свою очередь, приводит к росту числа сторонников идеи независимости. Существуют сильные, объективно сложившиеся социокультурные основания использования «мягкой силы» сторонниками каталонской и шотландской независимости. Именно специфика национальной идентичности каталонцев и шотландцев во многом определяет особенности «мягкой силы» тех, кто выступает за независимость. Исследование «мягкой силы» как политтехнологического

инструмента в этнополитическом конфликте имеет значительный потенциал, раскрытие которого позволит всесторонне оценить проблему национально-территориального самоопределения.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что диссертант, используя широкий методологический аппарат, развивает концепцию «мягкой силы», выдвигая следующие теоретические постулаты:

– «мягкую силу» допустимо рассматривать как политтехнологический инструмент, который в условиях борьбы за национально-территориальное самоопределение может использоваться участниками этнополитических конфликтов для достижения своих целей как на государственном, так и на субгосударственном уровнях;

– научно-теоретическое осмысление «мягкой силы» как политтехнологического инструмента борьбы за национально-территориальное самоопределение в условиях этнополитического конфликта может быть эффективно реализовано в рамках трехуровневой модели.

Выводы автора могут служить теоретической основой для будущих исследований, проводимых в новых контекстах развития концепции «мягкой силы» и посвященных научному осмыслению различных этнополитических конфликтов, развивающихся в условиях борьбы за национально-территориальное самоопределение.

Практическая значимость исследования состоит в том, что в нем представлено порой скрытое противостояние сторон этнополитического конфликта методами косвенного воздействия, определены основные ресурсы, механизмы и стратегии «мягкой силы», задействованные в рассмотренных конфликтах, что может помочь в поиске способов урегулирования и предотвращения конфликтов такого характера.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в экспертной, консультативной и научной деятельности специалистов, изучающих политические, социальные и культурные процессы в Испании, в

том числе конкретно в Каталонии, и в Великобритании, в том числе конкретно в Шотландии, а также в образовательной деятельности при подготовке учебных курсов политологического, государственно-управленческого и регионоведческого циклов.

Апробация результатов исследования. Научные результаты исследования были представлены на следующих конференциях: 8-ой Международной молодежной научной конференции «Поколение будущего: Взгляд молодых ученых – 2019» (13–14 ноября 2019, г. Курск); Всероссийской молодежной научной конференции «За нами будущее: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества» (05 июня 2020, г. Курск); Международной научно-практической конференции «Мировой политический процесс: информационные войны и «цветные революции»» (27-29 октября 2021, г. Москва); 4-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Теория и практика эффективности государственного и муниципального управления» (13 мая 2022, г. Курск).

Положения и выводы, полученные в ходе работы над диссертационным исследованием, отражены в 9 научных публикациях, из них 5 опубликованы в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации: «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» (2019, 2020), «Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» (2021), «Среднерусский вестник общественных наук» (2021) и «Современная Европа» (2022). Журнал «Современная Европа» также входит в Scopus и Emerging Sources Citation Index на платформе Web of Science.

Структура работы. Диссертационная работа в соответствии с целью и задачами исследования состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и двух приложений.

1 КОНЦЕПЦИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

1.1 Теоретико-методологические аспекты понятия, сущности и этнополитических проявлений «мягкой силы»

Прежде чем исследовать «мягкую силу» сторон этнополитических конфликтов, следует подробно рассмотреть саму концепцию, понятия, составляющие и этнополитические проявления «мягкой силы». Автором концепции «мягкой силы» считается именитый американский политолог Джозеф С. Най-младший, известный также своей практической деятельностью на таких постах, как председатель Национального разведывательного совета и заместитель министра обороны по вопросам международной безопасности США. Сам термин появляется в 1990 году в его одноименной статье в журнале Foreign Policy и в книге Bound to lead: the changing nature of American power.

Упомянутая книга посвящена анализу современного состояния американской мощи и изменениям, происходящим в мировой политике в целом, в рамках последней темы автор и вводит понятие «мягкая сила». Следует заметить, что, говоря о «soft power» или «co-optive power», Дж. Най рассуждал скорее о власти, а не о силе, тем не менее в настоящей работе будет применяться уже устоявшийся в отечественном научном сообществе перевод термина, так как, на наш взгляд, это не влияет на достижение обозначенных целей и задач исследования. Американский политолог утверждает, что акторы могут добиваться своих целей на международной политической арене, не только оказывая прямое давление путем подкупа или угроз, но и используя «ассимилирующую», «приобщающую» («co-optive») силу, которую он также называет «мягкой» в противопоставление классической «жесткой силе». Это убеждение других «хотеть то, что сам

хочешь»[23]. Государство может получить необходимые ей результаты по причине того, что другие сами хотят следовать за ним. «Мягкая сила» базируется на привлекательности идей пользующегося ею субъекта, а также на его способности задать политическую повестку дня таким образом, чтобы она формировала предпочтения других участников в выгодном для него русле.

Дж. Най указывает, что эта альтернативная сила обычно ассоциируется с такими неосязаемыми ресурсами, как культура, идеология и институты, а «жесткая сила», напротив, с осязаемыми – военная и экономическая мощь. Тем не менее автор сразу делает оговорку о том, что указанные способности формировать желания («мягкая сила») и действия («жесткая сила») других далеко не так антагонистичны, как может сначала показаться, и, например, даже военные ресурсы могут привлекаться для осуществления первой[24].

Итак, по Наю, «ассимилирующая сила» – «способность нации так структурировать ситуацию, чтобы другие нации формировали свои предпочтения или определяли свои интересы в соответствии с ее собственными предпочтениями и интересами»[25].

Согласно политологу, если власть какого-то государства выглядит легитимно в глазах других, то они будут меньше сопротивляться его желаниям, если его культура привлекательна – они охотнее будут за ним следовать, если оно способно установить международные нормы, согласующиеся с его обществом, – ему самому не придется меняться, если это государство может оказывать поддержку институтам, которые направляют действия других государств в выгодном для него ключе, – «жесткая сила» может не понадобиться. В анализируемой книге автор

---

[23] Nye J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York: Basic Books, 1991. – P. 31.

[24] Ibid. – P. 267.

[25] Ibid. – P. 191.

говорит о повышении роли «мягкой силы» в мировой политике, подчеркивая, что это не исключает важности традиционной «жесткой силы»[26].

Термин «мягкая сила» получил популярность как среди теоретиков, так и практиков. Джозеф Най возвращается к нему в 2001 году во время написания книги The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone, а в 2004 году выходит другая книга Дж. Ная, уже целиком посвященная этой концепции, – Soft Power: The Means To Success In World Politics. Наибольший интересе у американского политолога вызывает «мягкая сила» именно его страны, тем не менее книга содержит и общие теоретические положения.

В этой книге автор повторяет, обобщает и развивает ранее обозначенные тезисы. Так, «мягкая сила» – «способность получать желаемое путем привлечения, а не принуждения или подкупа»[27]. «Мягкая сила» страны базируется на трех основных ресурсах: ее культуре (тех сторонах, которые являются привлекательными для остальных), политических ценностях (при условии, что она ведет в соответствии с ними как внутреннюю, так и внешнюю политику) и внешней политике (когда она выглядит легитимной)[28].

Политолог утверждает, что если культура страны содержит универсальные ценности, а ее политика продвигает интересы и ценности, разделяемые другими, то вероятность получения им желаемых результатов выше. Тем не менее эффективность любого ресурса силы зависит от контекста, в том числе от аудитории, на которую он применяется. Необходимо также понимать, что речь идет не только о массовой (музыка, кино, спорт и др.), но и высокой культуре. Причем торговая деятельность – это далеко не единственный способ распространения культуры, большое значение имеют личные контакты, визиты и обмены.

Что касается политики, проводимой государством, то важным замечанием автора является тот факт, что она может и уменьшать «мягкую

---

[26] Ibid. – P. 31–33.
[27] Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2005. – P. x.
[28] Ibid. – P. 11.

силу» государства, если она представляется другим лицемерной и надменной. Например, если нормы, которые проповедует государство за рубежом, не применяются во внутренней политике.

Дж. Най подчеркивает одну из ярких черт «мягкой силы» и одновременно главных трудностей ее применения – эта сила не принадлежит властям государства в той степени, в какой им принадлежит «жесткая сила». Несмотря на то, что государственные органы, безусловно, могут задавать определенные ориентиры «мягкой силы», полностью контролировать ее они не могут. Большой вклад вносят, к примеру, негосударственные акторы (НПО, гражданское общество и др.), которые также обладают «мягкой силой». Это может играть как на пользу «мягкой силе» государства в целом, так и, напротив, мешать государственным усилиям в этой сфере.

Среди других характеристик «мягкой силы» в обозначенном труде Дж. Най выделяет ее большую эффективность при применении в отношении государств с менее концентрированной властью; влияние скорее на общие, чем на конкретные цели государства; часто косвенное функционирование путем формирования лишь условий для проведения конкретной политики; порой долгое ожидание желаемых результатов от ее использования[29]. Сложностью исследования «мягкой силы» государства является невозможность ее точного измерения, тем не менее, по мнению Ная, не следует недооценивать такой инструмент, как анализ общественного мнения[30]. Кроме того, потенциал «мягкой силы» страны можно оценить благодаря ее позициям в мировых рейтингах, отражающих количество иностранных студентов, иммигрантов, лауреатов Нобелевской премии и др. Однако необходимо понимать, что далеко не все потенциальные ресурсы «мягкой силы» в конечном счете приводят к желаемым результатам[31].

Согласно Джозефу Наю, «мягкая сила», будучи «притягательной силой» («attractive power»), неразрывно связана с продвижением позитивного

[29] Ibid. – P. 99.
[30] Ibid. – P. 11–18.
[31] Ibid. – P. 34.

образа государства. Даже если иностранное правительство относится благосклонно к какой-либо стране, оно может быть скованно в своих действиях по отношению к ней, если у населения сформирован отрицательный образ этой страны. Таким образом, при реализации «мягкой силы» велика роль публичной дипломатии, которая, согласно идеям Марка Леонарда, приведенным в книге Ная, имеет три направления. Первое – ежедневная оперативная коммуникация, которая объясняет внутреннюю и внешнюю политику государства иностранной публике. Второе направление публичной дипломатии представляет собой стратегическую коммуникацию. Она призвана планово продвигать определенные темы среди иностранного населения, создавая необходимые образы о своей стране. Третье направление включает развитие долгосрочных взаимоотношений с отдельными гражданами других стран через стипендии, обмены, конференции и др. Субъекты, осуществляющие действия в рамках публичной дипломатии, могут быть как государственными (институты по продвижению государственных культуры и языка, официальные СМИ, спецслужбы и др.), так и негосударственными (НПО, частные компании, фонды и др.).

Дж. Най обращает внимание на то, что публичная дипломатия не равна пропаганде, информация, предоставляемая населению других стран, обязана заслуживать у него доверие: очевидная манипуляция общественных мнением лишь уменьшит «мягкую силу», а не будет способствовать ее наращиванию. Именно поэтому большую значимость имеют действия негосударственных субъектов публичной дипломатии, иногда вызывающих большое доверие у общественности, чем органы власти государства. Также транслируемая информация о государстве должна подкрепляться его действиями как во внутренней, так и во внешней политике. Более того, публичная дипломатия строится на понимании ее объекта, то есть необходимо как «слушать, так и

говорить». Для увеличения «мягкой силы» важно понимать целевую аудиторию[32].

Вместе с тем Джозеф Най и в этой книге вновь подчеркивает, что, несмотря на свою возрастающую роль, «мягкая сила» не является ключом к решению всех проблем, и «жесткая сила» не теряет своей значимости. Для обозначения их сбалансированного и эффективного сочетания он использует термин «умная сила» («smart power»)[33].

В дальнейших публикациях по теме Джозеф Най по большей части воспроизводит материал из предыдущих своих работ, делая акцент на «умной силе»[34] или разъясняя определенные положения концепции «мягкой силы»[35].

А вот в своей книге 2011 года The Future of Power Най уже дает дополненное определение «мягкой силы» – «способность влиять на других ассимилирующими средствами формирования повестки дня, убеждения и привлекательности в целях получения предпочтительных результатов»[36]. В этом труде политолог, наряду с развернутым представлением «умной силы» и стратегией ее реализации, продолжает подробнее излагать отдельные аспекты и «мягкой силы». Так, как и ранее, он, в свете неправильного восприятия многими его концепции, подчеркивает, что «мягкую силу» могут производить разнообразные ресурсы, в том числе и те, которые обычно ассоциируются с «жесткой силой». Также «мягкую силу» не стоит рассматривать как этически более правильную: как и любая другая сила, она может быть использована и в плохих целях. Кроме того, Най подчеркивает, что его концепция скорее описательная, нежели нормативная[37].

---

[32] Ibid. – P. 105-117.

[33] Ibid. – P. 147.

[34] См, например, Nye J.S. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs. – 2009. – Vol. 88, № 4. – P. 160–163; Nye J.S. A Smarter Superpower [Электронный ресурс] // Foreign Policy. – October 13, 2009. – URL: https://foreignpolicy.com/2009/10/13/a-smarter-superpower/ (дата обращения: 16.01.2020).

[35] См., например, Nye J.S. Think Again: Soft Power [Электронный ресурс] // Foreign Policy. – February 23, 2006. – URL: https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/ (дата обращения: 17.01.2020).

[36] Nye J. S. The Future of Power. – New York: Public Affairs, 2011. – P. 21.

[37] Ibid. – P. 81.

В упомянутом труде 2011 года Джозеф Най предлагает две модели функционирования «мягкой силы» – прямое и косвенное воздействие на целевую аудиторию. Согласно первой модели политические лидеры одной страны, применяя ресурсы «мягкой силы», напрямую воздействуют на лидеров других стран. Во второй, более распространенной модели задействовано общественное мнение, влияние оказывается на другие субъекты, а они, в свою очередь, влияют на правительственные элиты своих стран, создавая благоприятную или неблагоприятную среду для их решений.

Среди основных ресурсов, которые благодаря умелому использованию могут быть преобразованы в «мягкую силу», автор называет культуру, ценности, легитимную политику, примерную внутреннюю политику государства, успешную экономическую модель и компетентную военную силу. Кроме того, и другие ресурсы могут быть преобразованы для их использования в рамках «мягкой силы». Такие «преобразованные» («shaped») ресурсы включают разведывательные службы, информационные агентства, дипломатию, публичную дипломатию, программы обмена, программы оказания помощи, программы профессиональной подготовки и др. Эти ресурсы предоставляют широкий спектр политических инструментов, однако эффект от их использования зависит от контекста, ключевой аудитории и стратегии по их преобразованию[38]. Отдельное внимание политолог уделяет современным киберинструментам, которые также могут производить «мягкую силу»[39].

Для того чтобы использование ресурсов и инструментов «мягкой силы» привело к желаемых результатам, согласно автору, необходимо, чтобы в восприятии целевой аудитории субъект обладал такими качествами, как добросердечность, компетентность и харизма. Причем такое восприятие

[38] Ibid. – P. 94–99.
[39] Ibid. – P. 126–127.

может быть и обманчиво, например в случае пропаганды, но главное – объект в это верит[40].

В целом повторяя свои основные тезисы о значимости публичной дипломатии, в обозначенной книге Джозеф Най обращает внимание на то, что при ее реализации в современном информационном обществе децентрализация и ослабление контроля могут стать ключевым фактором в создании «мягкой силы»[41].

Спустя годы в своих недавних публикациях по рассматриваемой теме Джозеф Най говорит о том, насколько прижилась его аналитическая концепция в речах и стратегиях политических деятелей всего мира. Она стала в каком-то смысле универсальной, ведь о «мягкой силе» теперь беспокоятся на высшем уровне даже в таких странах, как Китай[42].

Отдельно стоит выделить научную статью политолога 2019 года, в которой он продолжает настаивать на значимости «мягкой силы» и публичной дипломатии в современном мире, а также приводит примеры того, какие коррективы внесли в них современные технологии – благодаря им «мягкая сила» все меньше контролируется правительством. Кроме того, Най акцентирует внимание на введенном К. Волкером и Д. Людвигом термине «острая сила» («sharp power»), которая подразумевает вводящее в заблуждение использование информации во враждебных целях. Най относит эту силу к «жесткой» и подчеркивает необходимость отличать ее от «мягкой». Несмотря на то, что и «острая», и «мягкая сила» используют неосязаемые ресурсы, последнюю отличает гласность и ограничения на преднамеренный обман. Использование государством «острой силы» может уменьшить потенциал ее «мягкой силы»[43].

---

[40] Ibid. – P. 99–100.

[41] Ibid. – P. 109.

[42] Nye J.S. Soft power: the origins and political progress of a concept [Электронный ресурс] // Palgrave Communications. – 2017. – URL: https://www.nature.com/articles/palcomms20178 (дата обращения: 17.01.2020).

[43] Nye J.S. Soft Power and the Public Diplomacy Revisited // The Hague Journal of Diplomacy. – 2019. – №14. – P. 1–14.

Проанализировав работы автора термина «мягкая сила» Джозефа Ная, стоит коротко обозначить истоки данной концепции. Безусловно, сама идея получать желаемое без принуждения не нова, и схожие мысли можно увидеть еще у древних философов, что неоднократно подчеркивал и сам Най. Что касается более конкретного оформления данной теории, то сам американский политолог ссылается на П. Бахраха и М. Бараца. В своих публикациях 60-х годов[44] эти ученые вводят понятие «второе лицо власти» («second face of power»), говоря о ситуациях, когда субъект влияет на объект, «создавая или упрочняя социальные и политические ценности и институциональные практики», которые ограничивают перечень вопросов для обсуждения до тех, которые являются «сравнительно безобидными» для первого[45]. Идеи Бахраха и Бараца развил британский политолог Стивен Льюкс, предложив «третье измерение власти» («третье лицо власти»)[46], данная концепция также перекликается с «мягкой силой» Ная. Упоминает Джозеф Най и британского исследователя Э.Х. Карра, который в своем известном труде 1939 года представляет три категории силы в международных отношениях: военную, экономическую и власть над мнением[47].

Говоря о теориях, предшествовавших концепции «мягкой силы», обычно упоминают еще и представления о культурной гегемонии итальянского философа Антонио Грамши, обозначенные им в 1930-х годах в «Тюремных тетрадях»[48]. Даже общепризнанный реалист Г. Моргентау признает «культурный империализм», который стремится к завоеванию и

---

[44] Bachrach P., Baratz M.S. Two Faces of Power // The American Political Science Review. – 1962. – Vol. 56, № 4. – P. 947–952; Bachrach P., Baratz M.S. Decisions and Nondecisions: An Analytical Framework // The American Political Science Review. – 1963. – Vol. 57, № 3. – P. 632–642.

[45] Bachrach P., Baratz M.S. Two Faces of Power // The American Political Science Review. – 1962. – Vol. 56, № 4. – P. 948.

[46] Lukes S. Power: A Radical View. – London: Bloomsbury Publishing PLC, 2004. – 192 p.

[47] Carr E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations. – New York: Harper & Row, 1964. – P. 108.

[48] Грамши А. Избранные произведения в трех томах. Том 3. Тюремные тетради / Пер. с итал. В.С. Бондарчука, Э.Я. Егермана, И.Б. Левина. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 569 с.

контролю над умами людей, а не к захвату территорий и экономическому контролю[49].

Таким образом, существует немало идей и теорий, перекликающихся с концепцией «мягкой силы». В рамках настоящего диссертационного исследования именно учение Ная представляется наиболее удачным и удобным теоретическим инструментом для анализа соответствующего потенциала участников этнополитических конфликтов.

С момента своего появления концепция «мягкой силы» привлекла внимание огромного числа исследователей по всему миру, этой теме посвящено большое количество работ различной направленности. Особый интерес представляют те, что дополняют, привносят что-то новое в концепцию Ная или содержат критику в ее адрес.

Что касается критики, то специалист в сфере международного бизнеса и маркетинга Ин Фань, наряду с другими исследователями, критикует Дж. Ная за расплывчатость определений «мягкой силы», а также путаницу между ее источниками, ресурсами и результатами. Утверждая, что внешняя политика является неотъемлемой частью «жесткой силы» государства, а его ценности и внутриполитические институты – неотъемлемой составляющей культуры общества, Фань признает единственным компонентом «мягкой силы» лишь культуру, а поэтому называет ее «культурной силой». Кроме того, исследователь считает, что «мягкая сила» страны не может функционировать должным образом или не может функционировать вообще без ее «жесткой силы». По его мнению, любой стране необходимы средства «жесткой силы» для того, что продвигать свою «мягкую силу». Фань рассматривает связь «мягкой силы» с национальным брендингом, полагая, что последний может быть важным инструментом развития национальной «мягкой силы». Тем не менее, согласно его представлениям, национальный

[49] Morgenthau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. – New York: Alfred A. Knopf, 1948. – P. 40–41.

брендинг является более полезным подходом к созданию международного влияния, чем применение «мягкой силы» через публичную дипломатию[50].

Немало исследователей вообще не согласны с делением силы на «жесткую» и «мягкую». Так, британский историк Нил Фергюсон вовсе считает «мягкую силу» лишь прикрытием «жесткой»[51]. Дженис Маттерн в своей работе, посвященной критике учения Ная, полагает, что нередко привлекательность опирается на принуждение, а значит, «мягкая сила» не такая уж и «мягкая» и является своего рода продолжением «жесткой силы»[52]. А специалист в области геополитики Колин С. Грей, хоть и признает существование «мягкой силы», заявляет о преувеличении ее значимости в качестве инструмента политики[53].

Американский политолог Брэнтли Уомак также сомневается, можно ли считать «мягкую силу» отдельным типом силы. Помимо этого, Уомак обращает особое внимание на то, что «мягкая сила», действительно, объединяет внимание, привлекательность и убеждение, однако каждая из этих составляющих должна рассматриваться как ее отдельное измерение. Ученый уверен, что для плодотворного применения «мягкой силы» нужно стремиться к партнерским отношениям, а не рассматривать вторую сторону с позиции сильного[54].

Британский исследователь Эдвард Лок критикует ранние работы Джозефа Ная за излишнюю ориентацию на субъекте, использующим «мягкую силу», без должного внимания к объекту, на который направлены усилия первого, называя такой подход к силе «нестратегическим».

---

[50] Fan Y. Soft power: Power of attraction or confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. – 2008. – Vol. 4, № 2. – P. 147–158.

[51] Ferguson N. Colossus: The Rise and Fall of the American Empire. – London: Allen Lane, 2004. – P. 24.

[52] Mattern J.B. Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies. – 2005. – Vol. 33, № 3. – P. 583-612.

[53] Gray C.S. Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century [Электронный ресурс] // Strategic Studies Institute, US Army War College. – 1 April 2011. – URL: https://www.jstor.org/stable/resrep11431 (дата обращения: 19.01.2023).

[54] Womack B. Dancing Alone: A Hard Look at Soft Power [Электронный ресурс] // Asia-Pacific Journal: Japan Focus. – 2005. – Vol. 3, № 11. – URL: https://apjjf.org/-Brantly-Womack/1975/article.pdf (дата обращения: 30.01.2020).

Стратегическая концепция предусматривает рассмотрение властных отношений между субъектом и объектом. Лок утверждает, что она помогает избежать некоторых ошибок при изучении «мягкой силы», например отожествление силы с наличием определенных ресурсов[55].

Исследователь из Франции Александр Боа в публикации 2006 года настаивает, что Най в своих работах, вышедших в свет к тому моменту, не учел в должной мере важнейшую роль негосударственных акторов в развитии «мягкой силы»[56].

Немало исследований авторов из разных стран разностороннее дополнили рассматриваемую концепцию. Джошуа Курланцик в 2006 году в своей статье, посвященной политике Китая, классифицировал «мягкую силу» на «высокую» («high»), направленную на политические элиты других стран, и «низкую» («low»), чьей целевой аудиторией является широкий круг общественности[57].

Ученые Мэттью Кроэниг, Мелисса МакАдам и Стивен Вебер в совместном междисциплинарном исследовании определяют «усилия государства по применению «мягкой силы» как координированную правительственную попытку убедить других акторов сделать то, что они иначе бы не сделали, используя инструменты, не влияющие напрямую на структуру материальных стимулов» этих акторов[58]. Авторы обозначают три условия, при которых применение «мягкой силы» государством имеет больше шансов быть успешным. Во-первых, государство должно иметь возможность взаимодействия с целевой аудиторией в условиях функционирующего рынка идей. Во-вторых, государству следует осуществлять коммуникацию через вызывающие доверия источники,

---

[55] Lock E. Soft power and strategy: Developing a 'strategic' concept of power // Soft Power and US Foreign Policy / Ed. by I. Parmar, M. Cox. – London: Routledge, 2010. – P. 32–50.

[56] Bohas A. The Paradox of Anti-Americanism: Reflection on the Shallow Concept of Soft Power // Global Society. – 2006. – Vol. 20, № 4. – P. 395–414.

[57] Kurlantzick J. China's Charm: Implications of Chinese Soft Power // Policy Brief. – 2006. – № 47. – P. 1–8

[58] Kroenig M., McAdam M., Weber S. Taking Soft Power Seriously // Comparative Strategy. – 2010. – Vol. 29, № 5. – P. 413.

доставлять повторяющиеся сообщения, обращающиеся на эмоциональном уровне к получателям, и нацеливаться на аудиторию, открытую к коммуникации. В-третьих, изменение во взглядах целевой аудитории должно приносить необходимые политические результаты, иметь воздействие на политическую среду, то есть государству нужно верно определить, на кого ориентировать кампанию «мягкой силы», причем данная кампания не должна противоречить основным материальным интересам объекта. Все эти условия являются необходимыми для успешного применения «мягкой силы», но все равно могут быть недостаточными[59].

Джулио Галларотти рассматривает «мягкую силу» как форму мета-власти («meta-power»), одним из элементов которой выступает контроль за повесткой дня. Он подразделяет источники «мягкой силы» на международные (внешняя политика и внешнеполитическая деятельность) и внутригосударственные (внутренняя политика и другая деятельность внутри государства). Что касается международных источников, то государства, желающие развить свою «мягкую силу», прежде всего, должны продемонстрировать уважение к международным законам, нормам и институтам, обозначить свою приверженность мультилатерализму и либеральной внешнеэкономической политике. Внутригосударственные источники же подразумевают силу, заложенную в культуре, и силу, заложенную в политических институтах[60].

Также дополнил теорию «мягкой силы» исследователь международных отношений из Сингапура Алан Чонг. В условиях глобализации он рассматривает две модели «мягкой силы» – «мягкую силу» внешней политики, применяемую государством, которая имеет две формы, и «мягкую

[59] Ibid. – P. 412–431

[60] Gallarotti G.M. Soft power: what it is, why it's important, and the conditions for its effective use // Journal of Political Power. – 2011. – Vol. 4, № 1. – P. 25–47.

силу» негосударственных акторов, которая может иметь три формы в зависимости от ее взаимодействия с государственной «мягкой силой»[61].

Александр Вувинг, пытаясь улучшить определение «мягкой силы» Ная, дополняет его словом «принять», т.е. «мягкая сила» – это «способность убедить других хотеть или принять то, что хочешь ты»[62]. Однако сам признает, что и это определение нельзя считать идеальным. Вувинг настаивает на различии ресурсов и «валюты» («currencies») власти (силы) и выделяет три характерных «валюты», которые могут генерировать «мягкую силу», – красота («beauty», отклик от разделяемых норм и целей), блистательность («brilliance», блеск возможностей и успехов) и добросердечие («benignity», доброта в поведении и отношении). Он утверждает, что именно валюта, а не ресурсы отличают «мягкую силу» от «жесткой». То, что зачастую считают инструментами «мягкой силы», например культурные мероприятия, программы обмена и др., по его мнению, не производят силу напрямую, а способствуют трансформации «валюты» «мягкой силы» в саму силу[63].

Лэйла Салех предлагает теоретически более узкое и более практико-ориентированное определение «мягкой силы», называя ее «сознательной стратегией, которая использует методы нежесткой силы, направленные на убеждение, для влияния на целевое правительство или целевое население таким образом, чтобы это способствовало продвижению интересов» государства, ее применяющего (у Салех речь идет конкретно о США). «Мягкая сила» – это стратегическое средство достижения внешнеполитических целей[64]. Для практического удобства свое исследование «мягкой силы» США Лэйла Салех строит на исходных данных о том, что актором, создающим эту силу, является американское правительство,

---

[61] Chong Chia Siong A. Foreign policy in global information space: Actualising soft power: PhD thesis. – London, 2002. – 457 p.

[62] Vuving A.L. How Soft Power Works // American Political Science Association annual meeting. – Toronto, September 3, 2009. – P. 6.

[63] Ibid. – 20 p.

[64] Saleh L. Soft Power, NGOs, and the US War on Terror: dissertation. – Milwaukee, 2012. – P. 44.

несмотря на то, что вообще негосударственные акторы могут демонстрировать, использовать или генерировать «мягкую силу»; правительство же страны использует и опирается на таких акторов при осуществлении стратегии «мягкой силы». По замечанию исследователя, неправительственные организации являются интересным инструментом реализации государством «мягкой силы»[65].

Процесс действия как «мягкой», так и «жесткой силы» описывает в одной из своих работ Сеичи Кондо, занимавший в свое время различные посты во внешнеполитическом ведомстве Японии. Он выделяет четыре стадии: ресурсы, их трансляция, их получение и результаты. Акцент автор делает на второй и третьей стадиях. При сбое на любом из этапов конечный результат не может быть гарантирован. Отличительными характеристиками функционирования «мягкой силы» от «жесткой» он считает субъективность и культурные барьеры на стадиях трансляции и получения. Публичную дипломатию же от пропаганды отличает взаимодействие (двусторонний диалог) между субъектом, транслирующим «мягкую силу», и ее получателем. По мнению Сеичи Кондо, органы власти страны должны воздерживаться от прямого контроля над «мягкой силой» и вместо этого стремиться к созданию среды, где негосударственные субъекты могут свободно создавать идеи и культуру, а отправители и получатели в процессе функционирования «мягкой силы» могут беспрепятственно взаимодействовать друг с другом[66].

Исследователь международных отношений Су Чанхе выделяет наиболее эффективные пути создания и наращивания «мягкой силы» государством. Так, согласно его представлениям, особое внимание стоит уделять образованию, продвижению знания в широком смысле этого слова среди населения своей страны и за рубежом, наличию в стране лидеров

---

[65] Ibid. – 304 p.

[66] Kondo S. Wielding Soft Power: The Key Stages of Transmission and Reception // Soft Power Superpowers / Ed. by W. Yasushi and D.L. McConnell. – New York: M.E. Sharpe, 2008. – P. 191–206.

общественного мнения из разных сфер, популяризации государственного языка, а также созданию международных институтов[67].

Лаура Розел, Алистер Мискиммон и Бен О'Лафлин, отмечая такие сложности в понимании и анализе «мягкой силы», как определение ее ресурсов, процесса ее функционирования и условий, когда ее ресурсы могут быть использованы во внешней политике, предлагают использовать концепцию «стратегического нарратива». Причем сами нарративы могут быть эффективным ресурсом силы. Исследователи также уверены, что эта концепция может уменьшить различия между «мягкой» и «жесткой» силами[68].

Политолог Тодд Холл предлагает пересмотреть концепцию «мягкой силы» из-за неоднозначности ее составной категории «привлекательность». Он считает, что лучше говорить об отдельных «мягких силах», и называет для примера три такие силы: институционная сила («institutional power»), предусматривающая возможность государства оказывать давление в рамках международных организаций благодаря своему положению в них, репутационная сила («reputational power») и представительская сила («representational power»), понимаемая как способность государства формулировать выгодные ему повестки дня и целенаправленно формировать убеждения других[69].

Маркос Куналакис и Андраш Шимони в совместном исследовании 2011 года вводят понятие «спектральной силы». Они предлагают двумерную модель силы, демонстрирующую взаимосвязь «жесткой» и «мягкой силы». В представленных ими графиках одна шкала – это шкала инструментов силы, а вторая – способов применения («delivery») этих инструментов. Обе шкалы подразумевают ранжирование от «жёсткая» к «мягкая». Благодаря этому

---

[67] Changhe S. Soft Power // The Oxford Handbook of Modern Diplomacy / Ed. by Cooper A.F., Heine J., Thakur R. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 544–558.

[68] Roselle L., Miskimmon A., O'Loughlin B. Strategic narrative: A new means to understand soft power // Media, War and Conflict. – 2014. – Vol. 7, № 1. – P. 70–84.

[69] Hall T. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics. – 2010. –Vol. 3, № 2. – P. 189–211.

авторы говорят о существовании мягкой «мягкой силы» («soft-soft power»), мягкой «жесткой силы» («soft-hard power»), жёсткой «мягкой силы» («hard-soft power») и жесткой «жесткой силы» («hard-hard power»). Кроме того, они указывают, что есть видимая часть спектра силы, охватывающая действия государства, и невидимая – отражающая действия негосударственных акторов и частных лиц[70].

Заслуживают особого внимания и работы отечественных исследователей по теме «мягкой силы». Стоит отметить, что большая часть их трудов посвящена именно российской «мягкой силе», тем не менее интересные дополнения и трактовки самой концепции также присутствуют в отдельных работах.

В российском научном и профессиональном сообществах концепция Ная получила сравнительно запоздалую, но широкую известность. Причем официальная российская интерпретация «мягкой силы» отличается от принятой за рубежом. Об этом пишет известный журналист и политолог Федор Александрович Лукьянов. Он замечает, что специфичность трактовки в высших политических кругах в том, что «мягкая сила» предстает более политическим феноменом, причем утрируются ее значение и опасность. Один из самых простых вариантов ее истолкования в политической практике России и вовсе, по его мнению, «фактически уравнивает «мягкую силу» с контрпропагандой»[71]. В Концепции внешней политики РФ 2016 года указано, что для решения внешнеполитических задач необходимо использование «инструментов «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий»[72]. Предыдущая Концепция 2013 года определяла «мягкую силу» как «комплексный инструментарий решения

---

[70] Kounalakis M., Simonyi A. The Hard Truth about Soft Power. – Los Angeles: Figueroa Press, 2011. – 49 p.

[71] Лукьянов Ф. Парадоксы российской «мягкой силы» [Электронный ресурс] // Франко-Российский аналитический центр Обсерво. – URL: https://obsfr.ru/analytics/blogs/10982/ (дата обращения: 25.01.2020).

[72] Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 49. – Ст. 6886. – С. 7191.

внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии», а также предупреждала, что в современных условиях существует риск «деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом»[73]. Как можно заметить, такое понимание отличается от классического прочтения концепции Ная. О том, что идея «мягкой силы» в разных странах воспринимается по-разному, говорил и, например, российский и американский политолог Андрей Павлович Цыганков, отмечая, что для стран, чьи ценности и интересы далеки от американских, данная теория представляется не чем иным, как «новой попыткой расширить сферу геополитического присутствия США»[74].

Еще одним российским исследователем «мягкой силы» является профессор Дипломатической академии МИД РФ Марк Афроимович Неймарк. В своей книге 2017 года «“Мягкая сила” в мировой политике» он рассуждает над различными подходами к понимаю «мягкой силы» в научно-экспертном сообществе России, которые определяются даже выбором перевода самого понятия[75].

В одной из своих работ профессор МГУ Леонова Ольга Георгиевна также классифицирует различные подходы к интерпретации «мягкой силы»

---

[73] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г.) [Электронный ресурс] // МИД РФ. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (дата обращения 9.11.2021).

[74] Цыганков А.П. Всесильно, ибо верно? «Мягкая сила» и теория международных отношений // Россия в глобальной политике. – 16 декабря 2013. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/vsesilno-ibo-verno/ (дата обращения: 19.01.2023).

[75] Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. – М.: Дашков и К, 2018. – С. 16.

среди российских исследователей. Так, она выделяет: силовой подход, при котором акцент делается на властную составляющую; влиятельный (инфлюентный) подход, который рассматривает «мягкую силу» как способ влияния; технологический подход, где «мягкая сила» выступает одной из технологий в мировой политике; коммуникативный подход, при котором «мягкая сила» представляется методом коммуникативного воздействия; конструктивистский подход, подчеркивающий элемент манипуляции сознанием объекта «мягкой силы»; романтический подход, который превозносит такие характеристики процесса действия «мягкой силы», как отсутствие угроз, привлекательность культуры и пр.; инструментальный подход, который подразумевает понимание «мягкой силы» как инструмента внешней политики государства; ресурсный подход, обращающий внимание в первую очередь на совокупность ресурсов «мягкой силы»[76]. В другой своей публикации Леонова О.Г. представляет свою авторскую интерпретацию «мягкой силы». Она определяет «мягкую силу» страны как «ее влияние на глобальный мир силой своего внутреннего обаяния»[77]. «Мягкая сила» страны является суммой ее образа и действий. Этот исследователь выделяет два вида факторов влияния «мягкой силы»: влияние материальных (товары, технологии и др.) и нематериальных факторов (духовные ценности, культура и др.). На основе этого восприятие «мягкой силы» делится на поверхностное и глубинное. Классифицирует политолог и компоненты «мягкой силы». Согласно ее работе, они могут быть постоянными и переменными. Постоянные компоненты включают, например, национальные духовные ценности, культуру, технологии, концепцию внешней политики, переменные – показатели экономической и внешнеполитической успешности страны. Эти компоненты могут компенсировать друг друга[78]. В еще одной работе, посвященной «мягкой силе», Леонова Ольга Георгиевна замечает, что «в

[76] Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2015. – № 2. – С. 80–89.

[77] Леонова О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2014. – № 3. – С. 18.

[78] Там же. – С. 18–28.

широком смысле слова «мягкая сила» есть часть глобальных политических технологий»[79].

Научный сотрудник Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН Рустамова Лейли Рустамовна дает свое определение «мягкой силы». Согласно одной из работ этого исследователя, «“мягкая сила” – это, с одной стороны, тот имидж и образ, который сложился о стране на внешнеполитической арене; с другой стороны, это стратегия по реализации национальных интересов через опору на сотрудничество и морально-этические аспекты мировой политики»[80]. При этом Рустамова Л.Р. рассуждает о пределах использования данной концепции и предупреждает о том, что «мягкая сила» не всегда эффективна при решении внешнеполитических задач.

Исследователи Братерский М.В. и Скриба А.С. в совместной работе предлагают условное разделение «мягкой силы» на две составляющие – «пассивную» и «деятельную». Пассивной «мягкой силой» страны обладают априори, то есть государство не предпринимает каких-либо конкретных шагов для ее возникновения. Деятельную «мягкую силу» субъект развивает, когда намеренно воздействует на объект, формируя у него определённые ценностные установки или позиции. Последнюю авторы приравнивают к пропаганде[81].

Звягина Дарья Александровна выделяет три компонента «мягкой силы» – экономическое, политическое и культурное влияние. Исследователь выявляет семь факторов последнего, благодаря которым государства могут наращивать свою «мягкую силу»: язык, образ, информация, эффект

---

[79] Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2013. – № 4. – С. 32.

[80] Рустамова Л.Р. Механизм действия и пределы использования концепции «мягкая сила» // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2018. – № 1. – С. 146.

[81] Братерский М.В., Скриба А.С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – Т. 9, № 2. – С. 135.

присутствия, наследие, институции и образование[82]. Что касается последнего из упомянутых, то важность образования и науки как инструментов «мягкой силы» неоднократно подчеркивалась в работах отечественных ученых[83].

Исследователь из МГЛУ Харичкин Игорь Константинович справедливо отмечает, что высокий уровень политических прав и гражданских свобод делает государство привлекательным для других. В этом контексте ученый выделяет такой элемент «мягкой силы», как политические институты гражданского общества, и заявляет, что развитие таких институтов может способствовать наращиванию «мягкой силы» государства[84].

Профессор МГУ им. Ломоносова Капицын Владимир Михайлович говорит о таком компоненте «мягкой силы», как космополитизм, предостерегая, что он создает угрозу цивилизационной и национально-государственной идентичностям путем насаждения выгодных Западу ценностных ориентаций. Также Капицын В.М. замечает, что «мягкая сила» стирает границы между внутренней и внешней политикой[85].

Российский дипломат Константин Иосифович Косачев в одной из своих статей пишет о двух моделях «мягкой силы»: американской и китайской. Первая отличается навязыванием своих идеалов другим странам. Китайская версия «мягкой силы», напротив, характеризуется невмешательством в чужие дела и уважением самобытности других культур. Константин Косачев также отмечает, что есть все предпосылки для

---

[82] Звягина Д.А. Культурное влияние как компонент «мягкой силы» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 11, Ч. 2. – С. 94–98.

[83] См., например: Дежина И.Г. Российская наука как фактор мягкого влияния [Электронный ресурс] // РСМД. – 19 июня 2012. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-nauka-kak-faktor-myagkogo-vliyaniya/ (дата обращения: 19.01.2023); Панова Е.П. Высшее образование как потенциал мягкой власти государства // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 2 (17). – С. 157–161; Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 4 (25). – С. 85–93.

[84] Харичкин И.К. Политические институты гражданского общества как элемент «мягкой силы» // Стратегия «мягкой силы» в контексте информационных войн. Сборник материалов Международной научно-практической конференции / Ред. А.Я. Касюк, И.К. Харичкин. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2017. – С. 293–294.

[85] Капицын В.М. Космополитизм - компоненты «мягкой силы» и глобального управления // Обозреватель. – 2009. – № 10. – С. 70–79.

формирования уникального российского подхода, который опирался бы на сотрудничество, безопасность и суверенитет. Особое внимание опытный международник уделяет и национальному имиджу, рассматривая его как важнейшую составляющую «мягкой силы» государства. Он выделяет несколько составляющих национального имиджа – репутация (сформировавшееся у других представление о стране), реальное положение дел в стране, бренд (намеренно продвигаемый образ страны), а также антибренд (представление о стране, сознательно создаваемое конкурентами)[86].

Иванов Владимир Геннадьевич вводит понятие «потенциальной мягкой силы». Основываясь и ссылаясь на работу Т. Шеллинга, под такой силой он понимает потенциал, причем необязательно реальный, влияния средствами «мягкой силы», который субъект не собирается применять, но стремится аккумулировать и продемонстрировать для оказания давления на оппонента или даже союзника. То есть «потенциальная мягкая сила» представляет собой своего рода инструмент сдерживания[87]. Иванов В.Г. также предлагает термин «рейтинговая сила» (или «charts power»). Согласно исследователю, «рейтинговая сила» является компонентом «мягкой силы» и представляет собой инструмент внешнеполитического влияния посредством страновых рейтингов[88].

Политолог-международник Алексей Валериевич Фененко считает, что роль «мягкой силы» в международных отношениях сильно преувеличена. Он выделят три ограничителя «мягкой силы»: геополитический, исторический и культурологический. Первый определяется тем, что «малые и средние страны всегда будут опасаться большой и сильной страны», второй говорит о том, что давняя вражда между отдельными народами вряд ли может быть

---

[86] Косачев К.И. Не рыбу, а удочку. В чем состоит особенность «мягкой силы» России // Россия в глобальной политике. – 2012. – Т. 10, № 4. – С. 40–53.

[87] Иванов В.Г. «Потенциальная мягкая сила» как ресурс внешнеполитического влияния // Вестник Российского университета дружбы народов, серия: Политология. – 2016. – № 4. – С. 101–104.

[88] Иванов В.Г. «Charts power» – «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технологии использования и стратегии противодействия. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 188 с.

устранена с помощью «мягкой силы», а третий ограничитель указывает на то, что, исходя из своей истории и культуры, каждая страна по-своему будет реагировать на «мягкую силу» другой страны[89].

Гаджиев Камалудин Серажудинович в одной из своих статей настаивает, что идея «мягкой силы» была разработана на фоне распада СССР в русле западного триумфализма для обоснования культурной гегемонии США. «Мягкая сила» базируется на «жёсткой», и именно последней все так же принадлежит важнейшая роль в мировой политике. По мнению Гаджиева К.С., идея «мягкой силы» совсем не соответствует современным реалиям, и на нынешнем этапе нужно говорить скорее об информационных, санкционных, гибридных и пр. войнах новых типов[90].

Многие отечественные исследователи, напротив, говорят о важной роли, которую «мягкая сила» играет в международных отношениях в целом и в политике отдельных государств в частности. Так, Казаринова Дарья Борисовна замечает, что «концепция многостороннего развития «мягкой силы» является на сегодняшний день одной из немногих неутопических идей для преодоления или недопущения так называемого столкновения цивилизаций»[91]. Громыко Анатолий Андреевич уверен, что «мягкая сила» служит во благо, базируется на «полезных традициях прошлого», «делает общественные структуры удобными и безопасными для граждан», «она необходима мировому сообществу как воздух», ведь без нее, по мнению ученого, мир погрязнет в войнах и конфликтах[92]. Пономарева Елена Георгиевна отмечает, что «“мягкая сила” в XXI веке становится одним из главных способов борьбы за влияние, за территории и ресурсы»[93].

---

[89] Фененко А.В. Реальность и мифы «мягкой силы» [Электронный ресурс] // РСМД. – 27 января 2016. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/realnost-i-mify-myagkoy-sily/ (дата обращения: 27.01.2020).

[90] Гаджиев К.С. О грамшианских корнях идеи «мягкой силы» // Вопросы политологии. – 2021. – Т. 11, № 8 (72). – С. 2214–2224.

[91] Казаринова Д.Б. Феномен «мягкой силы». Стратегии мягкой силы в политике государств-членов двадцатки // Свободная мысль. – 2011. – № 3. – С. 189.

[92] Громыко А.А. «Мягкая сила» и сила права: к постановке проблемы // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 3. – С. 15–16.

[93] Пономарева Е.Г. Железная хватка «мягкой силы» // Однако. – 2013. – № 6. – URL: http://www.odnako.org/magazine/material/zheleznaya-hvatka-myagkoy-sili/ (дата обращения: 9.01.2023).

Филимонов Георгий Юрьевич считает, что развитие потенциала «мягкой силы» и осуществление стратегий в сфере обеспечения национальной культурной безопасности являются необходимым условием «для сохранения государственного суверенитета, территориальной целостности страны, <…> возникновения возможности для ведения государством активной внешней политики»[94]. Панова Елена Павловна заключает, что любое государство, ставящее «долгосрочные внешнеполитические цели, будь то упрочение собственного влияние в мире, или проникновение на новые рынки, или обеспечение стабильных внешних условий для внутреннего развития» обязано активно использовать «мягкую власть»[95].

Следует также упомянуть вклад Русаковой Ольги Фредовны в изучение «мягкой силы». В различных работах этого исследователя были рассмотрены проблемы дискурсивного, категориального и инструментального анализа этой концепции. Саму «мягкую силу» она определят «как силу, обладающую свойствами, присущими некой «мягкой» материи», приписывая ей «такие образные характеристики, как гибкость, пластичность, ненавязчивость, эфемерность, хрупкость, нежность, соблазнительность и даже женственность»[96]. В другом ее совместном докладе с Русаковым Василием Матвеевичем для конференции, посвященной «мягкой силе», отмечается, что «мягкую силу» «с точки зрения теории политической коммуникации» следует рассматривать «как стратегический и технологический инструментарий политического управления ресурсами (национальными, региональными, местными), обладающими (или способными обладать) аттрактивной силой»[97].

---

[94] Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. – С. 167.

[95] Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 4 (13). – С. 95–96.

[96] Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2010. – № 10. – С. 173.

[97] Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Дискурс-Пи. – 2017. – № 1. – С. 64.

Исследователь из МГИМО Харкевич Максим Владимирович, проанализировав работы Дж. Ная по «мягкой силе» и другие схожие концепции, выделил в ее нормативном содержании такие элементы, как «ссылки на мораль, доброта, компетентность, красота, либерализм, частная собственность»[98].

Ведущий научный сотрудник Центра глобальных проблем ИМИ МГИМО Паршин Павел Борисович уверен, что «мягкая сила» государства не может быть реализована без учета факторов, которые определяют его имидж на мировой арене. Он выделяет три обстоятельства, которые необходимо учитывать при использовании различных коммуникативных технологий в целях наращивания «мягкой силы». Во-первых, залогом хорошей репутации страны является ее реальное развитие в соответствующих сферах. Во-вторых, формирование бренда страны – это всегда длительный процесс, исход которого будет ясен спустя примерно двадцать лет. В-третьих, действия, направленные на усиление «мягкой силы» и ее использование, должны быть согласованными. Паршин П.Б. считает, что «“мягкая сила” – это политический ресурс, и, как всякий ресурс, он может накапливаться, а может и растрачиваться»[99].

Другой исследовать из МГИМО Марина Михайловна Лебедева обращает внимание на определенные особенности «мягкой силы», которые, по ее мнению, как правило, недостаточно рассматриваются в работах по данной теме. Речь идет о таких моментах, как отсутствие «универсальной «мягкой силы» (субъективность ее восприятия), «конкуренция стратегий «мягкой силы» различных государств» в одном регионе, факт обладания негосударственными акторами собственной «мягкой силой» и негативные последствия «мягкой силы»[100].

---

[98] Харкевич М.М. "Мягкая сила": политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2 (35) – С. 25.

[99] Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России / ИМИ МГИМО (У) МИД России, Центр глобальных проблем. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 37 с.

[100] Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО–Университета. – 2017. – № 3. – С. 218–220.

Интересным представляется вклад Антона Павловича Ворочкова в развитие теории «мягкой силы». Он предлагает для исследования политики «мягкой силы» отдельного государства использовать созданную им универсальную институциональную модель такой силы. Данная модель «мягкой силы» основывается на существовании трех подходов к определению политического института: нормативного, организационного и акционного. В сердцевине предлагаемой универсальной модели находится успешность государства (человеческий потенциал, культура, качество жизни, престиж), а ее базовыми составляющими являются нормативное, организационное и практическое выражение институционализации «мягкой силы». Кроме того, в фундаменте модели находятся «системообразующие институты» и «ключевые персоны»[101].

Исследователь из МГУ Николай Вадимович Юдин считает, что в концепции «мягкой силы» Джозеф Най предпринял попытку, на его взгляд, не совсем успешную, синтезировать два похода к определению силы – ресурсо-ориентированный и контекстно-ориентированный. Согласно первому, сила государства рассматривается как совокупность ресурсов, и оно обладает ей независимо от взаимодействия с другими странами. В рамках второго подхода считается, что сила государства возникает лишь в процессе взаимодействия с другими акторами, определяется контекстом; «ресурсы, материальные и нематериальные, формируют потенциал силы, но никак не ее саму»[102], необходимо еще целенаправленно трансформировать этот потенциал. Н.В. Юдин полагает, что «мягкая сила» должна рассматриваться в соответствии со вторым подходом. Кроме того, он утверждает, что всевозможные индексы «мягкой силы» могут лишь в лучшем случае продемонстрировать степень привлекательности имиджа актора или

[101] Ворочков А.П. Институциональное измерение политики «мягкой силы»: методика анализа и российский опыт // Управленческое консультирование. – 2021. – № 7. – С. 80-96.

[102] Юдин Н.В. Жесткий взгляд на «мягкую силу». Критический анализ монографии Дж.Ная «Будущее власти» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2013. – № 4. – С. 139.

состояние его ресурсов, но никак не измерить саму силу[103]. А подсчет итогового значения индекса «мягкой силы» отдельного государства по сути не имеет никакого смысла, так как представляет собой просто сумму разнородных показателей, некоторые из которых не имеют прямого отношения к самой силе[104]. Интересным представляется авторское определение «мягкой силы» – «это особая форма силового взаимодействия, отличительной чертой которой становится направленность на достижение долгосрочных стратегических целей путем косвенного, неявного воздействия на объект»[105]. Исследователь подчеркивает, что нельзя говорить о «ресурсах мягкой силы» или «ресурсах жесткой силы», так как обе эти силы могут возникать из использования любых ресурсов в зависимости от контекста[106].

Белов Сергей Игоревич изучает применяемые в настоящее время подходы к измерению «мягкой силы» и приходит к выводу, что ни одна из методик не может достоверно ее оценить. Он предлагает производить оценку «мягкой силы» путем комбинирования трех подходов – рейтингового, социологического и киберметрического, то есть сочетать индексы, включающие объективные показатели, с результатами качественных социологических исследований и данными киберметрических исследований СМИ и социальных сетей. Особенно Белов С.И. подчеркивает необходимость использования методов киберметрии, которые в настоящей момент по большому счету не применяются для оценки «мягкой силы»[107]. Саму концепцию «мягкой силы» исследователь рассматривает как одну из «ключевых политтехнологий, используемых для изменения политической карты мира»[108].

---

[103] Там же. – С. 134–163.

[104] Юдин Н.В. Блеск и нищета рейтингов «мягкой силы» // Международная жизнь. – 2018. – № 7. – С. 112–123.

[105] Юдин Н.В. Системное прочтение феномена мягкой силы // Международные процессы. – 2015. – Т. 13, № 2. – С. 101.

[106] Там же. – С. 96–105.

[107] Белов С.И. Проблемы и перспективы измерения «мягкой силы» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2018. – № 1. – С. 165–184.

[108] Там же. – С. 166.

Тему измерения «мягкой силы» также поднимают Сергей Константинович Песцов и Андрей Михайлович Бобыло. Недостатком рассмотренных ими рейтингов они называют то, что «мягкая сила» по большому счету предстает суммой наиболее простых в измерении ресурсов. Исследователи указывают, что основные элементы упрощенной формулы «мягкой силы» – ресурсы, привлекательность и желаемое поведение – объединяются двумя механизмами – «производством привлекательности» и «производством желаемого поведения». Песцов С.К. и Бобыло А.М. создают свой шаблон концепта «мягкой силы», упорядочивающий ее основные компоненты. Начальный элемент структуры процесса «мягкой силы» в данном шаблоне – источники или ресурсы, которые исследователи предлагают разделить на «наследие» и «актуальную практику». Отмечается, что наличие чего-либо, что могло бы служить в качестве ресурса, еще не делает его таковым. Вторым звеном цепи выступает механизм конвертации ресурсов в активы, который состоит из «технических средств» (финансы, каналы коммуникации, инфраструктура) и «технологий» (публичная дипломатия, культурные связи и национальный брендинг). Следующим элементом процесса авторы шаблона называют уже упомянутые ранее в настоящей диссертационной работе «валюты» силы по Вувингу. Четвертым звеном являются инструменты, к которым Песцов и Бобыло относят «образ государства, его имидж (бренд) и присутствие». Еще одной составляющей концепта «мягкой силы» они называют «промежуточные эффекты», индикаторами которых служат репутация и осведомленность. Следующим звеном предлагаемой цепи является «механизм селекции», поскольку в мировой политике взаимодействие между двумя акторами не происходит в вакууме, а подразумевает множество пересекающихся контактов. Далее, при условии, если активы «мягкой силы» были преобразованы в привлекательность, следует «промежуточный результат» в виде привлекательности. Заключительным этапом в процессе «мягкой силы» подразумевается «конечный результат», то есть непосредственно внешняя

активность объекта, на который была направлена эта сила. Соответствие поведения объекта ожиданиям субъекта и является наиболее достоверным измерением «мягкой силы». Однако исследователи замечают, что все равно существует множество проблем и вопросов в оценке конечных результатов «мягкой силы»[109].

В другой совместной статье Песцов С.К. и Бобыло А.М. типологизируют подходы к измерению «мягкой силы». Для этого они учитывают два критерия – содержание измеряемого (что измеряется) и тип используемых данных (как измеряется). В первом случае это могут быть источники или ресурсы «мягкой силы», ее инструменты и/или действия и результат (промежуточный, т.е. восприятие, или конечный, т.е. поведение). То есть измеряться могут исходные данные или результаты «мягкой силы». Что касается второго критерия, то исходные данные для измерения и оценки «мягкой силы» могут быть «мягкими», или «субъективными», (международные опросы общественного мнения, экспертные интервью) и «твердыми», или «объективными», (международная статистика, данные исследовательских институтов). На основе этих критериев в рассматриваемой статье существующие подходы к измерению «мягкой силы» условно делятся на четыре кластера. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на недостатки как объективных, так и субъективных способов получения данных, опросные методы все же более адекватны для оценки в виду специфики самой «мягкой силы»[110].

В своем диссертационном исследовании «“Мягкая сила” во внешней политике государства: опыт Великобритании (вторая половина 1990-х – 2010-е гг.)» Харитонова Елена Марковна классифицирует рейтинги и исследования соответствующей направленности на три группы. К первой группе она относит рейтинги, целью которых является изучение потенциала

[109] Песцов С.К., Бобыло А.М. Мягкая сила в мировой политике: измерение неуловимой реальности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2014. – Т. 10, № 1. – С. 86–91.

[110] Песцов С.К., Бобыло А.М. Мягкая сила в мировой политике: типология подходов к измерению и оценке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 3. – С. 42–53.

«мягкой силы», под которым подразумевается совокупность имиджевых характеристик государства. Ко второй – исследования, чьим предметом являются инструменты «мягкой силы», которые используются государством или негосударственными акторами для оказания влияния на целевые группы. Последнюю группу составляют рейтинги, дающие оценку влиянию «мягкой силы» на объект ее воздействия. При этом автор этой типологизации подчеркивает, что такое разделение весьма условно[111].

Иван Владимирович Радиков и Яна Валерьевна Лексютина также пишут о недостатках количественных методов оценки «мягкой силы»: для них характерны большая погрешность, множество допущений и зависимость от выбранных для измерения критериев. Исследователи предлагают свой подход к оценке «мягкой силы», который стремится не к ее количественному выражению, а к сравнению «мягкой силы» разных акторов в мире или отдельном регионе. Он строится на оценке глобального или регионального экономического, политического и культурного влияния взятого для анализа государства. По мнению И.В. Радикова и Я.В. Лексютиной, критериями экономического влияния должны быть «внешняя инвестиционная деятельность, программы помощи развитию, популярность пропагандируемой экономической модели», политического – «уровень и характер отношений с другими странами мира или региона, международный имидж данного государства <…>, а также уровень и интенсивность участия в деятельности международных и региональных организаций», культурного – «анализ реализуемой публичной дипломатии»[112]. В рассматриваемой совместной статье этих исследователей также предлагается классификация путей наращивания государством «мягкой силы». Обозначаются два пути: «искусственный» и «естественный». При первом способе увеличения «мягкой силы» акцент делается на методах информационного и рекламного

[111] Харитонова Е.М. «Мягкая сила» во внешней политике государства: опыт Великобритании (вторая половина 1990-х – 2010-е гг.): диссертация … кандидата политических наук: 23.00.04. – М., 2017. – С. 55–57.

[112] Радиков И.В., Лексютина Я.В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 2. – С. 26.

характера, способствующих улучшению государственного имиджа; основные направления деятельности – публичная и традиционная дипломатия, программы помощи. Второй путь подразумевает стремление государства к реальным достижениям (развитие культуры, успешная внутренняя и внешняя политика и др.), а не их рекламирование[113].

Беря за основу представленный выше шаблон «мягкой силы» Песцова С.К. и Бобыло А.М., а также существующий в науке опыт исследования «мягкой силы» в целом, автором настоящего исследования предлагается упрощенная, практико-ориентированная схема, или модель, для общей оценки «мягкой силы» актора, особенно в контексте ее использования в качестве политтехнологического инструмента, в том числе в рамках одного государства. Так, исследование «мягкой силы» актора (или конкретно стороны конфликта) логично начать с рассмотрения ее потенциала. Под потенциалом здесь понимается все то, что при должных использовании и подаче может стать источником «мягкой силы». Как правило, сюда включают культуру, идеалы, практику проведения внутренней (или региональной) и внешней политики (или парадипломатии) и др. Стоить заметить, что основой для наращивания «мягкой силы» может быть и такой фактор, как, например, политико-географическое положение. Политически выгодное расположение создает немало предпосылок для увеличения не только «жесткой», но и «мягкой силы». Для оценки потенциала «мягкой силы» полезны будут опросы общественного мнения, существующие рейтинги разной тематики.

Следующий блок для анализа «мягкой силы» – совокупность механизмов и технологий, которые использует актор для ее наращивания. Здесь следует рассмотреть практику ведения публичной дипломатии, реализуемые программы помощи и др. – все то, что делает актора привлекательным в глазах объекта «мягкой силы». На этом этапе исследования имеет смысл изучить многообразие всех институтов

[113] Там же. – С. 19–26.

(государственных и негосударственных) и групп, задействованных в мероприятиях такого характера. Методами исследования будут являться анализ документов, контент- и ивент-анализы и др.

Следующим звеном предлагаемой схемы является анализ непосредственно репутации актора. Как было сказано ранее, она является, по сути, промежуточным результатом применения «мягкой силы». Необходимо изучить представление других об этом акторе, какое отношение к себе и к своим целям он вызывает. Здесь также важнейшим методом исследования являются опросы общественного мнения. Причем необходимо постараться изучить как мнение общественности, так и политических элит. Отношение последних можно проследить через анализ выступлений официальных лиц и содержание программных документов.

Безусловно, самым сложным моментом изучения «мягкой силы» отдельного актора является анализ результатов ее применения. Субъективная природа «мягкой силы» не дает возможности точно оценить ее эффективность. Результатом успешного применения «мягкой силы» актором является достижение поставленных целей. Очевидно, что в любом политическом контексте, в том числе в условиях этнополитического конфликта, действует множество факторов. Даже если цель в итоге достигнута, невозможно с уверенностью утверждать, что это произошло именно благодаря влиянию «мягкой силы». Тем не менее следует стараться анализировать успехи или неудачи актора на пути к цели. К примеру, в отдельных случаях это можно сделать путем изучения электоральных успехов партий, включающих в свои программы интересующие исследователя положения.

Следует понимать, что предлагаемая упрощенная схема не будет служить целям конкретного измерения «мягкой силы» актора, например для

ее сопоставления с аналогичной у других, а полезна и удобна лишь для общей оценки[114].

Обозначенные зарубежные и отечественные исследователи – это лишь небольшая часть представителей научного сообщества, обращавшихся к различным аспектам «мягкой силы» в своих работах. Существует, кроме того, большое количество научных статей и книг, посвященных анализу «мягкой силы» отдельных стран.

Одной из упомянутых проблем концепции «мягкой силы» является отсутствие единого определения и разграничения ее источников, ресурсов, инструментов, технологий и пр. Более того, принадлежность явлений к тем или иным составляющим «мягкой силы» в зависимости от контекста может меняться. В связи с этим автором исследования для обозначения составных частей «мягкой силы» в целом предлагается дальнейшее использование довольно распространенных в отечественных и зарубежных тематических работах, некоторые из которых приведены в настоящем диссертационном исследовании, нейтральных терминов «элементы» и «компоненты» «мягкой силы».

Стоит также бегло затронуть такие важные для рассмотрения «мягкой силы» и уже неоднократно упомянутые ранее понятия, как «публичная дипломатия» и «национальный брендинг». Термин «публичная дипломатия» в нынешнем его понимании впервые использовал в 1965 году американский дипломат и декан Школы права и дипломатии имени Флетчера при университете Тафтса Эдмунд Галлион. Сборник Routledge handbook of public diplomacy под редакцией Нэнси Сноу и Филипа Тейлора, посвященный многоаспектному анализу публичной дипломатии, начинается статьей Нэнси Сноу, в которой она подчеркивает связь между «мягкой силой» и публичной дипломатией. В ее понимании современная публичная дипломатия

[114] Переверзева О.В., Устинович Е.С. Проблема оценки «мягкой силы» государства // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых – 2019: сборник научных статей 8-й Международной молодежной научной конференции: в 6 т. – Т. 3 / Отв. ред. А.А. Горохов. – Курск: Университетская книга, 2019. – С. 75–79.

представляет собой действия «как государственных органов, так и частных лиц и групп по прямому или косвенному влиянию на те общественные мнения («public attitudes and opinions»), которые напрямую сказываются на внешнеполитических решениях органов управления другого государства»[115]. В отечественном научном издании той же тематики «Публичная дипломатия: Теория и практика» 2017 года под редакцией М.М. Лебедевой приводятся отличительные аспекты новой публичной дипломатии. Во-первых, в отличие от таковой в годы холодной войны она ориентируется на концепцию «мягкой силы»: не используются инструменты, связанные с ложью, шантажом, давлением. Во-вторых, новая публичная дипломатия признает «необходимость отказа от монолога и формирования диалога с обществами других стран», «ее сетевую природу и неразрывность воздействия на внешнюю и внутреннюю аудиторию». В-третьих, в сегодняшней публичной дипломатии используются «лоббистские бизнес-структуры для формирования позитивного образа государства»[116].

Говоря о формировании образа государства, мы приходим к еще одному связанному с темой настоящего исследования термину – «национальный брендинг». Обычно под этим термином понимаются действия по созданию позитивного имиджа государства при использовании маркетинговых технологий. Однако самый известный и признанный во всем мире исследователь национального бренда Саймон Анхольт неоднократно в своих работах предупреждал о широко распространенном и, по его мнению, не совсем правильном представлении о том, что на имидж государства можно напрямую влиять посредством инструментов коммерческой маркетинговой коммуникации. Он утверждает, что государства оцениваются «по тому, что они делают, а не говорят». Репутацию страны может улучшить не необоснованное рекламирование, а производство ею высококлассных и

[115] Snow N. Rethinking Public Diplomacy // Routledge Handbook of Public Diplomacy / Ed. by N. Snow, Ph.M. Taylor. – New York: Routledge, 2008. – P. 6.

[116] Публичная дипломатия: Теория и практика / Под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2017. – С. 13.

полезных идей, продуктов и проведение таковых политик. По Анхольту, этот процесс включает три составляющие: стратегия, содержание и символические действия. Стратегия – это понимание нынешнего положения нации, желаемого положения и способов его достижения. Содержание – это эффективное осуществление стратегии путем действий в экономической, социальной, правовой, культурной, политической и образовательной сферах, которые приведут к желаемому прогрессу. Символическое действие – это конкретная разновидность содержания, являющаяся отражением стратегии (например, реформа, инновация и др.). Саймон Анхольт уверен, что символические действия никогда не должны быть пустыми и совершаться лишь в целях улучшения имиджа; каждая инициатива страны должна служить «реальной причине в реальном мире»[117].

Очевидно, что «мягкая сила», публичная дипломатия и национальной брендинг взаимосвязаны. Так, действия по улучшению имиджа страны могут проводиться технологиями публичной дипломатии и положительно отразиться на «мягкой силе» государства. Вообще, одни и те же мероприятия могут служить целям и наращивания «мягкой силы», и развития публичной дипломатии, и проведения национального брендинга. В зависимости от того, какую концепцию рассматривать как центральную, отношения между ними варьируются. Например, в научной литературе можно встретить работы, где «мягкая сила» является не чем иным, как инструментом публичной дипломатии. В настоящем исследовании за основу взята именно концепция «мягкой силы», а публичная дипломатия и действия по улучшению имиджа государства будут рассматриваться как инструменты ее развития.

В представленной диссертационной работе ввиду изучения «мягкой силы» в условиях этнополитической напряженности она рассматривается нами как политтехнологический инструмент. Представление «мягкой силы» в контексте политических технологий не является новым для русскоязычных

[117] Anholt S. Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations // Exchange: The Journal of Public Diplomacy. – 2011. – Vol. 2, № 1. – P. 6–8.

исследований по теме. Так, «мягкая сила» в качестве политтехнологии упоминается, например, в цитированных ранее работах Белова С.И. и Леоновой О.Г. Мехдиев Э.Д. и Гулиев И.А. изучают понятие «мягкой силы» непосредственно в качестве инструмента глобальных политических технологий, отмечая, что такая сила «отождествляется с политическими технологиями современного уровня, основанными на манипулировании, внешнем управлении поведением и сознанием и пропаганде»[118]. Сухарев А. И. определяет «мягкую силу» как «набор политтехнологических приемов, методов и инструментов»[119]. Исследователь Института экономики НАН Беларуси Сулейков А.А. также утверждает, что «мягкая сила», помимо прочих трактовок, может выступать определенным набором политтехнологий. Особенно важно отметить тот факт, что Сулейков А.А. признает возможность использования «мягкой силы» не только во внешней, но и во внутренней политике[120].

Для настоящего исследования первостепенное значение имеет понятие «этнополитический конфликт», поэтому следует остановиться отдельно и на нем. Согласно определению специалиста в области конфликтологии и этнополитологии Аклаева Айрата Равильевича, этнополитический конфликт – это «столкновение субъектов политики в их стремлении реализовать свои интересы и ценности, связанные с достижением или перераспределением политической власти, определением ее символов, а также группового политического статуса и приоритетов государственной политики, в которых этнические различия становятся принципом политической мобилизации, и по крайней мере одним из субъектов является этническая группа»[121]. Этот

---

[118] Мехдиев Э.Т., Гулиев И.А. Понятие «мягкой силы» как инструмента глобальных политических технологий // Juvenis scientia. – 2016. – № 3. – С. 49.

[119] Сухарев А.И. Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира: автореферат диссертации ... доктора полит. наук. – М., 2011. – С. 43.

[120] Сулейков А.А. Феномен «мягкой силы» как фактор сферы управленческих отношений // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – 2022. – № 21-1. – С. 226–233.

[121] Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: учеб. пособие. – М.: Дело, 2008. – С. 25.

исследователь рассматривает этнополитический конфликт и как вид этнического конфликта, происходящего в политического сфере, и в качестве политического конфликта, по крайней мере одной из сторон которого выступает этническая группа. Интересно, что другие отечественные ученые, работающие в той же области, Тишков В.А. и Шабаев Ю.П. считают, что любой этнический конфликт является этнополитическим[122].

О сложной природе таких конфликтов, в которой переплетаются политические и этнические компоненты, рассуждают, и исследователи Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. и Гриценко Г.Д. Они полагают, что политические составляющие являются более рациональными и придают столкновению сущность по большей части конфликта интересов, в то время как этнические компоненты, напротив, базируются на эмоциях и ведут к становлению конфликта идентичностей[123].

В научной литературе по теме[124] этнополитические конфликты чаще рассматриваются как в первую очередь конфликты идентичностей. Знаменитый американский политолог, изучающий конфликты и этничность в политике, Тед Гурр замечает, что мотивацией к возникновению этнополитического конфликта служит «сочетание недовольства (grievance), эмоций (sentiment), солидарности, амбиций и расчета». Однако ученый полагает, что «чем больше выражена этнокультурная идентичность для людей, которые разделяют происхождение, культурные особенности и исторический опыт, тем более они склоны определять свои интересы в этнокультурных терминах и тем проще лидерам мобилизовать их для совместных действий»[125]. Другой признанный эксперт в области этнической

---

[122] Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. – М.: Издательство Московского университета, 2011. – С. 191.

[123] Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 77–78.

[124] Помимо упомянутых работ, см., например: Авксентьев В. А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – 267 с.; Cordell K., Wolff S. Ethnic Conflict: Causes, Consequences, and Responses. – Cambridge, Malden: Polity, 2009. – 232 p.; Gurr T.R. Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts. – Washington: US Institute of Peace Press, 1993. – 448 p.

[125] Gurr T.R. Peoples Versus States: Minorities at Risk in the New Century. – Washington, D.C: US Institute of Peace Press, 2000. – P. 66.

конфликтологии Дональд Горовиц в своем труде Ethnic Groups in Conflict доказывает, что этнический конфликт нельзя объяснить лишь через призму экономической выгоды, он «вытекает из общего оценочного значения, придаваемого группами признанным групповым различиям»[126]. Отечественный исследователь, известный своими научными изысканиями в области этнополитической мобилизации и этнополитических конфликтов, Ачкасов Валерий Алексеевич также замечает, что «этнополитический конфликт – это не только конфликт интересов, политико-правовое или вооружённое противостояние, но и конфликт различных историософий, исторических нарративов и культурах символов и т.д., который всегда предшествует открытому противостоянию»[127]. А исследователи Семененко И.С., Лапкин В.В. и Пантин В.И. в своей совместной работе приходят к выводу, что именно благодаря концепту идентичности возможно объяснить мотивацию участников этнополитического конфликта, а «политическое использование этнической идентичности является ключевой сущностной характеристикой такого конфликта»[128].

Появляется необходимость пояснить еще один термин, который будет неоднократно упомянут в работе, – «идентичность». Концепт идентичности широко распространен в социально-гуманитарных науках, в том числе очевидно его признание в политических исследованиях[129]. Что касается

---

[126] Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. – Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 2001. – P. 227.

[127] Ачкасов В.А. Этнополитический конфликт как конфликт идентичностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 40.

[128] Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы "большой теории" // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 71.

[129] Помимо упомянутых работ, см., например: Лапкин В.В. Метаморфозы идентичности в условиях глобализации // Политекс. – 2011. – Т. 7, № 2. – С. 25–41; Малинова О.Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности // Политическая наука. – 2005. – № 3. – С. 8–20; Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. – М.: РОССПЭН, 2011. – 230 с.; Пантин В.И. Национально-цивилизационная идентичность: специфика России // Политекс. – 2011. – Т. 7, № 2. – С. 42–51; Политическая идентичность и политика идентичности. В двух томах. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: РОССПЭН, 2011. – 208 с.; Политическая идентичность и политика идентичности. В двух томах. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: РОССПЭН, 2012. – 471 с.; Семененко И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 8–28; Bauman Z. Identity. Conversation with Benedetto Vecchi. – Cambridge, Malden: Polity Press, 2004. – 104 p.; Castells M. The Power of Identity. – Oxford, Malden: Blackwell Publishing, 2009. – 592 p.; Norton A. Reflections on Political Identity. – Baltimore: Johns

конкретно политической идентичности, то, по определению ранее упомянутого эксперта в области концептуализации идентичности Ирины Станиславовны Семененко, она «представляет собой комплекс идейно-политических ориентаций и предпочтений, которым субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с тем или иным политическим сообществом»[130]. Рассмотрение категории политической идентичности в широком измерении позволяет включать в нее национальные, этнические, социокультурные и другие составляющие идентичности при их политизации, то есть вовлечении носителей этих идентичностей в политическую сферу[131]. Под национальной идентичностью, согласно этому же исследователю, понимается «коллективная идентичность национально-государственного (или претендующего на такой статус) сообщества», это понятие «характеризует самосознание его граждан как членов такого сообщества». В концепте национальной идентичности «пересекаются политическая, гражданская, территориальная, этническая, языковая составляющие идентичности»[132]. Кроме того, следует сказать отдельно об этнической составляющей социальной идентичности. Согласно известному российскому этносоциологу Леокадии Михайловны Дробижевой, этническая идентичность – это не только «самоотождествление, но и представление о своем народе, его языке, культуре, территории, интересах, а также эмоциональное отношение к ним и при определённых условиях готовность действовать во имя этих представлений»[133].

Hopkins University Press, 1988. – 209 p.; Tilly Ch. Stories, Identities, and Political Change. – Lanhan: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. – 257 p.

[130] Семененко И.С. Политическая идентичность // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Издательство «Весь мир», 2017. – С. 349.

[131] Там же. – С. 350.

[132] Семененко И.С. Национальная идентичность // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Издательство «Весь мир», 2017. – С. 405.

[133] Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. – Вып.7. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 219.

Как было продемонстрировано ранее, связь между возникновением и развитием этнополитических конфликтов и национальной и этнической идентичностями неоднократно подчеркивалась в научной литературе[134]. Данное взаимовлияние будет отражено и в настоящем исследовании, посвященном «мягкой силе» участников этнополитических конфликтов. Стоит отметить, что связь самой «мягкой силы» и идентичности также становилась предметом научных исследований[135].

Кроме того, для настоящего исследования важное значение имеет изучение этнополитических проявлений «мягкой силы». Несложно заметить, что многие ресурсы, инструменты и стратегии «мягкой силы» содержат в себе прямую отсылку к этничности субъекта и/или объекта ее использования. Неслучайно ключевым источником «мягкой силы» общепризнано считается культура, что было продемонстрировано ранее. Среди работ, затрагивающих этнические аспекты «мягкой силы», выделим статью Маковской Д.В. и Бичакова С.А. Исследователи утверждают, что этничность как элемент «мягкой силы» является недостаточно изученной, и при определенном подходе феномен этничности может рассматриваться как ресурс «мягкой силы». Саму «мягкую силу» Маковская Д.В. и Бичаков С.А. определяют как «инструмент политического воздействия, движущая сила социально-политических преобразований современного мира», которая «базируется на информационно-психологических технологиях влияния на массовое и индивидуальное сознание без применения прямых силовых методов

---

[134] См. также, например: Попов М.Е. Этнокультурная специфика конфликтов идентичностей в современном мире // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 3. – С. 26–29; Скворцов Н.Г. Деструктивные последствия политизации этничности в России: энтропийное измерение // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 4. – С. 63–70; Becker M. Politicized identities and social movements // Latin American research review. – 2018. – № 53 (1). – P. 202–210; Gurr T.R. Why Minorities Rebel: A Global Analysis of Communal Mobilization and Conflict Since 1945 // International Political Science Review. – 1993. – Vol. 14, № 2. – P. 161–201; Kaufman S.J. Ethnicity as a generator of conflict // Routledge Handbook of Ethnic Conflict / Ed. by K. Cordell, S. Wolff. – London: Routledge, 2011. – P. 91–102.

[135] См., например, Харитонова Е.М. «Мягкая сила» и идентичность // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Издательство «Весь мир», 2017. – С. 476–480.

воздействия»[136]. При этом авторы, ссылаясь на работу Наумова[137], говорят о двух подходах к феномену «мягкой силы», затрагивающих ее этнический компонент. Первый подход охватывает позитивное использование этничности как составляющей «мягкой силы». При нем «мягкая сила» применяется для формирования благоприятного имиджа государства и стимулирования мирного межэтнического взаимодействия. Второй подход, напротив, подразумевает применение этничности для провоцирования конфликтов этнического характера и дестабилизации государственности.

О двух путях использования «мягкой силы» говорит и Понкин Игорь Владиславович, указывая что в одном из случаев она может выступать «средством дестабилизации и дисфункционализации государственного управления и государства в целом»[138]. Исследователь Иванов Олег Борисович также рассуждает о позитивном и негативном потенциалах «мягкой силы» и, в случае ее деструктивного использования, называет такие технологии «катализаторами социально-политических конфликтов»[139]. Ученые из МГУ им. М.В. Ломоносова Столетов О.В. и Чихарев И.А. отмечают, что «стратегия «мягкой силы» в действительности содержит в себе составляющую «жесткости», связанную с навязыванием изначально чуждых стандартов»[140]. А теоретик и практик политической деятельности Демидов А. В. в контексте «мягкой силы» говорит о «технологиях непрямых действий, подрывающих государство-соперника изнутри», настаивая, что «“мягкая сила” — это не сила примера, а инструмент подрывной работы, имеющей

---

[136] Маковская Д.В, Бичаков С.А. Этнический аспект политики "мягкой силы" в реализации геополитических проектов в Большом Средиземноморье // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2019. – Т. 15, № 3. – С. 394.

[137] Наумов А.О. «Мягкая сила» и «цветные революции» // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – Т. 3, № 1 (6). – С. 73–86.

[138] Понкин И.В. Технологии «мягкой силы» как средство дисфункционализации и разрушения государства // Право и образование. – 2014. – № 12. – С. 97.

[139] Иванов О.Б. «Мягкая сила» как катализатор социально-политических конфликтов // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2019. – Т. 6, № 3. – С. 174.

[140] Столетов О.В., Чихарев И.А. Мягкая сила во внешней политике России // Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 39.

целью разрушение государственности в стране, чье руководство проводит политику, не отвечающую интересам США»[141].

Отметим, что в указанных работах субъектами «мягкой силы» при ее применении в конфликтах вновь предстают государства, однако, как будет продемонстрировано в последующих частях работы, можно говорить и об ее использовании сторонами конфликта в рамках одного государства.

Автор настоящего исследования полагает, что в контексте этнополитического конфликта в зависимости от стратегии, выбранной участником конфликта, характер воздействия «мягкой силы» может приобретать черты, свойственные процессу использования «жёсткой силы». То есть в таком контексте и без того порой нечеткая грань между «мягкой силой» и «жесткой» становится еще более размытой. Под давлением этнополитических факторов «мягкая сила», сохраняя свои сущностные характеристики, может приобретать специфическую форму, которой свойственна определенная «жесткость». Такие видоизмененные выражения «мягкой силы» можно считать ее этнополитическими проявлениями.

Итак, ввиду рассмотрения в настоящем диссертационном исследовании «мягкой силы» еще и в рамках одного государства, то есть с позиции, отличающейся от общепринятой, что будет обосновано в дальнейшем, нами под ней понимается способность субъекта в долгосрочной перспективе добиваться поставленных целей, причем не только внешнеполитических, без использования методов прямого давления благодаря тому, что у объектов ее применения формируется благосклонное к нему отношение и/или представление, что эти цели либо отвечают, либо по крайней мере не несут угрозу их собственным. Разумеется, политические субъекты всегда обладали такой силой, а концепция Джозефа Ная представляет собой удачное обобщение идей и теорий по данному вопросу, которое получило невероятный отклик в научных и профессиональных сообществах всего

[141] Демидов А.В. О возможности использования фактора «мягкой силы» во внутренней и внешней политике России // Экономические стратегии. – 2014. – № 3. – С. 43.

мира. Однако данная концепция представляет и немалое количество трудностей. Например, нет единого мнения о структурных составляющих «мягкой силы», и тяжело, а порой даже невозможно, оценить, насколько эффективно ее применение, поскольку восприятие «мягкой силы» крайне субъективно. Тем не менее предполагается, что общую оценку «мягкой силы» актора, в том числе в контексте этнополитического конфликта, можно дать используя упрощенную схему, состоящую из четырех элементов: исследование потенциала «мягкой силы», применяемых механизмов и технологий «мягкой силы», репутации актора и результатов ее применения. Рассмотрение теоретико-методологических аспектов научного осмысления понятия, сущности и этнополитических проявлений «мягкой силы» позволяет утверждать, что «мягкая сила» – удобный теоретический инструмент для оценки своего рода альтернативной стороны мощи отдельно взятого актора. Именно поэтому в настоящем диссертационном исследовании она была выбрана для анализа борьбы за национально-территориальное самоопределение в условиях этнополитического конфликта.

1.2 Подходы к оценке и измерению «мягкой силы» как политтехнологическому инструменту

Как уже было отмечено ранее, одна из проблем, с которой сталкиваются исследователи «мягкой силы», – сложность ее измерения. Необходимость оценки «мягкой силы» возникает не только из-за исследовательского любопытства, но и при планировании и модификации государственной политики в этой сфере, в том числе в условиях этнополитической напряженности. Нельзя сказать, что существующие международные исследования-рейтинги конкретно «мягкой силы» или схожей тематики, в том числе рассмотренные далее в настоящей работе, на самом деле измеряют мощь отдельно взятого актора в данном вопросе. Как

было неоднократно отмечено учеными, такие исследования зачастую дают возможность лишь оценить потенциал «мягкой силы» государства, а также характеризуют отдельные ее ресурсы. Некоторые из рейтингов показывают, насколько хороша репутация той или иной страны или региона на международной арене, что немаловажно, однако напрямую вовсе не отражает состояние «мягкой силы».

Несмотря на критику предпринимаемых попыток измерить «мягкую силу», такие исследования представляют значительный интерес, поскольку, помимо прочего, содержат примеры конкретных компонентов «мягкой силы» и оценку их важности, а также предлагают различные способы их измерения.

Рассмотрим методики составления нескольких актуальных рейтингов «мягкой силы».

Всемирно известный рейтинг «мягкой силы» The Soft Power 30, представляющий 30 стран-лидеров по такой силе, публикуется международной консалтинговой компанией Portland ежегодно начиная с 2015 года. Создателем используемого для рейтинга индекса «мягкой силы» и главным автором соответствующих ежегодных докладов является специалист в области «мягкой силы», публичной дипломатии и культурных отношений Джонатан Макклори, ранее работавший в британском Институте управления (Institute for Government, IfG) над схожим исследованием «мягкой силы» стран, публикуемым в партнерстве с журналом Monocle.

Целью исследования The Soft Power 30, как заявляют его участники, является как можно точнее измерить ресурсы «мягкой силы» отдельной нации, поэтому составители рейтинга каждый год вносят небольшие изменения в методологию расчета индекса для ее актуализации. При измерении «мягкой силы» стран мира используются как объективные, так и субъективные данные. В исследовании 2019 года их соотношение при итоговом подсчете составляло 65% к 35% соответственно. Получаемые из надежных источников объективные данные подразделяются на 6 категорий, или подындексов: управление («government») (20,8% – вес среди других

подындексов, основанных на объективных данных), глобальное взаимодействие («engagement») (20,6%), предпринимательская деятельность (18,7%), образование (14,3%), цифровые технологии («digital») (13,1%) и культура (12,5%)[142].

В категории «управление» по каждой стране учитываются такие показатели, как, например, индекс демократии, количество аналитических центров, коэффициент Джинни и индекс свободы прессы. Подындекс «глобальное взаимодействие» включает оценку объема внешней помощи в целях развития, аудитории государственной вещательной компании, количество посольств страны за рубежом, число желающих получить убежище в данной стране и др. Предпринимательская деятельность страны оценивается благодаря таким данным, как объем прямых иностранных инвестиций, индекс конкурентоспособности Всемирного экономического форума и затраты на открытие нового дела. Оценка образованию дается согласно нескольким параметрам, среди которых – число ведущих мировых университетов и число иностранных студентов в стране. Данные категории «цифровые технологии» включают, помимо прочего, количество зарубежных подписчиков в Facebook у главы государства или правительства, а также министра иностранных дел. В подындексе «культура» во внимание берутся число прибывших туристов, средние расходы одного туриста, количество объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, рейтинг ФИФА, индекс влияния языка и др. В Приложении А по категориям представлены все показатели, используемые в качестве объективных данных в исследовании The Soft Power 30 в 2019 году[143].

Используемые в исследовании субъективные данные представляют собой результаты опроса общественного мнения. Для доклада 2019 году опрос проводился в 25 странах мира: Аргентине, Австралии, Бразилии,

[142] McClory J. The Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power 2019 [Электронный ресурс] / Portland, USC Center on Public Diplomacy. – URL: https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf (дата обращения: 10.11.21). – P. 27–34.

[143] Ibid. – P. 118–120.

Канаде, Китае, Египте, Франции, Германии, Индии, Индонезии, Италии, Японии, Малайзии, Мексике, Польше, России, Саудовской Аравии, Испании, Южной Африке, ЮАР, Швеция, Таиланде, Турции, Великобритании и США. В каждой из них были опрошены 500 человек разного возраста, пола и региона проживания. Целью социологического исследования является оценка привлекательности стран мира в разных областях по 11-балльной шкале (от 0 до 10). Вопросы анкеты соотносятся с восьмью тематическими категориями с соответствующим весом при подсчете: вера в правильность курса страны в международных делах (31%), гостеприимство в отношении туристов (20,6%), привлекательность в качестве места для жизни, работы или учебы (15,3%), кухня (12%), технологическая продукция (8,3%), предметы роскоши (7,6%) и вклад в мировую культуру (5,2%)[144].

Для настоящей диссертационной работы особый интерес представляет совместное исследование Британского Совета и компании Portland «Барометр «мягкой силы» Уэльса 2018. Измерение «мягкой силы» за пределами национального государства» (Wales Soft Power Barometer 2018. Measuring soft power beyond the nation-state), чья методология является адаптированной версией методологии, используемой в The Soft Power 30. Дело в том, что известные мировые рейтинги «мягкой силы», в том числе представленные в настоящей работе, измеряют такую силу только независимых государств, а в Барометре «мягкой силы» Уэльса дается сравнительная оценка «мягкой силы» десяти субгосударственных регионов: Каталонии, Квебека, Корсики, Пуэрто-Рико, Северной Ирландии, Уэльса, Фландрии, Хоккайдо, Чеджу и Шотландии. Особое внимание уделяется Уэльсу, что отражено в названии.

Как и в The Soft Power 30, индекс «мягкой силы» региона опирается на объективные (вес при итоговом подсчете – 70%) и субъективные (30%) данные. Объективные данные разделены на те же шесть категорий (подындексов). Многие показатели, учитываемые при подсчете, также остались прежними, тем не менее ряд из них был исключен ввиду

[144] Ibid. – P. 27–34, 120.

невозможности применения по отношению к части территории государства, при этом были добавлены новые – например членство региона в Сети региональных правительств для устойчивого развития (nrg4SD), количество городов-побратимов и индекс полномочий региональных органов власти (Regional Authority Index).

Субъективные данные, полученные в результате социологических опросов, структурированы по семи категориям с соответствующим весом при подсчете индекса: дружелюбность по отношению к туристам (25,1%), условия жизни (18,8%), политические ценности (16,2%), предметы роскоши (15,2%), кухня (14,5%), культура (5,7%) и спорт (4,5%). Для выявления значимости каждого из семи параметров в опросы был включен вопрос об отношении к регионам в целом. Кроме того, респондентам были заданы вопросы об осведомленности о регионах, включенных в рейтинг. Всего в рамках исследования были опрошены 5000 человек из 10 стран мира: Канады, Китая, ОАЭ, Франции, Германии, Индии, Ирландии, Японии, Катара и США[145].

Другим известным исследованием, касающимся вопросов «мягкой силы» стран мира, является «Индекс глобального присутствия Элькано» (Índice Elcano de Presencia Global). Рейтинг публикуется ежегодно испанским аналитическим центром Королевским институтом Элькано (Real Instituto Elcano). Индекс оценивает глобальное присутствие стран мира, которое, согласно авторам исследования, имеет три измерения – экономическое, военное и мягкое. В рамках настоящей работы интерес представляет именно «мягкое» присутствие.

Авторы Индекса глобального присутствия отмечают, что он не измеряет силу, ведь страна может иметь значительную международную проекцию, но не иметь реального влияния. Однако глобальное присутствие

[145] McClory J. Wales Soft Power Barometer 2018: Measuring soft power beyond the nation state [Электронный ресурс] / British Council Wales. – URL: https://wales.britishcouncil.org/sites/default/files/wales_soft_power_barometer_2018_0.pdf (дата обращения: 6.11.21). – P. 10–14.

может быть активом, который можно трансформировать во влияние или силу[146]. Таким образом, благодаря этому исследованию Королевского института Элькано можно узнать, насколько велик потенциал «мягкой силы» страны. Кроме того, авторы подчеркивают, что они оценивают исключительно результаты присутствия страны, а не средства для его достижения.

Данное исследование основывается только на объективных данных, которые берутся из таких источников, как базы данных международных организаций и национальных институтов. Значимость каждого элемента индекса при итоговом подсчете определяется благодаря экспертной оценке, получаемой благодаря опросам специалистов в области международных отношений с пяти континентов[147].

Методология Индекса периодически актуализируется. В Индекс глобального присутствия Элькано 2020 года включены 140 стран. «Мягкое» присутствие представляет 36% от глобального присутствия страны. Составляющие «мягкого» присутствия подразделяются на девять категорий: сотрудничество в целях развития, образование, наука, технологии, информация, культура, спорт, туризм и миграция. Вес категорий «технологии» и «культура» составляет 5% от глобального присутствия страны, категорий «сотрудничество в целях развития», «образование», «наука», «информация» и «туризм» – 4%, категорий «спорт» и «миграция» – 3%. Сотрудничество в целях развития оценивается благодаря объему официальной помощи в целях развития или аналогичным данным; образование – числу иностранных студентов в высших учебных заведениях страны; наука – числу научных публикация; технологии – доходу, полученному из-за рубежа за использование интеллектуальной собственности, и числу патентных заявок, ориентированных на другие

[146] Preguntas frecuentes sobre el Índice Elcano de Presencia Global [Электронный ресурс] / Real Instituto Elcano. – URL: https://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/es/faq (дата обращения: 5.01.21).

[147] Qué es el Índice Elcano de Presencia Global [Электронный ресурс] / Real Instituto Elcano. – URL: https://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/es/estructura (дата обращения: 11.09.21).

страны; информация – числу упоминаний в новостях основных информационных агентств и пропускной способности Интернета; культура – экспорту аудиовизуальной продукции и культурных ценностей; спорт – количеству медалей на летних олимпийских играх, рейтингу ФИФА мужских и женских сборных и рейтингу мужских футбольных клубов Международной федерации футбольной истории и статистики; туризм – числу прибытий иностранных туристов; миграция – числу мигрантов из-за рубежа по состоянию на середину года[148].

Еще одним заслуживающим внимание исследованием является впервые опубликованный в начале 2020 года «Глобальный индекс «мягкой силы» (Global Soft Power Index) консалтинговой фирмы Brand Finance. Авторы Глобального индекса позиционируют его как «наиболее всеобъемлющее» («most comprehensive») исследование представлений о «мягкой силе» национальных брендов[149]. Под «мягкой силой» авторами понимается «способность нации влиять на предпочтения и поведение различных акторов на международной арене (государства, корпорации, сообщества, общественности и т.д.) путем привлечения и убеждения, а не принуждения»[150]. В данном исследовании в качестве субъекта «мягкой силы» предпочитают называть именно нацию, что отдельно оговаривается[151].

Составители Глобального индекса отмечают, что высокие позиции в их рейтинге в основном занимают нации, оказывающие существенное влияние в международных делах. А для того чтобы войти в число лидеров, такое международное влияние должно дополняться хорошей репутацией. При этом отличная репутация при отсутствии влияния не будет генерировать «мягкую силу». Кроме того, важную роль играет узнаваемость («familiarity») нации.

---

[148] Qué es el Índice Elcano de Presencia Global. Metodología [Электронный ресурс] / Real Instituto Elcano. – URL: https://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/es/metodologia (дата обращения: 11.09.21).

[149] Global Soft Power Index [Электронный ресурс] / Brand Finance. – URL: https://brandirectory.com/globalsoftpower/ (дата обращения: 11.09.21).

[150] Global Soft Power Index 2020 [Электронный ресурс] / Brand Finance. – URL: https://brandirectory.com/globalsoftpower/download/brand-finance-global-soft-power-index-2020.pdf (дата обращения: 18.08.21). – P. 19.

[151] Ibid. – P. 20.

Так, нации, о которых рядовые граждане из других стран знают больше, обычно получают от них хорошие оценки по таким показателям, как кухня, культура и пр. Вполне закономерно, что у этих наций, как правило, также высокий балл по туризму[152].

Структурными элементами Глобального индекса «мягкой силы» Brand Finance являются: узнаваемость и осведомленность, влияние, репутация нации и ее результативность по 7 основным компонентам «мягкой силы». Основными компонентами «мягкой силы» в рамках исследования выступают следующие категории: бизнес и торговля, государственное управление («governance»), международные отношения, культура и культурное наследие, СМИ и коммуникации, образование и наука, люди и ценности. Кроме того, в рейтинге 2021 года в индекс был добавлен еще один структурный элемент - ответ нации на пандемию COVID-19, включающий 3 показателя: действия в экономике, в сфере здоровья и благосостояния граждан и в области международной помощи и сотрудничества. Вес каждого элемента в итоговом подсчете Индекса был определен на основе мнения экспертов[153]. На рисунке 1 представлена структура Глобального индекса «мягкой силы» 2021[154].

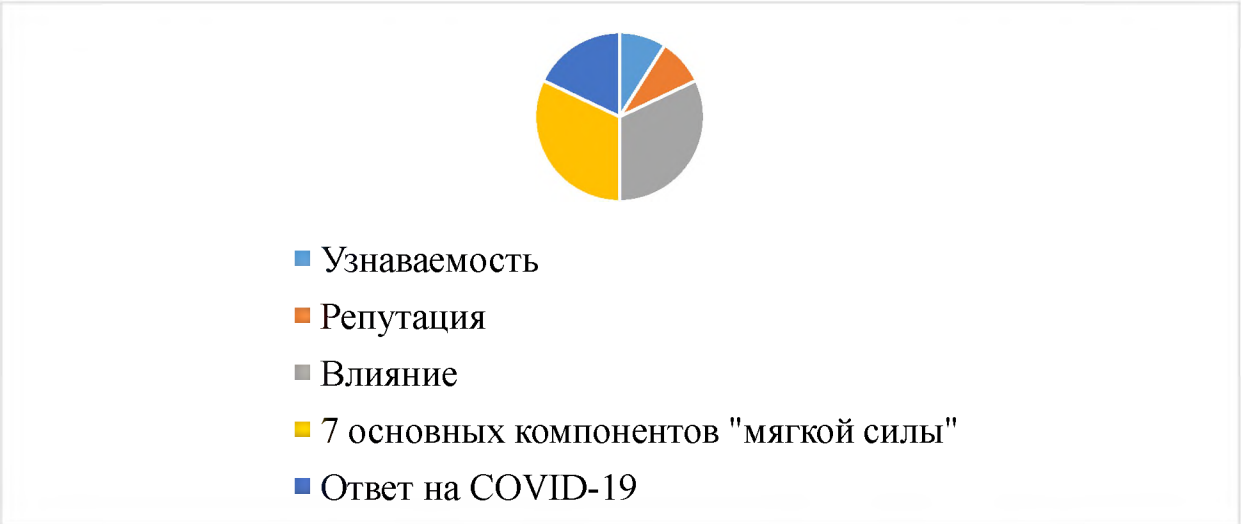

Рисунок 1 – Структура Глобального индекса «мягкой силы» 2021

[152] Ibid. – P. 33–38.

[153] Global Soft Power Index 2021 [Электронный ресурс] / Brand Finance. – URL: https://brandirectory.com/globalsoftpower/download/brand-finance-global-soft-power-index-2021.pdf (дата обращения: 18.08.21). – P. 19–21.

[154] Ibid. – P. 19.

Глобальный индекс 2021 года оценивает восприятие «мягкой силы» 105 наций. Индекс основывается на результатах двух опросов – широкой общественности и специалистов. Первый опрос охватил более 75 тысяч человек из 102 стран. Респондентами второго опроса стали 778 экспертов – бизнесменов, рыночных аналитиков, политиков, исследователей, представителей неправительственных организаций и журналистов – из 47 стран. В рейтинге 2021 года вес мнения рядовых граждан составил 90%, мнения специалистов – 10%.

Первый опрос проводился онлайн следующим образом: сначала респонденту показывали случайный набор национальных брендов (из 105, выбранных для исследования) и спрашивали, знакомы ли они ему. По тем странам, которые были ему знакомы, была получена оценка их репутации, влияния, ответа на пандемию COVID-19 и эффективности по 31 характеристике (при этом характеристики распределены по 7 основным компонентам-блокам «мягкой силы»): сильная и стабильная экономика, легкость ведения бизнеса в стране и со страной, потенциал дальнейшего роста, всемирно любимые продукты и бренды; политическая стабильность и эффективное управление, уважение закона и прав человека, высокие этические стандарты и низкий уровень коррупции; безопасность и надежность, уважаемые лидеры; влияние в дипломатических кругах, хорошие отношения с другими странами, помощь нуждающимся странам, действия по защите окружающей среды; богатое культурное наследие, привлекательность для посещения, привлекательный образ жизни, влиятельность в сфере искусства и развлечений, всемирно любимая еда, лидеры в спорте; влиятельные СМИ, заслуживающие доверия СМИ, пристально отслеживаемые события, хорошие коммуникаторы; хорошая образовательная система, лидерство в науке, передовые технологии; дружелюбность, веселый нрав, щедрость, толерантность, надежность.

Специалистам при опросе так же были показаны случайные национальные бренды, и по знакомым респондентам нациям была получена

оценка их репутации, влияния и результативности по 7 ключевым блокам-составляющим «мягкой силы»[155].

В представленных выше исследованиях-рейтингах измерения «мягкой силы» упор в основном делается на оценку ресурсов и механизмов воздействия «мягкой силы» и на репутацию (как промежуточного результата ее применения) акторов, чья сила измеряется, что неоднократно отмечалось в научной литературе. В связи с этим автором настоящей диссертационной работы предлагается говорить о ресурсно-инструментальном и репутационном подходах к измерению «мягкой силы». В таких исследованиях «мягкая сила» обычно не рассматривается как политтехнологический инструмент. Для решения определенных исследовательских задач имеет смысл ввести и развивать новый подход – конфликтный. В отличие от имеющихся исследований, чьей целью является оценка «мягкой силы» как можно большего числа акторов, научные изыскания, опирающиеся на предлагаемый подход, будут являться более узкими, фокусирующимися на измерении «мягкой силы» участников конкретных конфликтных ситуаций или просто акторов, находящихся, например, в регионе пересечения интересов. Предположим, речь идет об этнополитическом конфликте, в котором задействовано несколько государств и территориальных образований. В таком случае исследование будет оценивать «мягкую силу» именно этих акторов, а показателями для измерения могут стать количество иностранцев, получивших гражданство или просящих убежище с момента начала конфликта, покрытие СМИ данного этнополитического конфликта, в том числе на официальных языках оппонентов, и др. То есть, безусловно, будут задействованы принципы двух имеющихся подходов, однако в случае использования предлагаемого конфликтного подхода исследование будет являться более контекстным и делать значительный акцент на проблеме. Конфликтный подход в оценке

[155] Ibid. – P. 20–24, 39.

«мягкой силы» может поспособствовать более глубокому изучению конфликта и более четкому анализу баланса сил его участников.

Итак, из-за самой природы «мягкой силы», ее многокомпонентности и субъективности на современном этапе развития науки представляется крайне сложным нахождение реального математического выражения суммарной «мягкой силы» государства. Существующие итоговые индексы «мягкой силы», без сомнений, лишь удобный инструмент для ранжирования, который весьма условно демонстрирует, у каких субъектов потенциал в этой сфере больше: чья политика на международной арене выглядит более легитимной, чья культура представляется наиболее влиятельной и т.д. Не стоит забывать и о том, что, в зависимости от того, под эгидой какого учреждения составляется рейтинг, оценка одних и тех же действий может различаться как качественно, так и количественно. Так, например, в научной литературе неоднократно поднималась тема лоббирования западных ценностей в различных исследованиях «мягкой силы». При оценке же «мягкой силы» отдельного государства или его части имеет смысл уйти от ее математического выражения, стремиться к всеобъемлющему анализу ее составляющих и пытаться найти пути оценки результатов ее применения. При этом существующие рейтинги «мягкой силы» значительно облегчают исследования такого рода, представляя спектр возможных ресурсов и механизмов воздействия такой силы, а также варианты их оценивания.

В исследованиях «мягкой силы» и соответствующих рейтингах применяются различные методики измерения такой силы. Их авторы по-разному подходят к вопросу о структуре «мягкой силы», значимости ее отдельных элементов, а также методах их оценивания. Так, в одних исследованиях предпочтение отдается объективным данным в виде сведений, собираемых международными организациями, государственными учреждениями или аналитическими центрами. В итоге нередко используемый в рейтинге индекс «мягкой силы» представляет собой по сути сумму других индексов, с разных сторон характеризующих страны мира.

Другие исследования отдают предпочтения субъективным данным в виде опросов, причем как обычного населения, так и специалистов в области. Есть работы, в которых применяются как объективные, так и субъективные данные, а их соотношение определяется экспертным заключением. В существующих работах по теме измерения «мягкой силы» в основном применяются два подхода: ресурсно-инструментальный и репутационный. Для решения определенных исследовательский задач целесообразно применений нового подхода – конфликтного, при котором «мягкая сила» предстает политтехнологическим инструментом.

Несмотря на то, что в обозначенных подходах к оценке и измерению «мягкой силы» используются разнородные составляющие, можно говорить о том, что основными элементами «мягкой силы» как политтехнологического инструмента, в том числе в условиях этнополитического конфликта, являются международная деятельность, государственное управление, культура, бизнес, образование, наука и технологии, туризм, спорт, коммуникации, образ жизни и нрав населения.

1.3 Применение концепции «мягкой силы» для изучения этнополитического конфликта в рамках одного государства

Определение основных элементов «мягкой силы» позволяет более системно анализировать борьбу средствами косвенного воздействия в условиях этнополитического конфликта, причем даже в рамках одного государства. Несмотря на то, что, как было продемонстрировано ранее, обычно в работах по теме «мягкой силы» в качестве ее субъектов рассматривают государства, с самого начала развития концепции утверждалось, что, например, различные организации, компании, университеты, фонды, объединения и пр. могут также развивать свою

собственную «мягкую силу»[156]. Этому посвящен ряд разносторонних работ отечественных и зарубежных авторов[157].

В рамках настоящего исследования интерес представляют работы, рассматривающие «мягкую силу» отдельных частей государств – субгосударственных акторов. Стоит заметить, что эта предметная область является недостаточно изученной. Несмотря на наличие в научной литературе большого количества работ по вопросам парадипломатии, «мягкая сила» территорий государств, представляющая собой более широкое исследовательское поле, является центральной темой сравнительно небольшого числа трудов.

Одним из основных вопросов, поднимаемых в существующих работах по теме, является роль городов и регионов в наращивании «мягкой силы» государств. Например, исследователи Рис Крилли и Илан Манор на примере Тель-Авива и Иерусалима показывают, как государство может наращивать свою привлекательность через «ненациональный брендинг» («un-nation branding»), то есть представляя себя миру через отдельные города или регионы[158]. Специалист в области территориального маркетинга и публичной дипломатии Эфе Севин в публикации 2021 года выделяет различные пути, которыми города способствуют росту «мягкой силы» государств[159]. Португальский исследователь Мигель Сантос Невиш пишет об укреплении «мягкой силы» государств благодаря международным контактам регионов

---

[156] Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2005. – P. 17.

[157] См, например, Бахриев Б.Х., Рустамова Л.Р. «Мягкая сила» военной организации: публичная дипломатия НАТО в Центральной Азии // Вестник Томского Государственного Университета. – 2020. –№ 458. – С. 90–100; Ланьшина Т.А. «Мягкая сила» Гете-Института // Вестник международных организаций. – 2015. – Т. 10, № 1. – С. 118–142; Пермякова Л., Скрягина С. Социальная ответственность как «мягкая сила» транснациональных компаний // Дипломатическая служба. – 2013. – № 4. – С. 76–80; Haynes J. Religious Transnational Actors and Soft Power. – London: Routledge, 2016. – 184 p.; Gallarotti G. M. Compound soft power: the BRICS and the multilateralization of soft power // Journal of Political Power. – 2016. – Vol. 9, № 3. – P. 467–490; Steinberg G.M. Counter-terror and soft power: NGO claims to military and legal expertise and Israeli responses // Israel Affairs. – 2018. – Vol. 24, № 4. – P. 572–592.

[158] Crilley R., Manor I. Un-nation Branding: The Cities of Tel Aviv and Jerusalem in Israeli Soft Power // City Diplomacy: Current Trends and Future Prospects / Ed. by S. Amiri, E. Sevin. – 2020. – P. 137-160.

[159] Sevin E. The missing link: cities and soft power of nations // International Journal of Diplomacy and Economy. 2021. Vol. 7, № 1. P. 19–32.

знаний («knowledge regions»)[160]. В отечественной политической науке также есть работы по данной теме. Так, Сергей Павлович Артеев рассуждает о «мягкой силе» российских регионов и возможности ее применения для решения внешнеполитических задач Российский Федерации[161], а Ангелина Сергеевна Гомелаури на примере Санкт-Петербурга приводит особенности «мягкой силы» субъекта федерации, приходя к выводу, что потенциал «мягкой силы» федеральных субъектов может быть использован для наращивания «мягкой силы» России[162].

Есть и некоторые работы, концентрирующиеся конкретно на «мягкой силе» городов без привязки к таковой государства в целом. Так, в своем исследовании по теме 2020 года Кристи Свини заявляет о стремительном росте глобальной «мягкой силы» городов, описывает используемые ими в этом процессе инструменты и стратегии, а также указывает на то, что существующие теории в юридической и политической научной литературе из-за своей ориентации на государства не способны в полной мере отобразить новый статус городов и других субнациональных субъектов в мировой политике[163]. О росте «мягкого» влияния городов говорит и Хосеп Колл, утверждая, что города обладают рядом характеристик, делающих их наиболее подходящими субъектами для участия в решении вопросов глобального значения[164]. Китайские исследователи Чжоу Сяохун, Ван Сяои и Се Хэфэн в совместном труде предприняли попытку измерить и сравнить «культурную мягкую силу» столиц китайских провинций[165]. Мексиканский

---

[160] Santos Neves M. Paradiplomacy, knowledge regions and the consolidation of "Soft Power" // Janus.net. – 2010. – № 1. – P. 10–28. – URL: https://www.redalyc.org/pdf/4135/413536166002.pdf (дата обращения: 4.11.21).

[161] Артеев С.П. Внешняя политика России: «мягкая сила» регионов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2021. – Т. 13, № 1. – С. 32–57.

[162] Гомелаури А.С. Субъект федерации как канал «мягкой силы» государства (на примере Санкт-Петербурга) // Via in Tempore. История. Политология. – 2020. – Т. 47, № 3. – С. 658–668.

[163] Swiney C. The Urbanization of International Law and International Relations: The Rising Soft Power of Cities in Global Governance // Michigan Journal of International Law. – 2020. – Vol. 41, № 2. – P. 227–278.

[164] Coll J.M. Cities emerging soft power: 5 key advantages for improved global governance [Электронный ресурс] // Opinion CIDOB. – 2015. – № 332. – P. 1–3. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/191542/332_OPINION_JOSEP%20M%C2%AA%20COLL_ANG.pdf (дата обращения: 4.11.21).

[165] Zhou X.H., Wang X.Y., Xie H.F. Study on Regional Soft Power and the General Evaluating System // Technology Economics. – 2007. – Vol. 26, № 6. – P. 58–89.

политолог Даниэль Аньорве Аньорве рассматривает взаимосвязь парадипломатии и «мягкой силы» субнациональных акторов, анализирует активы «мягкой силы» города Гуанахуато и доказывает, что опирающаяся на них парадипломатия города позволяет развивать горизонтальное сотрудничество с другими субнациональными акторами[166]. О связи парадипломатии и «мягкой силы» также рассуждает Вай Инь Чан, описывая таковые Гонконга[167].

Среди исследований, посвященных «мягкой силы» субгосударственных акторов, для настоящей диссертационной работы особое значение имели труды конкретно по «мягкой силе» Каталонии и Шотландии.

Отметим, что «мягкая сила» Испании и Великобритании освещается в достаточно большом количестве трудов[168], однако количество работ по теме «мягкой силы» Каталонии и Шотландии весьма ограничено. В случае испанского автономного сообщества особого внимание заслуживает работа 2009 года каталонского исследователя Жорди Сифры, в которой он приводит этапы развития парадипломатии Каталонии региональными органами управления, одной из целей которой является защита каталонской идентичности, а также описывает основные ресурсы «мягкой силы» Каталонии в мире[169]. Интерес также представляет исследование, автором которого является Сесар Гарсиа, описывающее деятельность каталонской власти по укреплению региональной идентичности в противовес испанской путем применения «мягкой силы». Сесар Гарсиа пишет об использовании в этих целях каталонских языка, культуры, спорта, СМИ и публичной

---

[166] Añorve-Añorve D. Paradiplomacia, poder suave y la cooperación internacional municipal: el caso de Guanajuato // Convergencia Revista de Ciencias Sociales. – 2020. – Vol. 27, № 1. – P. 1–29.

[167] Chan W.Y. The soft power and paradiplomacy of Hong Kong // Asian Education and Development Studies. – 2019. – Vol. 8, № 2. – P. 161–172.

[168] См., например: Астахов Е.М. К русскому восприятию испанского опыта «мягкой силы» // Иберoамериканские тетради. – 2013. – № 2. – С. 40–50; Харитонова Е.М. «Мягкая сила» Великобритании. – М: ИМЭМО РАН, 2018. – 139 с.; Badillo Matos, A. Las políticas públicas de acción cultural exterior de España // Revista del Real Instituto Elcano. – 2014. – №14. – P. 52– 91; Hill C., Beadle S. The art of attraction: Soft power and the UK's role in the world / British Academy. – London: DG3, 2014. – 57 p.; Priego Moreno A. Spanish soft power and its structural (NON-traditional) model of diplomacy //Contemporary Spanish Foreign Policy. – 2014. – P. 48–63.

[169] Xifra J. Catalan public diplomacy, soft power, and noopolitik: A public relations approach to Catalonia's governance // Catalan Journal of Communication and Cultural Studies. – 2009. – Vol. 1, № 1. – P. 67–85.

дипломатии[170]. Отечественный исследователь Рудник Светлана Михайловна анализирует стратегию «мягкой силы», которую использует Женералитет Каталонии в парадипломатии с целью продвижения повестки каталонской независимости[171]. Стоит упомянуть также работу Мелиссы Джонсон, посвященную наращиванию «мягкой силы» регионами, где присутствуют сепаратистские настроения, среди них – Каталония и Шотландия. Ее центральной темой является продвижение этими регионами культуры через цифровой брендинг[172].

Кроме того, большой вклад в исследование вопроса «мягкой силы» субгосударственных акторов, в том числе Каталонии и Шотландии, внес упомянутый ранее Барометр «мягкой силы» Уэльса Британского Совета и Portland, оценивший активы «мягкой силы» этих территорий. Первым комплексным исследованием конкретно «мягкой силы» Шотландии можно считать доклад «Измерение международного восприятия: Шотландия и «мягкая сила» (Gauging International Perceptions: Scotland and Soft Power) шотландского подразделения Британского Совета и все той же компании Portland, который опирается на результаты Барометра «мягкой силы» Уэльса, но фокусируется на состоянии и перспективах шотландской «мягкой силы»[173].

Итак, тема «мягкой силы» субгосударственного актора в настоящее время является недостаточно изученной. Причем довольно часто в этих относительно немногочисленных тематических работах ее рассматривают как средство для увеличения «мягкой силы» государства. При этом как в работах такой направленности, так и в тех, где «мягкое» влияние

---

[170] García C. Strategic communication applied to nation building in Spain: The experience of the Catalan Region // Public Relations Review. – 2013. – Vol. 39, № 5. – P. 558–562.

[171] Рудник С.М. Стратегия «мягкой силы» во внешнеполитической деятельности Женералитата Каталонии в начале XXI в // Клио. – 2017. – № 7 (127). – С. 141–145.

[172] Johnson M. A. Culture as soft power: Digital branding by Catalonia, the Basque Country and Scotland // Catalan Journal of Communication & Cultural Studies. – 2018. – Vol. 10, № 1. – P. 115–123.

[173] McClory J. Gauging International Perceptions: Scotland and Soft Power [Электронный ресурс] / British Council Scotland. – 31 p. – URL: https://scotland.britishcouncil.org/sites/default/files/t0026_scottish_soft_power_doc_s1_v20.pdf (дата обращения: 3.11.21).

государственных территорий анализируется все же независимо, «мягкая сила» почти всегда исследуется только в разрезе международных отношений, то есть по отношению к зарубежной публике. В настоящей диссертационной работе «мягкая сила» во второй главе рассмотрена так же в отношении внешнего мира, а в третьей – по большой части на уровне одного государства, то есть по отношению к населению самой страны, при этнополитическом конфликте в условиях борьбы за национально-территориальное самоопределение. Природа и основные характеристики «мягкой силы» делают возможным применение данной концепции для описания взаимодействия акторов на внутригосударственном уровне. Неслучайно упомянутая ранее теория, на которой она базируется[174], вовсе не говорит конкретно о межгосударственном взаимодействии. О возможности применения «мягкой силы» во внутренней политике, как уже было сказано ранее, в своих работах заявляет Сулейков Андрей Александрович. Такой позиции также придерживаются, например, китайские теоретики и практики[175].

Что касается применения концепции «мягкой силы» в конфликтном контексте, то существует отдельные работы по этой теме. Некоторые из них, говорящие о предполагаемой деструктивной роли «мягкой силы» в конфликтах, были представлены в первом параграфе настоящей главы работы. Кроме того, известны работы, анализирующие использование «мягкой силы» для борьбы с терроризмом[176], а также, напротив, обращение к ней террористами для продвижения своих целей[177]. Что касается исследований, фокусирующихся на такой силе в условиях конкретного конфликта на территории одного государства, в том числе в условиях

---

[174] Bachrach P., Baratz M.S. Two Faces of Power // The American Political Science Review. – 1962. – Vol. 56, № 4. – P. 947–952;

[175] Ковба Д.М. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона: диссертация … кандидата политических наук: 23.00.02. – Екатеринбург, 2017. – С. 81.

[176] См, например, The Battle for Hearts and Minds. Using Soft Power to Undermine Terrorist Networks / Ed. by A.T.J. Lennon. – London: MIT Press, 2003. – 392 p.

[177] См, например, Манойло А.В. «Мягкая сила» террористов // Россия и мусульманский мир. – 2017. – № 3. – С. 137–149.

национально-территориального самоопределения, то зачастую в них она вновь рассматривается в международной перспективе. В этих исследованиях описывается применение «мягкой силы» от лица внешних акторов, а не непосредственных сторон конфликта[178].

Применение концепции «мягкой силы» представляется особенно уместным и эффективным при изучении национально-территориального самоопределения. В таком противостоянии хорошо очерчены антагонистичные интересы и цели сторон, что располагает к изучению разных сторон их борьбы, в том числе средствами «мягкой силы».

Комплексных исследований противостояния средствами «мягкой силы» сторон этнополитических конфликтов между Испанией и Каталонией и между Великобританией и Шотландией нет, тем не менее существуют труды, в которых изучаются отдельные аспекты такой борьбы. Например, есть работы, посвященные роли спорта[179] и образования[180] в развитии обозначенных конфликтов. Однако стоит подчеркнуть, что существует большое количество работ, анализирующих взаимоотношения центра и регионов, рассматривающих вопросы идентичности, национализма, а также освещающих истоки и течение данных конфликтов в Испании[181] и

---

[178] См, например, Beggs C.S. Soft Power, Hard Times: Russian Influence in the Post-Soviet Space during Periods of Military Conflict: PhD thesis. – Manchester, 2020. – 356 p.; Hayward K. The (Soft) Power of Commitment: The EU and Conflict Resolution in Northern Ireland // Ethnopolitics. – 2012. – Vol. 11, № 4. – P. 439–452; Ryabinin Y. Hungarian Exogenous Influence on the Separatism Movement in Transcarpathian Region // Strategic Priorities. – 2018. – № 1. – P. 79–83.

[179] См, например, Jarvie G. Sport, the 2014 Commonwealth Games and the Scottish Referendum // Routledge Handbook of Sport and Politic / Ed. by A. Bairner, J. Kelly, J.W. Lee. – London: Routledge, 2017. – P. 209–222; Juventeny Berdún S. Much 'more than a club': Football Club Barcelona's contribution to the rise of a national consciousness in Catalonia (2003–2014) // Soccer and Society. – 2017. – Vol. 20, № 1. – P. 103–122.

[180] Clots-Figueras I., Masella P. Education, Language and Identity // The Economic Journal. – 2013. – Vol. 123, № 570. – P. 332–357; Higher Education and the Referendum on Scottish Independence / Sh. Riddell, S. Minty, E. Weedon, L. Hunter Blackburn // The Political Quarterly. – 2015. – Vol. 86, № 2. – P. 240–248.

[181] См., например: Авилова А.В. Испания: новая модель отношений между центром и регионами // Проблемы теории и практики управления. – 1997. – № 3. – С. 23–26; Аникеева Н.Е. Испания – государство автономий в объединенной Европе // Современная Европа. – 2007. – № 2. – С.91–102; Верников В.Л. Каталония – «замороженный конфликт» // Современная Европа. – 2018. – № 2. – С. 129–134; Волкова Г.И. Испания: государство автономий и проблема территориальной целостности. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 328 с.; Кабицкий М.Е., Рудник С.М. Современный испанский автономизм: достижения, проблемы, перспективы // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2019. – № 1 (12). – С. 14–29; Коваль Т.Б. Современная Испания: в лабиринте идентичностей // Культурная сложность современных наций / Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 57–77; Орлов А.А. Национализм в истории Каталонии: прошлое и настоящее. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 550 с.; Орлов А.А. Национализм в Каталонии – фактор риска для Испании //

Великобритании[182], что, безусловно, способствовало проведению настоящего исследования.

Обозреватель. – 2010. – № 11 (250). – С. 108–120; Прохоренко И.Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах-членах Европейского союза. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 93 с.; Прохоренко И.Л. Проблема национальной идентичности в условиях европейской интеграции: испанский случай // Иберoамериканские тетради. – 2016. – № 1 (11). – С. 49–55; Прохоренко И.Л. Сецессионистский конфликт в Каталонии // Пути к миру и безопасности. – 2018. – № 2 (55). – С. 36–50; Хенкин С.М. Каталонский конфликт вчера и сегодня // Актуальные проблемы Европы. – 2015. – № 1. – С. 117–138; Хенкин С.М. Политико-территориальная модель Испании: старые проблемы и новые вызовы // Журнал политической философии и социологии «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2018. – № 4. – С. 162–179; Хенкин С.М. Сепаратизм по-каталонски // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 5. – С. 29-40; Черкасова Е.Г. Почему невозможна независимость Каталонии // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 11. – С. 35–42; Яковлев П.П. «Brexit по-испански»: причины и последствия каталонского кризиса // Перспективы. Электронный журнал. – 2017. – № 3 (11). – С. 36–51; Яковлев П.П. Каталония: выборы состоялись, проблемы не решены // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2017. – № 47 (63). – С. 5–7; Alcalá C. Claves históricas del independentismo catalán. – Madrid: Grafite Ediciones, 2006. – 246 p.; Arza Mondelo J.F., Coll Amargós J. Cataluña: El mito de la secesión. – Barcelona: Editorial Almuzara, 2014. – 304 p.; Borrell J., de Carreras F., López Burniol J.-J., Pique J. Escucha, Cataluña, Escucha, España: Cuatro voces a favor del entendimiento y contra la secesión. – Barcelona: Ediciones Península, 2017. – 336 p.; Díez Medrano J. Naciones divididas: Clase, política y nacionalismo en el País Vasco y Cataluña. – Madrid: Centro de Investigaciones Sociológicas, 1999. – 268 p.; El (des)encaje de Cataluña en España / Ed. por J. Ferri Durá. – Valencia: Tirant lo Blanch, 2021. – 225 p.; Guibernau M. Catalan Nationalism: Francoism, Transition and Democracy. – London: Routledge, 2004. – 216 p.; Moreno Fernández L. La federalización de España. Poder político y territorio. – Madrid: Siglo XXI de España Editores, 2008. – 203 p.; Requejo Coll F. Federalismo plurinacional y pluralismo de valores. El caso español. – Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2007. – 203 p.; Romero González J. España inacabada. Organización territorial del Estado, autonomía política y reconocimiento de la diversidad nacional // Documents d'Anàlisi Geogràfica. – 2012. – № 58 (1). – P. 13–49; Tamames R. ¿Adónde vas, Cataluña? Cómo salir del laberinto independentista. – Barcelona: Ediciones Península, 2018. – 434 p.

[182] См., например: Андреева Т.Н. Внутри- и внешнеполитические аспекты проблемы независимости Шотландии // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 6. – С. 65–74; Апрыщенко В.Ю. Уния и модернизация: становление шотландской идентичности в XVIII – первой половине XIX вв. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. – 288 с.; Апрыщенко В.Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. – СПб.: Алетейя, 2016. – 720 с.; Громыко Ал.А. Великобритания: новая политическая ситуация // Honoris causa: сборник научных статей, посвященный 70-летию профессора Виктора Владимировича Сергеева / Сост. и отв. ред. И.О. Дементьев. Балтийский федеральный университет им. И. Канта. – СПб: Нестор-История, 2016. – С. 63–71; Еремина Н.В. Деволюция в кельтских регионах Соединенного Королевства как модель государственного развития. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 238 с.; Еремина Н.В. Этнорегиональные сообщества в процессах трансформации политической системы современной Великобритании: на примере Шотландии и Уэльса: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.02. – СПб., 2012. –572 с.; Кагриманян А.С. Независимость Шотландии: Быть или не быть // Политика и общество. – 2014. – № 7 (115). – С. 745–752; Казаков С.О. Деволюция в современном королевстве Великобритании и Северной Ирландии. – Саарбюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2013. – 72 с.; Коданева С.И. Британская конституционная реформа: Региональный аспект. Аналитический обзор. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – 112 с.; Коданева С.И Британский регионализм (конституционная реформа). – М.: Юристъ, 2004. – 140 с.; Кривушин И.В. Парадоксы шотландской политики: референдум 2014 года // Новая и новейшая история. – 2015. – № 6. – С. 129–143; Охошин О.В. Шотландия между Великобританией и ЕС на фоне брекзита // Современная Европа. – 2019. – № 6. – С. 57–67; Перегудов С.П., Семененко И.С. Референдум о независимости Шотландии и проблемы британской государственности // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 3. – С. 64–75; Перегудов С.П. Референдум о независимости Шотландии // Год планеты: ежегодник. Вып. 2014 г.: экономика, политика, безопасность / Гл. ред. В.Г. Барановский. – М.: Идея-Пресс, 2014. – С. 167–171; Тюрин Е.А. Влияние британской имперской государственности на шотландскую национальную идентичность: к вопросу о независимости Шотландии // Власть. – 2017. – № 8. – С. 178–182; Тюрин Е.А. Особенности формирования шотландского национального самосознания в условиях развития британской государственности: социально-политические аспекты // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 116–124; Фадеева Л.А. Идентичность на пересечении интеграции и деволюции: шотландский кейс // Современная Европа. – 2015. – № 5. – С. 91–99; Шеин С.А. «Деволюция – это процесс, а не событие». Деволюционная динамика в Шотландии и Уэльсе (1998–2018) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения.

Таким образом, несмотря на сравнительно небольшое количество работ по вопросу «мягкой силы» субгосударственных акторов, наличие у них такой силы признается в политической науке и практике. Это дает возможность рассматривать «мягкую силу» в конфликтном контексте еще и в рамках одного государства. Особой интерес представляет применение этой концепции для изучения борьбы за национально-территориальное самоопределение, когда у каждой из непосредственных сторон конфликта есть четко обозначенные цели и задачи. Применение концепции «мягкой силы» поспособствует составлению более комплексной картины конфликтной ситуации, так как позволит более четко проанализировать баланс сил в данном этнополитическом конфликте, рассмотреть многообразие задействованных в конфликте субъектов и определить отношение населения к противоборствующим сторонам и их методам.

– 2018. – Т. 2, № 2. – С 194–199; Bogdanor V. Devolution in the United Kingdom. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 352 p.; Devine T.M. Independence or Union: Scotland's Past and Scotland's Present. – London: Penguin UK, 2017. – 320 p.; Jackson B. The Political Thought of Scottish Nationalism // The Political Quarterly. – 2014. – № 85 (1). – P. 50–56; Keating M. The Government of Scotland: Policy-making after Devolution. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. – 304 p.; Keating M. The Independence of Scotland: Self-Government and the Shifting Politics of Union. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 320 p.; Leith M.S., Soule D.P.J. Political Discourse and National Identity in Scotland. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. – 192 p.; Mason R.A. Dis-United Kingdoms? What Lies Behind Scotland's Referendum on Independence // Georgetown Journal of International Affairs. – 2013. – Vol. 14, № 2. – P. 139–146; McCrone D. Scotland Out the Union? The Rise and Rise of the Nationalist Agenda // The Political Quarterly. – 2012. – № 83 (1). – P. 69–76; McLean I. Challenging the Union // The Oxford Handbook of Modern Scottish History / Ed. by T.M. Devine, J. Wormald. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 635–651; McLeish H. Scotland. The Growing Divide: Old Nation, New Ideas / Ed. by Brown T. – Edinburgh: Luath Press Ltd., 2012. – 260 p.; Mitchell J. The Scottish Question. – Oxford: Oxford University press, 2014. – 320 p.; Trench A. Devolution and Power in the United Kingdom. – Manchester: Manchester University Press, 2007. – 320 p.; Whigham S. Nationalism, party political discourse and Scottish independence: comparing discursive visions of Scotland's constitutional status // Nations and Nationalism. – 2019. – Vol. 25, № 4. – P. 1212–1237.

2 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И СУБГОСУДАРСТВЕННЫЙ УРОВНИ СУБЪЕКТОВ «МЯГКОЙ СИЛЫ» (НА ПРИМЕРЕ ИСПАНИИ/КАТАЛОНИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ/ШОТЛАНДИИ)

2.1 Основные источники, формы и механизмы проявления «мягкой силы» Испании и Каталонии за рубежом

Прежде чем исследовать «мягкую силу» конкретно в условиях этнополитических конфликтов между Испанией и Каталонией и между Шотландией и Великобританией, имеет смысл рассмотреть данную силу каждой из противоборствующих сторон в ее общепринятом понимании – по отношению к международной публике. Таким образом будут выделены основные ресурсы, задействованные институты и другие составляющие их «мягкой силы», действующей на зарубежную аудиторию, что позволит увидеть общую картину «мягкого» влияния исследуемых государств и их отдельных частей, претендующих на отделение.

Основным ресурсом «мягкой силы» Испании, несомненно, является ее богатая культура. В первую очередь речь идет о выдающемся историко-культурном наследии испанского государства. Его важнейшую часть составляет испанский язык, ведущей роли которого посвящена большая часть работ по теме испанской «мягкой силы» как зарубежных, так и отечественных авторов[183]. Испанский язык является вторым по распространенности родным языком в мире и третьим по общему количеству людей, говорящих на нем (при суммировании тех, для кого язык является

[183] См, например, Карданова М.Л., Эздекова Л.Б. Роль культурно-языкового фактора как инструмента «Мягкой силы» во внешней политике Испании // Дискуссия. – 2015. – №8 (60). – С. 72–76; Ковалевская Н.В. Роль испанского языка как «мягкой силы» во внешней политике Испании // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, № 5–2. – С. 141–145; Prieto Gutiérrez J.J. La acción cultural exterior de España a través del Instituto Cervantes [Электронный ресурс] // Observatorio de la Imagen de España. – 2013. – № 14. – URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/imagen+de+espana/oie14-2013-la-accion-cultural-exterior-espana-instituto-cervantes (дата обращения: 19.07.21).

родным, с теми, кто владеет им ограниченно и кто изучает его). На испанском говорят 585 миллионов человек (7,5% населения Земли). В 2020 году более 22 миллионов человек по всему миру изучали этот язык как иностранный[184]. Все это не дает усомниться в способности испанского языка создавать привлекательность, в том числе для его родины – Испании.

Авторитетность других компонентов испанской культуры также не вызывает сомнений: Испания входит в пятерку лидеров по количеству объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, испанские шедевры разных видов искусств получили всемирную известность и признание – едва ли кто-то не слышал о Пабло Пикассо, Мигеле де Сервантес или испанских фламенко и корриде, а кухня этой страны считается одной из лучших в мире.

Стоит отметить, что «мягкую силу» Испании генерирует не только традиционная культура, но и ее современные проявления. Примером может служить творчество таких современников, как Педро Альмодовар и Энрике Иглесиас.

Особое место также, без сомнения, занимает спорт, в частности, хотя не только, испанский футбол. Испания располагает футбольными клубами, поддерживаемыми миллионами фанатов по всему миру. Так, к примеру, у футбольного клуба «Реал Мадрид» более 111 млн подписчиков в социальной сети Facebook. Кроме того, огромный вклад в данном аспекте вносит Примера Дивисьон (Primera División), она же Ла Лига (La Liga), – профессиональная футбольная лига высшего уровня Испании, которая является известнейшей и сильнейшей среди национальных лиг мира.

Все вышеперечисленное (а также, конечно, приятный климат Испании) влечет за собой огромный поток туристов в эту страну. До пандемии COVID-19 вклад туризма в ВВП Испании превышал 12% (2017 – 12,1%, 2018 – 12,1%, 2019 – 12,4%)[185]. В 2019 году Испанию посетили 83,5 млн человек из

---

[184] El español: una lengua viva. Informe 2020 [Электронный ресурс] / Instituto Cervantes. – URL: https://www.redalyc.org/pdf/4135/413536166002.pdf (дата обращения: 20.07.21). – P. 5.

[185] Cuenta satélite del turismo de España [Электронный ресурс] / Instituto Nacional de Estadística. – URL: https://www.ine.es/jaxi/Datos.htm?path=/t35/p011/rev19/serie/&file=03001.px (дата обращения: 20.07.21).

других стран. По этому показателю, а также по доходу от международного туризма в 2019 Испания третий год подряд заняла второе место в мире[186]. С точки зрения «мягкой силы» большое число туристов приводит к повышению осведомленности о стране в мире, что, в свою очередь, способствует росту такой силы. В первой главе работы было указано, что, например, в Глобальном индексе «мягкой силы» Brand Finance осведомленности уделяется особое внимание.

Еще одним критерием оценки в различных рейтингах «мягкой силы» и имиджа государств выступает восприятие другими людьми характера, ценностей и жизненного уклада населения страны. Притягательность испанского государства в мире во многом обусловлена как раз общепризнанными дружелюбием и открытостью испанцев, а также привлекательностью их образа жизни. Имидж является важной составляющей «мягкой силы».

Наращиванию «мягкой силы» Испании в зарубежном контексте способствует также международная деятельность крупнейших испанских компаний. Такие гиганты, как Inditex, Santander, BBVA, Repsol и др., поднимают престиж Испании в различных отраслях, что не может не отражаться на общем имидже государства.

Говоря о «мягкой силе» Испании, необходимо упомянуть испанскую монархию. Королевская семья способствует наращиванию испанской привлекательной силы как символизмом своего существования и привлекаемым этим вниманием, так и определенными действиями. Что касается последних, то представители монаршей семьи принимают активное участие в проведении испанской публичной дипломатии, которая, как было сказано ранее, является, по сути, инструментом «мягкой силы». В одном из исследований по данной теме выделяются три характеристики Короны,

[186] UNWTO Global Tourism Dashboard [Электронный ресурс] / UNWTO. – URL: https://www.unwto.org/country-profile-inbound-tourism (дата обращения: 21.07.21).

делающие ее идеальным субъектом для реализации такой деятельности, – нейтральность, преемственность и отожествление с Испанией[187].

Свое отражение в «мягкой силе» находит и еще одна черта Испании – высокая доля проживающих в ней мигрантов. Согласно данным ООН, в 2019 году в Испании проживало 6104200 мигрантов, что составляло 13,1% от всего населения страны[188]. Продуманная политика Испании в отношении мигрантов, а также уже отмеченное дружелюбие испанцев способствуют комфортной адаптации и успешной интеграции иностранцев в испанское общество. В одном из исследований по теме вклада мигрантов в имидж Испании отмечается, что довольные жизнью на новом месте они превращаются в послов Испании в мире: через общение со своей семью и друзьями, оставшимися в стране их происхождения, они способствуют распространению позитивных сведений о стране и укрепляют испанский национальный бренд[189]. Таким образом Испания строит образ открытой и толерантной страны, поддерживающей равенство в различных его проявлениях, а также транслирует соответствующие ценности.

В контексте «мягкой силы» испанского государства имеет смысл указать еще и религиозный аспект. Ныне Испания – светское государство, где, по данным опроса, проведенного испанским Центром социологических исследований (Centro de Investigaciones Sociológicas) в мае 2021 года, верующими являются 60,9% населения: 58,2% испанцев – католики, однако лишь 18,7% испанского населения являются практикующими католиками[190]. Тем не менее история Испании, сохранение отдельных религиозных традиций и большого количества памятников религиозного назначения

---

[187] Priego Moreno A. La Corona en la diplomacia (pública) española // Comillas Journal of International Relations. – 2014. – № 1. – P. 53–80.

[188] International migrant stock 2019: Country Profiles [Электронный ресурс] / United Nations. – URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/countryprofiles.asp (дата обращения: 21.07.21).

[189] Gómez Tavira P. Contribución de los inmigrantes en la construcción de la Marca España // Retos de nuestra acción exterior: Diplomacia Pública y Marca España / Ed. por R. Rubio, J.L. Manfredi Sánchez, G. Alonso. Escuela Diplomática. – Madrid: Ministerio de Asuntos Exteriores y Cooperación, 2012. – P. 237-243.

[190] Barómetro de mayo 2021. Estudio nº 3322 [Электронный ресурс] / Centro de Investigaciones Sociológicas. – URL: http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/3320_3339/3322/es3322mar.pdf (дата обращения: 10.08.21). – P. 44.

закрепили за ней образ религиозной страны. Можно предполагать, что это также располагает определенные группы населения других стран к испанскому государству.

В целом испанской «мягкой силе» естественным образом содействует политико-географическое положение страны. Выгодное ввиду географии и истории расположение Испании создает предпосылки для увеличения ее «мягкой силы». Например, ее роль моста между Латинской Америкой и Европой, а также Африкой (и Средиземноморьем) и Европой дает не только имиджевые преимущества, но и возможность продвигать выгодные Испании повестки дня в рамках соответствующих межгосударственных объединений или даже выступать инициатором создания новых организаций (например, как это было в случае Ибероамериканского саммита), преследуя аналогичные цели.

В Испании в деятельности, связанной с «мягкой силой», в том числе в публичной дипломатии, помимо непосредственно министерств, задействован широкий круг разнообразных учреждений. Среди таких институтов можно выделить:

– Испанское культурное действие (Acción Cultural Española, AC/E) – государственное учреждение, основной целью которого является продвижение культуры и исторического наследия Испании как внутри страны, так и на международном уровне. Испанское культурное действие рассматривает культуру в качестве неотъемлемой части имиджа страны;

– Испанское агентство по международному сотрудничеству в целях развития (Agencia Española de Cooperación Internacional para el Desarrollo, AECID) – государственное агентство, чья деятельность направлена на содействие устойчивому развитию человеческого потенциала в первую очередь путем борьбы с бедностью. Агентство работает в более чем 30 странах;

– Институт Сервантеса (Instituto Cervantes) – государственное учреждение, которое среди прочего занимается продвижением испанского

языка и культуры в мире, организуя языковые курсы, участвуя в программах по распространению языка и проводя культурно-просветительские мероприятия. Институт Сервантеса располагает офисами в 45 странах;

– Фонд Каролина (Fundación Carolina) – частно-государственное учреждение, созданное для поощрения культурных связей и укрепления сотрудничества в сфере образования и науки между Испанией и иберoамериканскими странами. Основная деятельность Фонда концентрируется на формировании человеческого капитала путем предоставления людям из целевых стран стипендий для прохождения обучения;

– сеть Домов (Red de Casas) – сеть государственных объединений, включающая Дом Африки (Casa África), Дом Америки (Casa de América), Арабский Дом (Casa Árabe), Дом Азии (Casa Asia), Дом Средиземноморья (Casa Mediterráneo) и Центр Сефарад-Израиль (Centro Sefarad-Israel), которая занимается публичной дипломатией в целях развития политического и экономического сотрудничества, поощрения межкультурного диалога и укрепления связей между гражданскими обществами. Автономные сообщества Испании принимают активное участие в работе Домов;

– Фонды «Советы» (Fundaciones Consejo) – частные некоммерческие учреждения, целью которых является обеспечение взаимопонимания между странами для развития двусторонних отношений в различных областях. К настоящему моменту существуют Фонд «Совет Испания – Австралия» (Fundación Consejo España-Australia), Фонд «Совет Испания – Бразилия» (Fundación Consejo España-Brasil), Фонд «Совет Испания – Индия» (Fundación Consejo España-India), Фонд «Совет Испания – Китай» (Fundación Consejo España-China), Фонд «Совет Испания – Колумбия» (Fundación Consejo España-Colombia), Фонд «Совет Испания – Россия» (Fundación Consejo España-Rusia), Фонд «Совет Испания – США» (Fundación Consejo España-

Estados Unidos) и Фонд «Совет Испания – Япония» (Fundación Consejo España-Japón)[191];

– Форум известных испанских брендов (Foro de Marcas Renombradas Españolas, FMRE) – государственно-частное партнерство, созданное для укрепления и защиты испанских брендов и содействия их интернационализации, что, в свою очередь, повышает конкурентоспособность испанской экономики, улучшая в целом имидж Испании в мире. В настоящее время Форум насчитывает более чем 115 членов.

Данный перечень учреждений далеко не исчерпывающий: существует достаточно много неправительственных организаций и государственных узкопрофильных учреждений с похожими целями, а также частных компаний и их объединений, принимающих участие в программах по улучшению имиджа Испании за рубежом. Кроме того, испанские автономные сообщества также проводят публичную, чаще всего конкретно культурную, дипломатию через свои собственные институты.

Следует также сказать и о роли испанских аналитических центров, в частности их вкладе в формулирование теоретического аспекта государственных политик соответствующего типа. Испанское правительство использует ресурсы таких центров для отслеживания состояния «мягкой силы» государства и подготовки рекомендаций по его улучшению. Центральное место здесь занимает упомянутый в первой главе настоящей диссертационной работы Королевский институт Элькано, являющийся одним из ведущих аналитических центров в Западной Европе. Институт представляет собой частный фонд, однако это не мешает ему тесно сотрудничать с государственными структурами Испании. Помимо представленного ранее Индекса глобального присутствия Элькано, особого внимания заслуживают такие исследовательские проекты Института, как

[191] Устинович Е.С., Переверзева О.В. «Мягкая сила» Испании: потенциал и проблемы наращивания // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2020. – Т. 10, № 6. – С. 159.

«Барометр имиджа Испании» (Barómetro de la Imagen de España) и «Система индикаторов различия между имиджем и реальностью» (Sistema de Indicadores de la Distancia entre Imagen y Realidad).

Безусловно, «мягкая сила» лишь частично подвластна контролю со стороны органов государственного управления, тем не менее их действия, наращивающие эту силу государства, представляют немалый интерес. В данном контексте внимания заслуживает инициатива «Глобальная Испания» (España Global), которая стала преемницей программы «Марка Испания» (Marca España), не оправдавшей ожиданий, в том числе по финансовым соображениям. Согласно Королевскому Декрету 644/2020 от 7 июля 2020, Государственный секретариат по «Глобальной Испании» (Secretaría de Estado de la España Global) отвечал за разработку политик присутствия и внешнеполитической стратегии испанского государства. Помимо прочего, Секретариат определял и координировал экономическую и публичную дипломатии, осуществлял мероприятия по защите и продвижению имиджа Испании и управлял коммуникациями МИД. Деятельность Секретариата осуществлялась при поддержке других подразделений испанского внешнеполитического ведомства, а также связанных с ним учреждений, в том числе вышеупомянутых Домов и Фондов «Советов»[192]. В своей работе по защите и повышению престижа Испании в мире Государственный секретариат по «Глобальной Испании» реализовывал мероприятия в самых разных направлениях. Например, в июне 2021 года Секретариат подготовил первое Руководство по гастрономической дипломатии (Guía de Diplomacia Gastronómica) с целью продвижения гастрономии в качестве элемента международной проекции Испании в мире и улучшения координации между соответствующими испанскими государственными и частными учреждениями для увеличения «мягкой силы» страны через этот ресурс. В

[192] Real Decreto 644/2020, de 7 de julio, por el que se desarrolla la estructura orgánica básica del Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, y se modifica el Real Decreto 139/2020, de 28 de enero, por el que se establece la estructura orgánica básica de los departamentos ministeriales // Boletín Oficial del Estado. – 2020. – №187. – P. 48631– 48658.

июле 2021 года произошла смена руководства внешнеполитического ведомства Испании, и Государственный секретариат по «Глобальной Испании» был упразднен 17 июля того же года.

Говоря о действиях государства, относящихся к другим сферам, но влияющих на рост его «мягкой силы», поскольку они демонстрируют приверженность Испании разделяемым другими ценностям, отметим сотрудничество в целях развития, защиту прав человека, а также борьбу с изменением климата.

Согласно Индексу глобального присутствия Элькано, важнейший вклад в испанское «мягкое» присутствие в мире в начале второго десятилетия XXI века вносило сотрудничество в целях развития – 4,5%[193] и 4,4%[194] от глобального присутствия Испании в мире в 2010 и 2011 годах соответственно, причем в 2010 оно опережало даже туризм. В дальнейшем этот показатель существенно снизился, в основном по экономическим причинам, однако руководство страны продолжает обозначать этот вектор международного сотрудничества Испании в качестве одного из приоритетных. Мероприятия в данной сфере реализуются как государственными органами, так и частными компаниями и неправительственными организациями. Основные действия Испании в данной сфере проводятся через упомянутый исполнительный орган Испанского сотрудничества (Cooperación Española) – Испанское агентство по международному сотрудничеству в целях развития. Помимо прочего, испанское государство борется с бедностью в различных ее проявлениях и оказывает гуманитарную помощь нуждающимся в разных странах мира. В качестве финансовых инструментов для достижения поставленных государством задач в области сотрудничества в целях развития Испания

[193] Índice Elcano de Presencia Global. España 2010 [Электронный ресурс] / Real Instituto Elcano. – URL: https://explora.globalpresence.realinstitutoelcano.org/es/country/iepg/soft_global/ES/ES/2010 (дата обращения: 18.08.21).

[194] Índice Elcano de Presencia Global. España 2011 [Электронный ресурс] / Real Instituto Elcano. – URL: https://explora.globalpresence.realinstitutoelcano.org/es/country/iepg/soft_global/ES/ES/2011 (дата обращения: 18.08.21).

располагает Фондом сотрудничества по водоснабжению и санитарии (Fondo de Cooperación para Agua y Saneamiento) и Фондом для содействия развитию (Fondo para la Promoción del Desarrollo).

Еще одним важным направлением внешней политики Испании является защита прав человека. Приверженность Испании правам человека отчетливо проявляется и на национальном уровне как в плане законодательства, так и в практическом аспекте реализации внутренних политик данного толка. На международной арене испанское государство нередко выступает автором или активным сторонником соответствующих инициатив и является членом организаций и участником форумов, нацеленных на защиту и поощрение прав человека. Приоритетными Испания обозначает следующие области: борьба против смертной казни, борьба с гендерной дискриминацией и дискриминацией по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности, права инвалидов, права человека на воду и санитарные услуги, предпринимательская деятельность и права человека и защита правозащитников[195]. Деятельность Испании на данном поприще неоднократно признавалась другими субъектами международных отношений. Испания дважды избиралась членом Совета по правам человека в ООН на сроки 2011–2013 и 2018–2020.

Борьба с изменением климата также уже прочно закрепилась во внешнеполитической повестке дня Испании. Внутренняя политика выстраивается в унисон с ценностями, демонстрируемыми за рубежом. Так, в 2021 году в Испании был принят закон «Об изменении климата и преобразованиях в сфере энергетики» (Ley de cambio climático y transición energética), гарантирующий выполнение Испанией целей Парижского соглашения 2015 года. На международной арене испанское государство присутствует на профильных площадках разного уровня, на многих из

[195] Prioridades españolas [Электронный ресурс] / Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación. – URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/DerechosHumanos/Paginas/Prioridades.aspx (дата обращения: 24.07.21).

которых является активным участником. Важно то, что указанная ранее особенность Испании позволяет ей обсуждать тематические вопросы еще и отдельно со странами Средиземноморья и Латинской Америки как в двухстороннем формате, так и в рамках региональных объединений, занимающихся этой темой. На общемировом уровне показательным является предложение Испании стать принимающей стороной Конференции ООН по изменению климата в 2019 году (COP25) из-за невозможности ее проведения в Чили. Особого внимания заслуживает и деятельность испанских энергетических компаний, некоторые из которых, например Iberdrola, являются крупнейшими операторами возобновляемых источников энергии, а другие, например Repsol и Cepsa, берут на себя обязательства по достижению в будущем углеродной нейтральности. Как сказано в одном из исследований по теме международного сотрудничества в области борьбы с изменением климата и роли Испании в ней, «амбициозная политика в области климата и успешные преобразования в сфере энергетики являются двумя очевидными векторами проекции «мягкой силы» для Испании»[196].

После представления общей характеристики «мягкой силы» испанского государства имеет смысл познакомиться с ее оценкой в тематических рейтингах, рассмотренных в предыдущей главе настоящей работы. В рейтинге The Soft Power 30 Испания стабильно находится во второй десятке. В рейтинге 2015 года она заняла 14, 2016 – 12, 2017 – 15, 2018 – 14, 2019 – 13 место. Сильными сторонами страны, укрепляющими «мягкую силу», являются ее культура (5 место среди всех стран рейтинга по этому подындексу в докладе 2019 года), курс на международной арене (6 место в

[196] Escribano G., Lázaro L., Moreno N. Gobernanza climática y multilateralismo: escenarios, actores y papel de España [Электронный ресурс] // Comentario Elcano. – 2021. – №3. – URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/cambio-climatico/comentario-escribano-lazaro-moreno-gobernanza-climatica-y+multilateralismo-escenarios-actores-y-papel-de-espana (дата обращения: 24.07.21).

категории «глобальное взаимодействие») и в целом ее привлекательность для других (8 место по опросу общественного мнения)[197].

В Индексе глобального присутствия Элькано Испания по итоговому глобальному присутствию традиционно занимает места в начале второй десятки: в 2010–2013 гг. – 11 место, 2014 – 12 место, 2015–2016 – 13 место, 2017–2019 – 12 место, 2020 – 13 место. В рамках настоящего исследования больший интерес представляет положение Испании в одной из составляющих общего рейтинга – рейтинге «мягкого» присутствия. В нем позиции Испании немного выше: в 2010–2011 – 9 место, 2012 – 10 место, 2013 – 12 место, 2014 — 11 место, 2015–2019 – 10 место, 2020 – 11 место. Из 9 показателей, учитываемых при подсчете «мягкого» присутствия, наибольший вклад в случае Испании, согласно рейтингам последних лет, стабильно вносят туризм, наука и культура. Так, например, в 2019 году «мягкое» присутствие составляло 25,2% от глобального присутствия Испании, при этом туризм, наука и культура представляли 6,5%, 4% и 3,3% соответственно. Также велика доля миграции – не ниже 2,2% от глобального испанского присутствия начиная с 2010 года – момента, когда исследование стало проводиться ежегодно. Как уже было сказано, в 2010–2011 годах существенный вклад в «мягкое» присутствие Испании вносило сотрудничество в целях развития, но позже он значительно уменьшился, а вот информация, напротив, с 2015 года стала играть более существенную роль – не ниже 2,1% ежегодно[198].

В итоговом ранжировании Глобального индекса «мягкой силы» 2020 Brand Finance Испания занимает 16 место с баллом 47,6 из 100. Узнаваемость нации была оценена в 7,5 баллов из 10 (8 место в мире), репутация – 6,9, влияние в мире – 4,7. Согласно проведенному опросу общественного мнения,

---

[197] The Soft Power 30. Spain [Электронный ресурс] // Soft Power 30. – URL: https://softpower30.com/country/spain/ (дата обращения: 18.08.21).

[198] Índice Elcano de Presencia Global. España 2020 / Real Instituto Elcano. – URL: https://explora.globalpresence.realinstitutoelcano.org/es/country/iepg/global/ES/ES/2020 (дата обращения: 18.08.21).

испанцы – самый веселый и дружелюбный народ. Именно по этим показателям оценивания «мягкой силы» Испания заняла первые места. Кроме того, испанское государство отлично оценивается публикой по блоку «культура и культурное наследие» (3 место в мире). Так, Испания представляется людям как прекрасное место для посещения (7,5 баллов при среднем балле по всем странам 6.0), также высоко оценены ее кухня (5 при среднем балле 3,1), историческое наследие (5,6 при среднем балле 4,6), искусство (4,8 при среднем балле 3,0), образ жизни (4,5 при среднем балле 3,2) и спорт (4,4 при среднем балле 2,2). Однако результаты этой стран по другим блокам, например государственное управление, международные отношения и образование и наука, не так однозначны. В докладе 2020 года авторы исследования отмечают, что Испания получила хорошую оценку ее политической стабильности, а вот мнения об ее этических стандартах и уровне коррупции были намного хуже, чем у других европейских стран. Кроме того, в сравнении со средним показателем по всем странам испанские лидеры далеко не самые уважаемые в мире. Оценка влияния Испании в дипломатических кругах также ниже среднего значения, что в докладе объясняется внутренними политическими проблемами страны. Согласно докладу, отстает Испания еще и по передовым технологиям. Тем не менее авторы исследования уверены, что у Испании есть потенциал для того, чтобы стать сверхдержавой в аспекте «мягкой силы»[199].

Второе издание рейтинга Brand Finance – Глобальный индекс «мягкой силы» 2021 – подтвердило сильные стороны «мягкой силы» Испании, обозначенные в исследовании 2020 года. Узнаваемость нации была вновь оценена в 7,5 баллов, репутация в 6,9, а оценка влияния в мире выросла до 4,9. По дружелюбности и жизнерадостности испанцы среди лидеров и в 2021 году (1 и 3 место соответственно). По составляющей «культура и культурное наследие», согласно результатам опроса общественного мнения, Испания все

[199] Global Soft Power Index 2020 [Электронный ресурс] / Brand Finance. – URL: https://brandirectory.com/globalsoftpower/download/brand-finance-global-soft-power-index-2020.pdf (дата обращения: 18.08.21). – P. 62–63, 108–109.

так же занимает 3 место. Результативность Испании по другим блокам-компонентам «мягкой силы», присутствующим в Индексе предыдущего года, существенно улучшилась, однако она получила низкую оценку по новому параметру Индекса, касающемуся реагирования на кризис COVID-19 (81 место в мире по этому показателю). В конечном счете в рейтинге 2021 года Испания заняла 22 место с итоговыми 47,5 баллами. При этом в докладе отмечается, что то, как повели себя обычные люди во время кризиса, напротив, повлияло на укрепление позиций Испании по некоторым параметрам оценки, в очередной раз продемонстрировав притягательный характер испанцев[200].

Таким образом, за рубежом Испания располагает мощным арсеналом «мягкой силы», в котором особое место занимают культура, туризм и отдельные естественным образом благоприятствующие феномены, и при его должном использовании она может стать одним из мировых лидеров по «мягкой силе», тем более что со стороны руководства страны можно заметить заинтересованность в наращивании такой силы.

«Мягкая сила» Каталонии в зарубежном контексте также базируется на культуре. Этот мощный ресурс включает в первую очередь культурное наследие этой территории, каталанский язык и спорт. Каталония располагает рядом объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, популярными музеями, памятниками и фестивалями, а также известной кухней. Известность и признание во всем мире получили архитектура и изобразительные искусства Каталонии. Отдельного упоминания заслуживает творчество архитектора Антонио Гауди. Именно его работы стали ведущим брендом Каталонии, привлекающим огромное количество туристов в это испанское автономное сообщество. Нельзя не сказать и о произведениях знаменитого каталонца Сальвадора Дали, которые также вызывают колоссальный интерес у публики.

---

[200] Global Soft Power Index 2021 [Электронный ресурс] / Brand Finance. – URL: https://brandirectory.com/globalsoftpower/download/brand-finance-global-soft-power-index-2021.pdf (дата обращения: 18.08.21). – P. 34, 46, 112–113.

Например, только Театр-музей Дали в Фигерасе в 2019 году посетили почти 820000 человек[201].

Другим фактором притяжения и еще одним символом Каталонии, без сомнения, является футбольный клуб «Барселона». Он является одним из самых известных клубов в мире и имеет миллионы фанатов в разных уголках Земли. ФК «Барселона» всегда демонстрировал свою принадлежность Каталонии и отстаивал ее культуру и интересы. Помимо красноречивого названия, даже в эмблеме клуба отображен флаг Барселоны. Кроме непосредственно широко освещаемых в СМИ матчей, продвижение имиджа «Барселоны» и, соответственно, Каталонии, тесно ассоциирующейся с ней, осуществляется еще и через регулярные путешествия клуба в другие страны. При этом «мягкая сила» Каталонии растет не только благодаря вызывающим восхищение спортивным достижениям клуба, но и благодаря его социальной деятельности, получившей наиболее активное развитие со второй половины 00-х. ФК «Барселона» сотрудничает со многими организациями социальной и гуманитарной направленности, организует благотворительные матчи с соответствующими целями и пр. В 1994 году был создан благотворительный Фонд футбольного клуба «Барселона» (Fundación Fútbol Club Barcelona), основными направлениями работы которого являются предотвращение насилия, социальная инклюзия и предоставление возможностей для получения образования людям из разных стран мира, особое внимание уделяется детям. С 2006 года ФК «Барселона» направляет 0,7% своего дохода для финансирования Фонда, что составляет 26% всех его средств. Кроме того, с 2010 года профессиональные игроки и тренеры клуба направляют

[201] Noticias. Los Museos Dalí superan de nuevo el millón de visitantes [Электронный ресурс] / Fundació Gala - Salvador Dalí. – 9 de enero de 2020. – URL: https://www.salvador-dali.org/es/servicios/prensa/noticias/383/los-museos-dali-superan-de-nuevo-el-millon-de-visitantes (дата обращения: 15.07.21).

Фонду 0,5% своего заработка, что представляет 28% его бюджета[202]. Фонд сотрудничает с такими организациями, как ЮНИСЕФ, УВКБ ООН и др.

Однако было бы все же неверно сказать, что «мягкой силой», генерируемой с помощью спорта, Каталония обязана исключительно ФК «Барселона». Региональные органы власти заинтересованы в том, чтобы автономное сообщество ассоциировалось со спортом[203], – создаются соответствующие условия и стимулы для его развития в регионе. В 2020 году в Каталонии было более 49,5 тысяч спортивных объектов и зон для занятия физической культурой и спортом[204] и почти 8,5 тысяч клубов по самым разным видам спорта[205]. Существует 70 каталонских спортивных федераций, входящих в Союз спортивных федераций Каталонии (Unió de Federacions Esportives de Catalunya). Каталонские федерации имеют свои сборные, которые обычно соревнуются на национальном уровне со сборными других автономных сообществ Испании. На протяжении долгого времени органы власти и различные негосударственные организации Каталонии стремятся к международному признанию каталонских сборных и добиваются возможности их участия в соревнованиях мирового уровня в качестве представителей Каталонии, однако ввиду противодействия со стороны центральной власти Испании значительные успехи в этой сфере достигнуты не были. Тем не менее существует более десятка сборных Каталонии, хотя и не далеко не по самым популярным видам спорта, официально признанных соответствующими международными спортивными федерациями и представляющих Каталонию на мировом уровне.

---

[202] Transparencia. Hacemos pública la información organizativa y económica de la Fundación [Электронный ресурс] / Fundación Barça. – URL: https://fundacion.fcbarcelona.es/como-nos-financiamos (дата обращения: 15.07.21).

[203] Xifra J. Catalan public diplomacy, soft power, and noopolitik: A public relations approach to Catalonia's governance // Catalan Journal of Communication and Cultural Studies. – 2009. – Vol. 1, № 1. – P. 67–85.

[204] Espacios deportivos. Por tipo. Comarcas y Aran, y ámbitos [Электронный ресурс] / Instituto de Estadística de Cataluña. – URL: https://www.idescat.cat/pub/?id=aec&n=807&lang=es (дата обращения: 17.07.21).

[205] Federaciones deportivas. Clubes y licencias [Электронный ресурс] / Instituto de Estadística de Cataluña. – URL: https://www.idescat.cat/pub/?id=aec&n=808&lang=es (дата обращения: 17.07.21).

Важным ресурсом «мягкой силы» Каталонии является каталанский язык. Этот романский язык распространен в отдельных частях не только Испании, но и Франции, Италии, а также в Андорре. В 2017–2018 гг. на нем говорили более 10 млн человек в мире, а понимали его более 13,4 млн[206]. Интерес к каталанскому языку и произведениям разных видов искусств на нем в мире растет, что активно поощряется властями Каталонии. В 2018/2019 учебном году 139 университетов разных стран предоставляли возможность изучать каталанский язык и каталонскую культуру. Было подано 6971 заявление для зачисления на такие курсы. Среди этих 139 вузов 86, большая часть из которых находится в Германии (16 университетов), Великобритании (14) и Франции (10), была предоставлена помощь со стороны Института Рамона Льюля (Institut Ramon Llull)[207].

Институт Рамона Льюля – это государственный консорциум, в который входит Женералитет Каталонии, Городской совет Барселоны и Правительство Балеарских островов. Его целью которого является продвижение каталанского языка и культурной продукции Каталонии за рубежом, а также поощрение перевода литературы на каталанском. Институт заключает договоры с иностранными университетами для стимулирования преподавания каталанского и оказывает разного рода поддержку вузам, в которых преподаются каталанский язык и каталонская культура. Кроме того, Институт Рамона Льюля оказывает содействие международным ассоциациям, занимающимся каталонистикой, и поощряет лингвистические исследования в престижных вузах мира. Будучи официальным органом по сертификации знаний каталанского языка, Институт организует экзамены для подтверждения уровня владения каталанским в соответствии с

[206] InformeCAT 2018. 50 dades sobre la llengua catalana / Plataforma per la Llengua. – Barcelona: Studium, 2018. – P. 5.

[207] Informe de política lingüística 2019 [Электронный ресурс] / Generalitat de Catalunya. Departamento de Cultura. – URL: https://llengua.gencat.cat/web/.content/documents/informepl/arxius/IPL2019-ES.pdf (дата обращения: 1.09.21). – P. 5, 113.

общеевропейскими компетенциями владения иностранным языком[208]. Институт Рамона Льюля располагает значительным количеством программ финансирования международной мобильности в области разных видов искусств и перевода.

Курсы каталанского языка в мире также предоставляются каталонскими сообществами за рубежом (comunitats catalanes a l'exterior), которые представляют собой частные организации, создаваемые каталонцами или любителями языка и культуры Каталонии по всему миру. Такие сообщества официально признаются органами управления Каталонии и получают от них финансовую помощь. В 2017–2018 гг. такими сообществами было организовано 163 курса и семинара по каталанскому языку для 2129 учащихся[209].

Говоря о «мягкой силе» Каталонии, нельзя не сказать о вкладе туризма. В 2017–2019 годах это испанское автономное сообщество ежегодно посещали более 19 миллионов туристов из других стран, что составляло более 23% от общего количества иностранных туристов, прибывших в Испанию в соответствующих годах[210]. В 2019 году Каталонию посетили почти 19,4 млн человек, большая часть из которых были из Франции (4,1 млн) и Великобритании (2 млн)[211]. Частно-государственным учреждением, занимающимся повышением привлекательности Каталонии как туристического направления, является Каталонское агентство по туризму (Agència Catalana de Turisme). Агентство имеет 12 зарубежных представительств.

---

[208] Promoció de la llengua i cultura catalanes [Электронный ресурс] /L'Institut Ramon Llull. – URL: https://www.llull.cat/catala/quisom/quisom.cfm (дата обращения: 20.07.21).

[209] Informe de política lingüística 2019 [Электронный ресурс] / Generalitat de Catalunya. Departamento de Cultura. – URL: https://llengua.gencat.cat/web/.content/documents/informepl/arxius/IPL2019-ES.pdf (дата обращения: 1.09.21). – P. 5.

[210] Visitantes extranjeros. Turistas y excursionistas [Электронный ресурс] / Instituto de Estadística de Cataluña. – URL: https://www.idescat.cat/indicadors/?id=anuals&n=10531&lang=es&tema=TURIS&col=1(дата обращения: 20.07.21).

[211] Turistas extranjeros. Por país de residencia habitual [Электронный ресурс] / Instituto de Estadística de Cataluña. – URL: https://www.idescat.cat/indicadors/?id=anuals&n=10532&lang=es&tema=TURIS&col=1(дата обращения: 20.07.21).

Образование – важный инструмент «мягкой силы» Каталонии за рубежом. Как было отмечено в первой главе работы, построение долгосрочных отношений с гражданами других стран приводит к созданию положительного образа субъекта за рубежом. Граждане, получающие образование в другой стране, в том числе через стажировки и программы обмена, нередко начинают симпатизировать месту обучения и, возвращаясь на родину, становятся проводниками культуры и ценностей этой территории. В Каталонии находятся одни из лучших университетов Испании. Здесь есть несколько вузов мирового уровня со значительным количеством иностранных студентов. Одними из самых влиятельных рейтингов университетов мира являются QS World University Rankings, Times Higher Education World University Rankings и Academic Ranking of World Universities (ARWU), также известный как Шанхайский рейтинг. В рейтинге QS 2022 года Университет Барселоны (Universitat de Barcelona) занимает 168 место, являясь первым среди испанских вузов в этом рейтинге. Среди пятерки лучших вузов Испании, согласно этому рейтингу, еще два находятся в Каталонии – Автономный университет Барселоны (Universitat Autònoma de Barcelona) (209 место в общем ранжировании) и Университет Помпеу Фабра (Universitat Pompeu Fabra) (248)[212]. В рейтинге Times Higher Education 2022 тройку-лидеров среди испанских вузов занимают все те же Университет Помпеу Фабра (156), Автономный университет Барселоны (170) и Университет Барселоны (193)[213]. В Шанхайском рейтинге 2021 года Университет Барселоны возглавляет список испанских вузов, занимая 151–200 строчку в общем ранжировании. Автономный университет Барселоны, находясь на позиции 201–300, в национальном списке обосновался на 2–4

[212] QS World University Rankings 2022 [Электронный ресурс] / QS Quacquarelli Symonds. – URL: https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2022 (дата обращения: 1.09.21).

[213] World University Rankings 2022 [Электронный ресурс] / Times Higher Education. – URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2022/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats (дата обращения: 7.11.21).

месте[214]. При этом в данных рейтингах присутствуют и другие каталонские вузы.

Интернационализация является одним из важнейших направлений детальности высших учебных заведений Каталонии. Они активно развивают международные связи, подписывая договоры и сотрудничая с иностранными университетами и другими институтами, участвуя в программах обмена и пр. Например, в Университете Барселоны в 2018/2019 учебном году работало 307 преподавателей и научных сотрудников и обучалось 10440 студентов с иностранным гражданством из 137 стран. У университета есть 3754 договора с иностранными университетами и учреждениями[215]. Что касается международной мобильности в целом в Каталонии, то она реализуется как в государственных, так и в частных вузах. В 2019/2020 учебном году в Каталонии в рамках программ мобильности находилось 11732 студента из других стран, из них 9490 учились в государственных университетах[216].

Фактором «мягкой силы» Каталонии является ее выгодное географическое положение на северо-востоке Пиренейского полуострова. Речь идет не только о предрасположенности к развитию культурных, торговых и других связей с государствами как Средиземноморья, так и континентальной Европы, но и о возможности участвовать, в доступной для ее политико-правового статуса степени, в формировании повестки дня в данных регионах, что, как уже отмечалось, способствует росту «мягкой силы». Неслучайно в парадипломатии Каталонии особое место занимает активное участие в европейских и средиземноморских объединениях. В этом направлении Каталонией были достигнуты определенные успехи. Показательным может быть, например, тот факт, что штаб-квартира Союза для Средиземноморья расположена в Барселоне.

---

[214] 2021 Academic Ranking of World Universities [Электронный ресурс] / ShanghaiRanking Consultancy. – URL: http://www.shanghairanking.com/rankings/arwu/2021 (дата обращения: 7.11.21).

[215] La Universidad de Barcelona en cifras [Электронный ресурс] / Universitat de Barcelona. – URL: http://www.ub.edu/gtr/documents/xifres/UBenXifres_CAST.pdf (дата обращения: 20.07.21). – P. 4.

[216] Enseñanza universitaria. Movilidad de estudiantes. Por universidades habitual [Электронный ресурс] / Instituto de Estadística de Cataluña. – URL: https://www.idescat.cat/pub/?id=aec&n=762&lang=es (дата обращения: 20.07.21).

Мероприятия, имеющие отношения к «мягкой силы» Каталонии, проводятся множеством разносторонних учреждений. Среди них, помимо упомянутых Института Рамона Льюля, ФК «Барселона», каталонских сообществ за рубежом, Каталонского агентства по туризму и каталонских университетов, можно отметить следующие:

– Департамент внешнеполитической деятельности и открытого правительства (Departament d'Acció Exterior i Govern Obert) – государственный орган, ответственный за международные связи Каталонии. Помимо прочего, данный орган курирует деятельность других государственных учреждений такой направленности Каталонии;

– Департамент культуры (Departament de Cultura) – государственный орган, ответственный за культурную политику Каталонии. Среди направлений деятельности Департамента представлена популяризация каталонской культуры за рубежом;

– зарубежные представительства Каталонии (Delegacions del Govern a l'exterior) – «посольства» данного испанского автономного сообщества в мире. Согласно правовой информации Женералитета Каталонии, в данный момент существует 18 таких представительств. Сведения об этапах их появления и расположении представлены в третьей главе настоящего исследования;

– Совет по публичной дипломатии Каталонии (Consell de Diplomàcia Pública de Catalunya, DIPLOCAT) – учреждение, чья деятельность посвящена построению позитивного имиджа Каталонии за рубежом. Более подробная информация о Совете также приведена в следующей главе работы;

– Каталонское агентство по сотрудничеству в целях развития (Agència Catalana de Cooperació al Desenvolupament, ACCD) – орган Женералитета Каталонии, планирующий и проводящий мероприятия в области сотрудничества в целях развития и гуманитарной деятельности Каталонии. Странами-партнерами и получателями помощи являются Алжир, Боливия,

Гамбия, Гватемала, Западная Сахара, Камерун, Колумбия, Ливан, Марокко, Мозамбик, Никарагуа, Палестина, Сальвадор, Сенегал, Эквадор и Эфиопия;

– Каталонский институт предприятий сферы культуры (Institut Català de les Empreses Culturals, ICEC) – государственное учреждение, чья деятельность направлена на развитие и консолидацию культурного сектора Каталонии путем продвижения компаний и отдельных специалистов в данной области с целью повышения их конкурентоспособности как на национальном, так и на международном рынке. Институт продвигает каталонскую культуру за рубежом через четыре заграничных офиса, расположенных в Берлине, Брюсселе, Лондоне и Париже.

Мероприятия по намеренному наращиванию «мягкой силы» Каталонии проводит Совет по публичной дипломатии Каталонии. Практические шаги в этом направлении – конференции, обмены, задействование СМИ и пр. – Институт осуществляет с опорой на собственные профильные исследования: опросы зарубежной аудитории по вопросам имиджа Каталонии, анализ присутствия Каталонии в зарубежной прессе, а также мониторинг социальных сетей по соответствующим темам.

Действия Каталонии, относящиеся к другим сферам, но одновременно увеличивающие «мягкую силу», упомянуты в третьей главе настоящего исследования, так как они увеличивают ее и в контексте национально-территориального самоопределения, показывая международному сообществу гипотетического будущего партнера с хорошей стороны.

Для знакомства с оценкой «мягкой силы» Каталонии, данной независимыми экспертами, воспользуемся Барометром «мягкой силы» Уэльса 2018 года. В итоговом ранжировании Каталония заняла 4 из 10 мест с результатом 54,86% (лидер рейтинга Квебек получил 65,75%). Среди подындексов, вычисляемых на основе объективных данных, Каталония получила 1 места в «глобальном взаимодействии» и «культуре». По сумме подындексов, основанных на субъективных данных, Каталония обосновалась на 4 месте, при этом заняв лидирующие позиции в категориях «спорт» (1

место), «культура» (2 место), «кухня» (2 место) и «дружелюбность» (3 место). Интересно, что о своей хорошей осведомленности о Каталонии заявили 33,3% респондентов, что стало третьим результатом среди 10 оцениваемых регионов – только о Чеджу (39,7%) и Хоккайдо (36,7%) информированность была выше.

Авторы исследования отмечают, что сильнейшими сторонами «мягкой силы» Каталонии являются ее культурное достояние и международная активность. Однако плохие показатели Каталонии по категориям «образование» и «предпринимательская деятельность» не дали ей подняться выше 4 места. В заключении исследования указывается, что вполне закономерно наиболее высокие места в итоговом рейтинге занимают регионы с опытом построения нации без государства («state-less nation»), одним из которых и является Каталония[217].

Итак, за рубежом Каталония располагает существенным потенциалом «мягкой силы», базирующимся в первую очередь на богатстве ее культуры. Мощный туристический поток в это автономное сообщество содействует повышению осведомленности о нем в мире и тем самым способствует развитию каталонской «мягкой силы». Огромное значение имеют также действия каталонских правительственных структур и негосударственных учреждений на международной арене.

Таким образом, в зарубежном контексте как Испания, так и отдельно Каталония обладают значительным, хотя и не ведущим по сравнению с мировыми лидерами в данном аспекте, арсеналом «мягкой силы». Основными источниками такой силы в обоих случаях являются культура и туризм. Анализ «мягкой силы» Испании и Каталонии позволяет оценить потенциал «мягкой силы» сторон исследуемого этнополитического конфликта на международном уровне, что способствует лучшему пониманию

[217] McClory J. Wales Soft Power Barometer 2018: Measuring soft power beyond the nation state [Электронный ресурс] / British Council Wales. – 33 p. – URL: https://wales.britishcouncil.org/sites/default/files/wales_soft_power_barometer_2018_0.pdf (дата обращения: 6.11.21).

ее функционирования в качестве политтехнологического инструмента на указанном уровне.

2.2 Основные источники, формы и механизмы проявления «мягкой силы» Великобритании и Шотландии за рубежом

Анализ «мягкой силы» Великобритании и Шотландии за рубежом начнем с «мягкой силы» Великобритании. Великобритания, без сомнения, является одним из лидеров по «мягкой силе» в мире. Она располагает мощнейшими ресурсами «мягкой силы» и мастерски использует разнообразные механизмы, задавая глобальные тренды в этой сфере.

Наиболее очевидным источником «мягкой силы» Соединенного Королевства является английский язык. Его можно считать универсальным языком современного мира. Английский язык занимает первое место по числу говорящих на нем, если учитывать как тех, для кого он является родным, так и тех, для кого вторым, третьим и последующим языком. На этом языке говорят более 1 млрд 348 млн человек в 146 странах мира. По количеству носителей английский занимает третье место – для 370 млн людей на планете он является родным[218]. Английский язык также лидирует и в Интернет-пространстве: более 60% существующих веб-сайтов представлены именно на нем (согласно исследованию, в котором рассматривается 10 млн сайтов с наибольшим трафиком)[219].

Однако культурное влияние Великобритании вовсе не ограничивается языковым доминированием. Богатое культурное наследие и невероятно популярная в мире современная культурная продукция Соединенного Королевства также вносят огромный вклад в «мягкую силу» государства. В

[218] What is the most spoken language? / Ethnologue. – URL: https://www.ethnologue.com/guides/most-spoken-languages (дата обращения: 3.11.21).

[219] Usage statistics of content languages for websites / W3Techs. – URL: https://w3techs.com/technologies/overview/content_language (дата обращения: 20.07.21).

Великобритании находятся известнейшие монументы, музеи и галереи. Обладая более чем 30 объектами Всемирного наследия ЮНЕСКО, Соединенное Королевство входит в десятку лидеров по этому показателю. Достаточно назвать лишь пару имен, например Уильям Шекспир и Исаак Ньютон, чтобы оценить масштаб и авторитет британской культуры. А такие примеры последних десятилетий, как книги о Гарри Поттере, музыкальная группа Coldplay и телесериал «Аббатство Даунтон», лишь подтверждают ее жизнестойкость и непоколебимость.

Одним из выдающихся ресурсов «мягкой силы» Великобритании является британская Корона. Взошедшая на престол еще в 1953 году и являвшаяся королевой Соединенного Королевства до своей смерти 8 сентября 2022 года Елизавета II является символом британской нации, известным во всем мире. Члены монаршей семьи предстают законодателями моды, благодаря их благотворительной деятельности примером для подражания, а пристальное внимание к ним со стороны средств массовой информации делает их еще и звездами первой величины. Показательным является уровень освещения в СМИ, например, свадьбы принца Гарри и Меган Маркл в 2018 году, которую по телевидению посмотрели сотни миллионов зрителей по всему миру[220]. Престиж и популярность королевской семьи содействуют росту «мягкой силы» государства в целом.

Важнейшим механизмом воздействия, или инструментом, «мягкой силы» Соединенного Королевства за рубежом являются британские СМИ. Особое место здесь занимает BBC (British Broadcasting Corporation) – общественная телерадиовещательная организация, играющая существенную роль в жизни и культуре Великобритании уже сто лет. Среди общественных целей BBC значится «показывать Соединенное Королевство, его культуру и ценности миру». Так, BBC должна освещать события для международной общественности, «основываясь на британских ценностях точности,

[220] Waterson J. Royal wedding confirmed as year's biggest UK TV event [Электронный ресурс] // The Guardian. – 20 May 2018. [Электронный ресурс]: https://www.theguardian.com/uk-news/2018/may/20/royal-wedding-confirmed-as-years-biggest-uk-tv-event (дата обращения: 1.11.21).

беспристрастности и объективности», а «ее международные сервисы должны поместить Соединенное Королевство в мировой контекст», «помогая пониманию Соединенного Королевства в целом, включая его нации и регионы, где это уместно»[221]. BBC является мировым лидером в сфере вещания. BBC World Service вещает более чем на 40 языках, а ее еженедельная аудитория по итогу 2019–2020 года составила 351 млн человек по всему миру. А еженедельная аудитория BBC News еще выше – 438 млн человек. В целом глобальная аудитория BBC составила 468 млн человек еженедельно. Существуют независимые исследования, доказывающие, что существует высокая корреляция между территориями с высокой осведомленностью о BBC и территориями с хорошим отношением к Великобритании[222].

Говоря о «мягком» влиянии Соединенного Королевства в мире, нельзя не сказать об образовательной сфере и связанной с ней отраслью науки и инноваций. Великобритания является родиной старейших и престижнейших университетов в мире – Оксфордского и Кембриджского, а также большого числа других выдающихся высших учебных заведений. В рейтинге QS 2022 в первой десятке находятся четыре британских вуза (Оксфордский университет занимает 2 место, Кембриджский – 4), в первой сотне – семнадцать[223]. В рейтинге Times Higher Education 2022 года среди десяти лучших вузов мира представлены два британских вуза – Оксфордский (1 место) и Кембриджский (5 место) университеты, среди сотни лучших – одиннадцать британских университетов[224]. В Шанхайском рейтинге 2021 года университеты Великобритании также занимают видное место: в первой десятке вновь

---

[221] Broadcasting. Copy of Royal Charter for the Continuance of the British Broadcasting Corporation / Secretary of State for Culture, Media and Sport. – London: Williams Lea Group, 2016. P. 6.

[222] Tony Hall: UK must "unleash the full global potential of the BBC" – as new all time record global audience is announced [Электронный ресурс] / BBC. – 23 July 2020. – URL: https://www.bbc.co.uk/mediacentre/latestnews/2020/global-reach (дата обращения: 1.11.21).

[223] QS World University Rankings 2022 [Электронный ресурс] / QS Quacquarelli Symonds. – URL: https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2022 (дата обращения: 1.09.21).

[224] World University Rankings 2022 [Электронный ресурс] / Times Higher Education. – URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2022/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats (дата обращения: 7.11.21).

расположены Кембриджский (3 место) и Оксфордский (7 место) университеты, а всего в первой сотне – восемь вузов Великобритании[225]. Однако не только высокие позиции в рейтингах отвечают за престиж британского образования в мире и привлекают огромное количество студентов в Соединенное Королевство, что в итоге, как было сказано ранее, в долгосрочной перспективе увеличивает «мягкую силу». Огромное значение в сфере образования имеет еще, например, глобальная программа стипендий правительства Великобритании – стипендия Chevening. Кроме того, многое в этой области является заслугой Британского Совета (British Council).

Британский Совет – организация, основанная британским правительством в 1934 году, чьей целью является развитие сотрудничества и взаимопонимания между Соединенным Королевством и другими странами с помощью культуры, искусства, образования и английского языка. Совет работает в более чем 100 станах как напрямую с иностранными гражданами, так и с их правительствами. Только в 2019–2020 году Британский Совет имел контакты с 76 млн человек напрямую и с 983 млн в целом. Согласно опросам, проводимым по заказу Совета, 53% участников их программ и основных международных партнеров заявили о построении более крепких связей и отношений с Великобританией; среди основных партнеров об этом сообщили две трети респондентов. Что касается конкретно продвижения британского образования, то особого внимания заслуживает запущенная в 2016 году национальная программа Study UK, которую возглавляет и осуществляет Британский Совет. К концу 2019–2020 года выгода от программы для британской экономики составила 522 млн фунтов стерлингов[226].

Продолжая тему экономики Великобритании, следует отметить, что уровень ее развития также способствует росту «мягкой силы». По данным МВФ Соединенное Королевство занимает 5 место в мире по номинальному

---

[225] 2021 Academic Ranking of World Universities [Электронный ресурс] / ShanghaiRanking Consultancy. – URL: http://www.shanghairanking.com/rankings/arwu/2021 (дата обращения: 7.11.21).

[226] Annual Report and Accounts 2019–20 [Электронный ресурс] / British Council. – 2021. – URL: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/annual_report_2019-20.pdf(дата обращения: 2.11.21). – P. 4–6.

значению ВВП[227] и 23 место по ВВП на душу населения[228]. По объему экспорта товаров и услуг Великобритания занимает 5 место[229], а по объему импорта – 6 место в мире[230]. Экономическая мощь вызывает восхищение и уважение у населения и правительств других стран, что поднимает престиж Великобритании в мире. Значительна роль в этом и отдельных компаний и брендов. Примером могут служить такие автомобильные гиганты, как Rolls-Royce, Bentley и Land Rover.

В контексте «мягкой силы» Великобритании стоит сказать отдельно о спорте. Спортивные достижения Соединенного Королевства увеличивают его привлекательность в целом, этому также способствуют миллионы фанатов британских команд и спортсменов по всем миру. Из ныне существующих стран Великобритания занимает второе место по общему количеству медалей, завоеванных на олимпийских играх. Британский теннисный Уимблдонский турнир уже стал культурным феноменом. Многие команды Формулы-1 базируются в Великобритании, в которой она и зародилась, и именно британские пилоты являются лидерами по количеству выигранных титулов. Конечно, нельзя не сказать и о самом популярном виде спорта в Великобритании – футболе. Высшая футбольная лига Англии, Премьер-лига, является одной из популярнейших и богатейших лиг в мире, а о таких известнейших футбольных командах, как «Манчестер Юнайтед», «Ливерпуль», «Арсенал», «Челси» и «Манчестер Сити», слышали даже люди, не увлекающиеся спортом.

---

[227] GDP, current prices [Электронный ресурс] / IMF. – URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPD@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD (дата обращения: 20.07.21).

[228] GDP per capita, current prices [Электронный ресурс] / IMF. – URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPDPC@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD/LUX/CHE/IRL/NOR/USA/DNK/ISL/SGP/AUS/QAT/SWE/MAC/NLD/FIN/AUT/DEU (дата обращения: 20.07.21).

[229] Exports of goods and services (current US$) [Электронный ресурс] / World Bank. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CD?most_recent_value_desc=true&view=chart (дата обращения: 1.08.21).

[230] Imports of goods and services (current US$) [Электронный ресурс] / World Bank. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/NE.IMP.GNFS.CD?most_recent_value_desc=true&view=chart (дата обращения: 1.08.21).

Туризм, способствующий росту «мягкой силы», оказывает существенное влияние и в случае Великобритании. В 2019 году Соединенное Королевство посетили 39,4 млн иностранных туристов. По этому показателю Великобритания заняла 10 место, а по доходу от международного туризма – 5 место в мире[231]. Наибольшее число туристов прибыли из США (11% от всех международных туристов), Франции (9%), Германии (8%), Республики Ирландия (7%) и Испании (6%)[232].

Факторами «мягкой силы» Великобритании является ее географическое положение и история. В свое время ее положение поспособствовало не только беспрецедентному развитию судоходства и торговли, но и позволило Великобритании стать сильнейшей державой мира. В настоящее время Соединенное Королевство хоть и не является сильнейшим государством в мире, но продолжает быть одним из важнейших акторов на международной арене, а «центральное» географическое положение находит свое отражение в векторах его внешней политики и возможности установления выгодной ему международной повестки дня в рамках различных организаций и форумов. А имперское прошлое породило такой инструмент британской «мягкой силы», как Содружество наций.

В деятельности, связанной с «мягкой силой» Великобритании, помимо, что очевидно, ряда министерских департаментов (ministerial departments), а также ранее обозначенных BBC и Британского Совета, участвуют следующие учреждения:

– VisitBritain – национальное туристическое агентство, представляющее собой недепартаментский государственный орган. Агентство занимается продвижением британского туристического продукта в мире, поднимая престиж Великобритании за рубежом. VisitBritain имеет 20 заграничных представительств, благодаря которым, помимо прочего,

---

[231] UNWTO Global Tourism Dashboard [Электронный ресурс] / UNWTO. – URL: https://www.unwto.org/country-profile-inbound-tourism (дата обращения: 21.07.21).

[232] 2019 snapshot [Электронный ресурс] / VisitBritain. – URL: https://www.visitbritain.org/2019-snapshot (дата обращения: 1.08.21).

поддерживает отношения с международными СМИ и лидерами мнений и контролирует взаимодействия в области публичной дипломатии[233];

– Вестминстерский Фонд за Демократию (Westminster Foundation for Democracy, WFD) – государственное учреждение, чьей целью является развитие и укрепление демократии во всем мире. Фонд работает как с парламентами и политическими партиями, так и с представителями гражданского общества других стран. В настоящее время Вестминстерский фонд развития демократии работает в 38 странах мира;

– Совет по беженцам (Refugee Council) – неправительственная организация, работающая с беженцами и просителями убежища с момента их прибытия в Великобританию. Помимо прочей моральной и практической помощи, Совет помогает им интегрироваться в британское общество. Одним из направлений деятельности организации является оказание давления на правящие круги с целью улучшения миграционной политики государства;

– Bond (British Overseas NGOs for Development) – объединение британских неправительственных организации, чья деятельность посвящена международному развитию. Bond стремится увеличить вклад Соединенного Королевства в международное развитие путем продвижения обмена опытом и информацией и оказания влияния на правительственные структуры на национальном и международном уровнях. В настоящее время эта зонтичная организация насчитывает более 440 членов.

Настоящий список, безусловно, не является полным перечнем британских учреждений, влияющих на «мягкую силу», хотя бы только потому, что в нем даны лишь пара примеров неправительственных организаций, которыми богата Великобритания. Кроме того, существует множество узкопрофильных учреждений и компаний, как государственных, так и частных, чья деятельность также имеет отношение к «мягкому» влиянию Соединенного Королевства.

---

[233] Our global network [Электронный ресурс] / VisitBritain. – URL: https://www.visitbritain.org/our-network (дата обращения: 1.08.21).

В Соединенном Королевстве концепция «мягкой силы» является очень востребованной как среди теоретиков, так и практиков политической сферы, а мероприятия по увеличению «мягкой силы» Соединенного Королевства обсуждаются на самых высоких уровнях. В Палате Лордов Великобритании даже действовал специальный Комитет по «мягкой силе» и влиянию Соединенного Королевства (The Committee on Soft Power and the UK's Influence), который в 2014 по итогам свей работы подготовил доклад «Убеждение и сила в современном мире» (Persuasion and Power in the Modern World), содержащий подробную характеристику ресурсов и инструментов британской «мягкой силы» и рекомендации по ее наращиванию[234].

Внимания заслуживает роль британских аналитических центров в теоретическом осмыслении потенциала и формулировании стратегий «мягкой силы» Великобритании. Например, такими вопросами занимается Институт управления, который, как было упомянуто в первой главе работы, даже был одним из создателей индекса «мягкой силы» стран мира, годовые рейтинги по которому вышли трижды. Соответствующие темы также часто поднимаются в публикациях и обсуждениях известного аналитического центра в области международных отношений Chatham House и национальной академии для гуманитарных и общественных наук Британской Академии. Последняя в 2014 году подготовила доклад «Искусство привлечения: «мягкая сила» и роль Великобритании в мире» (The Art of Attraction: Soft Power and the UK's Role in the World). В нем авторы описывают основные источники «мягкой силы» Соединенного Королевства, подразделяя их на общественные и государственные, перечисляют дилеммы, связанные с применением «мягкой силы» в политике государства, которые требуют разрешения, а также соответствующие рекомендации как правительству, так и частным лицам, участвующим в социокультурных инициативах[235].

---

[234] Persuasion and Power in the Modern World / Select Committee on Soft Power and the UK's Influence. House of Lords. – London: The Stationery Office Limited, 2014. – 155 p.

[235] Hill C., Beadle S. The art of attraction: Soft power and the UK's role in the world / British Academy. – London: DG3, 2014. – 57 p.

Исследования по «мягкой силе» в целом и британскому влиянию такого типа в частности активно проводятся еще и Британским Советом. Среди тематических докладов последних лет можно выделить «Сверхдержавы с позиции «мягкой силы». Глобальные тренды в культурном вовлечении и влиянии» (Soft power superpowers. Global trends in cultural engagement and influence) 2018 года, «Источники «мягкой силы». Как восприятие определяет успех наций» (Sources of soft power. How perceptions determine the success of nations) 2019 года и «Глобальная Британия: преимущество «мягкой силы» Великобритании» (Global Britain: the UK's soft power advantage) 2021 года, отражающие представления Британского Совета о составляющих «мягкого» влияния стран мира, а также масштабе и перспективах «мягкой силы» Великобритании.

Ведущей государственной инициативой, направленной на продвижение позитивного имиджа Великобритании в мире, уже на протяжении десяти лет является комплексная кампания GREAT Britain, часто именуемая просто GREAT. Она была запущена в 2011 году для извлечения выгоды из внимания, прикованного к Соединенному Королевству по случаю Олимпийских игр в Лондоне и бриллиантового юбилея правления королевы Елизаветы II в 2012 году. Кампания была призвана показать миру все лучшее как из традиций, так и современности для того, чтобы содействовать росту туризма, привлекательности британского образования, сотрудничеству в сфере бизнеса и привлечению иностранных инвестиций. GREAT Britain объединяет государственные и частные усилия: в кампании принимают участие различные правительственные департаменты и учреждения, а также несколько сотен частных компаний. В лозунгах кампании обыгрывается слово «great», являющееся частью названия государства (Great Britain), а также имеющее значение «замечательно». Примеры лозунгов: Education is GREAT. Education is GREAT Britain (Образование – это замечательно. Образование – это Великобритания), Innovation is GREAT. Innovation is GREAT Britain (Инновации – это замечательно. Инновации – это

Великобритания). Символика кампании в рамках различных акций размещалась на самолетах, болидах «Формулы-1», яхтах, поездах метро и пр. Всего кампания охватила более 140 стран, получила положительную оценку экспертов, а к 2021 году принесла экономике Великобритании более 4,5 млрд фунтов стерлингов. В начале июня 2021 года было объявлено об обновлении кампании GREAT в свете того, что Великобритания готовилась стать принимающей стороной саммита «Большой семерки» и Конференции ООН по изменению климата COP26. В мире, борющемся с последствиями пандемии COVID-19, обновленная GREAT представляет Великобританию как инновационную и готовую к сотрудничеству глобальную нацию. Кампания располагает годовым бюджетом в 60 млн фунтов стерлингов в год и 850 партнерами[236].

«Мягкая сила» Великобритании во многом определяется ее восприятием в мире как отрытой демократической страны, действующей на международной арене во имя общего блага. Среди таких действий Великобритании, демонстрирующих мировой общественности ее привлекательные ценности и убеждения, в первую очередь выделяется помощь в целях развития.

Объем британской официальной помощи в целях развития начиная с 2013 года представляет собой 0,7% ВНП государства, таким образом Великобритания является одной из немногих развитых стран, выполнивших обязательство, взятое в отношении помощи развивающимся странам и установленное Генеральной Ассамблеей ООН. В 2019 году только пять стран мира перешагнули этот знаковый порог объема официальной помощи. Официальная помощь в целях развития Соединенного Королевства в 2019 году составила 15,2 млрд фунтов стерлингов, сделав его третьим по этому показателю среди членов Комитета содействия развитию ОЭСР. Британская помощь составила 12,7% от всего объема официальной помощи в целях

[236] Refreshed GREAT campaign launched in 145 countries [Электронный ресурс] // GOV.UK. – 9 June 2021. – URL: https://www.gov.uk/government/news/refreshed-great-campaign-launched-in-145-countries (дата обращения: 19.08.21).

развития, оказанной Комитетом. В 2019 году основными получателями британской двусторонней помощи стали Пакистан, Эфиопия, Афганистан, Йемен, Нигерия и Бангладеш. Наибольшее количество средств двусторонней помощи в целях развития Великобритания направляет на гуманитарную помощь (15%)[237]. Все это значительно укрепляет репутацию Великобритании, а такие примеры ее действий в мире, как активная борьба с эпидемией лихорадки Эбола в Западной Африке, еще долго будут вызывать положительные ассоциации со страной.

Еще одним, во многом пересекающимся с предыдущим, направлением деятельности Соединенного Королевства, увеличивающим его «мягкую силу» в мире, является борьба с изменением климата. Великобритания была первой из крупнейших экономик, законодательно поставивших цель об углеродной нейтральности, которую она планирует достичь к 2050 году. С 1990 года британская экономика выросла более чем на 70%, при этом выбросы были сокращены более чем на 40%. На международной арене Великобритания также является одним из лидеров в борьбе с климатическими изменениями. Важнейшим британским инструментом реагирования на эту глобальную проблему является Международное климатическое финансирование (International Climate Finance), которое, согласно обязательству, взятому Великобританией как развитой страной перед мировой общественностью, составило 5,8 млрд фунтов стерлингов в 2016–2020 гг. Кроме того, Великобритания вместе с Германией и Норвегией обязуется предоставить 5 млрд фунтов стерлингов странам, выдвигающим проекты по прекращению вырубки леса. Международное климатическое финансирование, представляющее собой часть официальной помощи в целях развития Великобритании, укрепляет устойчивость беднейших стран к изменению климата, принимает меры для того, чтобы рост инфраструктуры в

[237] Statistics on International Development: Final UK Aid Spend 2019 [Электронный ресурс] / Foreign, Commonwealth & Development Office. – September 2020. – 62 p. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/927135/Statistics_on_International_Development_Final_UK_Aid_Spend_2019.pdf (дата обращения: 2.11.21).

развивающихся странах характеризовался низким уровнем выброса углерода и поощряет работу в области прекращения вырубки леса и улучшения землепользования. В период 2011–2020 гг. Международное климатическое финансирование оказало помощь в борьбе с изменением климата 66 млн человек[238]. Кроме того, Соединенное Королевство предлагает и активно поддерживает соответствующие инициативы в рамках различных международных организаций и является крупнейшим донором многосторонних фондов, созданных для борьбы с изменением климата, например Зеленого климатического фонда (Green Climate Fund).

Нельзя не сказать и о работе Великобритании в сфере защиты прав и свобод человека во всем мире. Это направление, как и предыдущие, создает Соединенному Королевству образ глобальной силы добра. В настоящее время Министерство иностранных дел, по делам Содружества и развития (Foreign, Commonwealth & Development Office) Великобритании делает акцент на таких задачах, как содействие демократии и демократическим свободам, защита свободы религии или убеждений, свободы СМИ, прав ЛГБТ-сообщества, предотвращение сексуального насилия в условиях конфликта и поощрение образования девочек. Британское внешнеполитическое ведомство в своей деятельности руководствуется списком приоритетных стран в отношении прав человека (Human Rights Priority Countries), ситуация в которых вызывает беспокойство. Список периодически пересматривается, в 2020 году он включал 31 страну[239]. Соединенное Королевство проводит мероприятия по защите прав человека на разных уровнях и в разных форматах: продвигая и поддерживая проекты мер в рамках международных организаций, сотрудничая с профильными неправительственными организациями, оказывая двустороннюю помощь,

[238] 2020 UK Climate Finance Results [Электронный ресурс] / Department for International Development. – 2020. – 12 p. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/911393/ICF-Results-Publication-2020.pdf (дата обращения: 2.09.21).

[239] Human Rights & Democracy. The 2020 Foreign, Commonwealth & Development Office Report / Foreign, Commonwealth & Development Office. – London: APS Group, 2021. – 69 p.

финансируя соответствующие фонды и др. О признании британских заслуг в этой сфере можно судить по тому, что она пять раз избиралась членом Совета по правам человека ООН (на сроки 2006–2008, 2009–2011, 2014–2016, 2017–2019 и 2021–2023).

Великобритания является одним из постоянных лидеров рейтинга The Soft Power 30. В 2015 и 2018 годах она располагалась на 1 месте, в 2016, 2017 и 2019 – на 2. В рейтинге 2019 года, результаты которого для Великобритании не сильно отличаются от предыдущих лет, она заняла 2 место среди стран, включенных в исследование, по подындексам «культура» и «образование», а также 3 место по «глобальному взаимодействию» и «цифровым технологиям». Показательным является то, что ни в одной из категорий рейтинга Соединенное Королевство не опустилось ниже 12 места[240].

В Индексе глобального присутствия Элькано позиции Великобритании чуть хуже, однако и здесь она уверенно входит в число стран-лидеров по глобальному присутствию в целом и «мягкому» присутствию в частности. По суммарному глобальному присутствию Соединенное Королевство заняло в 2010 году – 3 место, 2011 – 2 место, 2012 – 3 место, 2013 – 4 место, 2014 – 2016 – 3 место, 2017–2020 – 4 место. Ее позиции при оценке конкретно «мягкого» присутствия соответствующие: 2010 – 4 место, 2011–2012 – 2 место, 2013–2015 – 3 место, 2016–2020 – 4 место. Среди элементов «мягкого» присутствия ключевыми в случае Великобритании являются сотрудничество в целях развития, технологии и культура. Так, например, в 2020 году «мягкое» присутствие Соединенного Королевства составляло 29,4% от его глобального присутствия, при этом вклад сотрудничества в целях развития составил 5,7%, технологий – 5%, культуры – 4,7%. Следует отметить, что вклад деятельности по помощи развивающимся странам и технологий на протяжении десятилетия постепенно рос, а культура постепенно уступала

[240] The Soft Power 30. United Kingdom [Электронный ресурс] // Soft Power 30. – URL: https://softpower30.com/country/united-kingdom/ (дата обращения: 2.09.21).

свои некогда лидирующие позиции. Важную роль играет также образование и наука – не ниже 3,4% и 2,3% от глобального британского присутствия соответственно начиная с 2010 года. С 2018 года большое значение приобрел такой элемент «мягкого» присутствия, как информация, – его вклад с этого года не ниже 3,1%[241].

В Глобальном индексе «мягкой силы» 2020 Brand Finance Великобритания заняла 3 место с 61,8 баллами из 100 (причем Германия, занявшая 2 место, получила 61,9). Балл осведомленности о британской нации составил 8,2 из 10 (2 место по этому показателю в мире), репутации – 7,3, влияния – 6.3 (3 место). По блоку «международные отношения» Соединенное Королевство расположилось на 2 месте (6,3 балла из 10). Авторы исследования отмечают важнейшую роль BBC в «мягкой силе» нации, полагая, что именно высокий уровень доверия во всем мире к этой радиовещательной компании позволил британцам получить 2 место в категории «СМИ и коммуникации» (балл – 5,1). По результатам опроса общественного мнения Великобритания получила 2 место в мире по таким показателям данного блока, как «влиятельные СМИ», «пристально отслеживаемые события» и «хорошие коммуникаторы». В составляющей рейтинга «культура и культурнее наследие» Великобритания расположилась на 3 месте, отражающем всемирное признание как наследия этой нации, так и современных культурных продуктов. По ответам непрофессиональной аудитории Великобритания получила 3 место в показателе «влиятельность в сфере искусств и развлечения» культурного блока. По блоку «образование и наука» Соединенное Королевство заняло 4 место, причем оно расположилось на 2 месте по его элементу «сильная образовательная система». Указывая на такие мощные элементы «мягкой силы» нации, как британская монархия и английский язык, авторы рейтинга, однако, отмечают, что, согласно результатам исследования, отношения Великобритании с другими нациями

[241] Índice Elcano de Presencia Global. Reino Unido [Электронный ресурс] / Real Instituto Elcano. – URL: https://explora.globalpresence.realinstitutoelcano.org/es/country/iepg/global/GB/GB/2020# (дата обращения: 18.08.21).

далеки от идеальных: по категории «люди и ценности» британская нация расположилась во второй десятке стран. Это может объясняться брекситом, а также негативным имперским наследием. Тем не менее исследователи уверены, что масштаб «мягкой силы» британской нации настолько велик, что она не будет ослаблена брекситом[242].

В Глобальном индексе «мягкой силы» 2021 Великобритания вновь заняла 3 место, однако ее итоговая оценка снизалась до 57,9 баллов. Узнаваемость нации была оценена в 8 баллов (3 место в мире), репутация – в 7,3, а влияние – в 6,1 (3 место в мире). По составляющей «международные отношения» британская нация опять оказалась на 2 месте с 6,4 баллами, а в категории «СМИ и коммуникации» – поднялась на 1 строчку с 5,4 баллами. В категории «международные отношения», согласно ответам респондентов из числа неспециалистов, британская нация находится на 2 месте по «влиянию в дипломатических кругах» и на 3 месте по «помощи нуждающимся странам». По блоку «культура и культурное наследие» Соединенное Королевство опустилось на 4 место с 5,7 баллами, а в категории «образование и наука» - на 5 место также с 5,7 баллами. По новому параметру Глобального индекса Brand Finance, оценивающего ответ нации на кризис, вызванный пандемией COVID-19, Великобритания получила лишь 3,7 балла, заняв по нему 34 место среди исследуемых стран, этим авторы рейтинга и объясняют снижение итогового балла нации по сравнению с предыдущим годом. Однако отмечается улучшение на 0,6 пункта по блоку «управление» и предполагается, что оценка по этой составляющей продолжит расти благодаря сделке по условиям брексита, а также успешной программе вакцинации. По результатам опроса общественного мнения Великобритания

[242] Global Soft Power Index 2020 [Электронный ресурс] / Brand Finance. – URL: https://brandirectory.com/globalsoftpower/download/brand-finance-global-soft-power-index-2020.pdf (дата обращения: 18.08.21). – P. 43, 67, 108–109.

заняла 3 место по характеристике данного блока «уважает закон и права человека», а также 2 место по «уважаемые лидеры»[243].

Итак, Великобритания является одной из признанных сверхдержав по «мягкой силе». За рубежом «мягкую силу» Соединенного Королевства в первую очередь определяет активная позиция государства в международных делах, особенно в вопросах помощи развивающимся странам и поиска решений глобальных проблем современности, известнейшая британская культура, в том числе распространенность английского языка, престиж образования, популярность британской монархии и эффективное задействование СМИ.

Переходя к «мягкой силой» Шотландии, в первую очередь стоит сказать о таком ее инструменте, как образование. Престижные университеты вносят огромный вклад в совокупную привлекательность Шотландии в мире. В рейтинге QS 2022 года Университет Эдинбурга (The University of Edinburgh) занимает 16 место, Университет Глазго (University of Glasgow) – 73, а Сент-Эндрюсский университет (University of St Andrews) – 91[244]. В рейтинге Times Higher Education 2022 Университет Эдинбурга расположился на 30 строчке, Университет Глазго – на 86[245]. В Шанхайском рейтинге 2021 года Университет Эдинбурга занимает 38 место[246]. В 2019/2020 учебном году в шотландских высших учебных заведениях обучалось 61590 иностранных студентов, из них 20895 являлись гражданами стран, входящих в ЕС. Иностранные студенты составляли 23,6% всех студентов университетов Шотландии[247]. Как отмечается в одном из докладов шотландского

---

[243] Global Soft Power Index 2021 [Электронный ресурс] / Brand Finance. – 122 p. – URL: https://brandirectory.com/globalsoftpower/download/brand-finance-global-soft-power-index-2021.pdf (дата обращения: 18.08.21). – P. 32, 39, 46, 112–113.

[244] QS World University Rankings 2022 [Электронный ресурс] / QS Quacquarelli Symonds. – URL: https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2022 (дата обращения: 1.09.21).

[245] World University Rankings 2022 [Электронный ресурс] / Times Higher Education. – URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2022/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats (дата обращения: 7.11.21).

[246] 2021 Academic Ranking of World Universities [Электронный ресурс] / ShanghaiRanking Consultancy. – URL: http://www.shanghairanking.com/rankings/arwu/2021 (дата обращения: 7.11.21).

[247] Higher Education Student Statistics: UK, 2019/20 - Where students come from and go to study / HESA. – URL: https://www.hesa.ac.uk/news/27-01-2021/sb258-higher-education-student-statistics/location (дата обращения: 2.09.21).

правительства, иностранные студенты не только положительно влияют на шотландскую экономику, но и «поддерживают репутацию и значимость Шотландии за рубежом», так как выпускники возвращаются домой с «осведомленностью о Шотландии и привязанностью к ней»[248]. Шотландское образование, а значит, и имидж Шотландии в целом продвигается в мире еще и благодаря тому, что некоторые шотландские университеты открывают филиалы в других странах, а также развивают партнерские программы с иностранными вузами.

Эффективным инструментом «мягкой силы» Шотландии за рубежом является ее благоприятная предпринимательская и инвестиционная среда. Согласно исследованию 2021 года крупнейшей аудиторской компании EY, с 2014 года Шотландия занимает второе место в Великобритании после Лондона по объему прямых иностранных инвестиций. В рейтинге британских городов 2020 года по этому показателю Эдинбург идет сразу после Лондона, а Глазго и Абердин входят в первую десятку. В 2020 году наиболее привлекательным сектором для зарубежных инвестиций в Шотландию стали цифровые технологии, а основным инвестором, как и прежде, являлись США. Опрос, проведенный EY для оценки восприятия Великобритании иностранными инвесторами, показал, что 15% из опрошенных инвесторов считают именно Шотландию наиболее привлекательным местом для прямых инвестиций[249]. Об успешности Шотландии как делового центра говорит и число расположившихся здесь главных офисов международных компаний. Успех в привлечении иностранных инвестиций, помимо прочих преимуществ, создает

[248] The Impact of International Students in Scotland [Электронный ресурс] / Scottish Government. – 2018. – URL: https://www.gov.scot/binaries/content/documents/govscot/publications/corporate-report/2018/03/impact-international-students-scotland-scottish-government-response-migration-advisory-committees/documents/00532586-pdf/00532586-pdf/govscot%3Adocument/00532586.pdf (дата обращения: 3.09.21). – P. 4.

[249] Scott A., Arnold P. Why rising FDI beckons for Scotland but engagement remains key [Электронный ресурс] / EY. – 7 June 2021. – URL: https://www.ey.com/en_uk/attractiveness/21/scotlands-share-of-uk-fdi-projects-has-risen (дата обращения: 3.11.21).

благоприятный образ Шотландии, повышает уровень доверия к ней в мире, а также укрепляют ее связи с другими странами.

Культура также является важным ресурсом шотландской «мягкой силы». На территории Шотландии располагаются 6 объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, а также всемирно известные музеи и галереи, например Национальный музей Шотландии и Национальная галерея Шотландии. В 2019 году Национальный музей посетили 2210024 человека, что сделало его четвертый год подряд самой посещаемой достопримечательностью Шотландии, Национальную галерею посетили 1577946 человек. Замки, являющиеся одной из визитных карточек Шотландии, также привлекают большое количество посетителей как в рамках внутреннего, так и внешнего туризма. Так, к примеру, Эдинбургский замок в 2019 году посетили 2166132 человека[250].

Говоря о шотландской культуре и ее глобальной привлекательности, стоит отдельно упомянуть о тартане и килтах с таким орнаментом, ставших поистине символами Шотландии. В 2008 году актом шотландского парламента был учрежден Шотландский реестр тартанов (The Scottish Register of Tartans) с целью создания единого перечня, который бы включал и распространял информацию об исторических и современных тартанах из Шотландии и со всего мира. Реестр также содержит данные о тартанах, зарегистрированных другими профильными организациями до его появления. Шотландский реестр тартанов каждую неделю представляет информацию о новых тартанах, зарегистрированных по заявкам желающих со всего мира, уплативших за это установленный взнос.

Кроме того, Шотландия укрепляет свой имидж в мире благодаря всемирно известным фестивалям разных направлений. Особое место здесь занимают Эдинбургские фестивали, представляющие собой совокупность разнородных мероприятий, проводимых ежегодно в Эдинбурге. Среди них

---

[250] 2019 ASVA Annual Visitor Trend Report [Электронный ресурс] / ASVA. – URL: https://asva.co.uk/app/uploads/2021/02/ASVA-Annual-Visitor-Trends-Report-2019.pdf (дата обращения: 2.09.21). – P. 4.

выделяется Эдинбургский фестиваль Fringe, являющийся крупнейшим фестивалем в области искусств в мире. В 2019 году программа Fringe включала более 3800 представлений, участниками и зрителями стали представители 150 стран, а количество проданных билетов превысило 3 млн[251]. Фестивали традиционной шотландской культуры также вызывают интерес у публики, на них фигурирует еще один символ Шотландии – волынка.

Спорт также является ресурсом «мягкой силы» Шотландии, хотя и не настолько эффективно используемым. Шотландия имеет свои собственные национальные сборные по разным видам спорта, представляющие ее на международных соревнованиях. Из них сборная по футболу является одной из старейших в мире, а сборная по регби входит в десятку сильнейших. Кроме того, Шотландия претендует на звание родины современного гольфа.

Шотландская кухня не входит в число популярных, однако есть национальный продукт, получивший мировое признание и пользующийся огромным спросом во всем мире. Речь идет о шотландском виски, или скотче. Статус виски закреплен британским законодательством. Ныне действующим является Положение о шотландском виски 2009 года (The Scotch Whisky Regulations 2009). Оно регламентирует вопросы производства, маркировки и упаковки шотландского виски. Этот нормативно-правовой акт определяет, что понимают под шотландским виски (Scotch Whisky), и устанавливает, помимо прочего, что таковой должен быть дистиллирован на винокурне именно в Шотландии. Существует Ассоциация шотландского виски (Scotch Whisky Association), представляющая интересы промышленности шотландского виски в Шотландии и в мире. Эта торговая организация со штаб-квартирой в Эдинбурге сотрудничает с правительствами Великобритании, Шотландии и других стран мира в целях создания благоприятных условий для бизнеса шотландского виски. По

[251] Record Edinburgh audiences as Fringe comes to a close [Электронный ресурс] / The Edinburgh Festival Fringe Society. – 26 August 2019. – URL: https://www.edfringe.com/learn/news-and-events/record-edinburgh-audiences-as-fringe-comes-to-a-close (дата обращения: 3.11.21).

данным Ассоциации, в 2020 году каждую секунду из Шотландии в 166 стран мира отгружались 36 бутылок скотча (в 2019 году – 42 бутылки). В том же году на территории Шотландии работали 134 завода по производству шотландского виски[252]. Эта промышленность генерирует еще и дополнительный поток туристов в Шотландию. Так, в 2019 году винокурни и другие объекты, связанные с виски, посетили 885752 человека[253].

Несмотря на все вышеперечисленное, Шотландия не может похвастаться выдающимися показателями по международному туризму. Так, в 2019 году Шотландию посетили лишь 3,5 млн иностранных граждан. Наибольшее количество туристов прибыли из США[254]. Таким образом, можно говорить о том, что потенциал такого ресурса, как туризм, в случае Шотландии пока не реализуется в полной мере.

Заслуживающим особое внимание инструментом «мягкой силы» Шотландии является цифровая дипломатия. Шотландские государственные органы и учреждения, а также их отдельные представители активно используют возможности сети Интернет не только для информирования шотландских граждан о текущих вопросах, но и для формирования позитивного имиджа Шотландии в мире, распространяя информацию о ней и показывая глобальной публике ее ценности. Такие действия могут иметь значительный эффект: например, в социальном сети Twitter у теперь уже бывшего первого министра Шотландии Николы Стерджен 1,4 млн читателей, и количество подписчиков национальной туристической организации VisitScotland в Instagram также достигает 1,4 млн человек.

Среди учреждений, которые занимаются деятельностью, связанной с шотландской «мягкой силой», следует отметить:

---

[252] Facts & Figures [Электронный ресурс] / Scotch Whisky Association. – URL: https://www.scotch-whisky.org.uk/insights/facts-figures/ (дата обращения: 3.11.21).

[253] 2019 ASVA Annual Visitor Trend Report [Электронный ресурс] / ASVA. – URL: https://asva.co.uk/app/uploads/2021/02/ASVA-Annual-Visitor-Trends-Report-2019.pdf (дата обращения: 2.09.21). – P. 1.

[254] Key Facts on Tourism in Scotland 2019 [Электронный ресурс] / VisitScotland. – 2020. – URL: https://www.visitscotland.org/binaries/content/assets/dot-org/pdf/research-papers-2/key-facts-on-tourism-in-scotland-2019.pdf (дата обращения: 3.11.21). – P. 3.

– Управление внешних связей (External Affairs Directorate) Шотландии – государственный орган, основными целями которого являются укрепление отношений Шотландии с другими странами, защита ее интересов и роли в Европе, а также реализация ее стремления стать добросовестным членом глобального общества;

– Управление культуры, туризма и крупных мероприятий (Culture, Tourism and Major Events Directorate) Шотландии – орган государственной власти, отвечающий за влияние и репутацию Шотландии в мире, развитие ее культуры и культурного наследия, а также создание соответствующих условий для этого;

– Управление международной торговли и инвестиций (International Trade and Investment Directorate) Шотландии – государственный орган, чья детальность направлена на дальнейшую интернализацию экономики и продвижение пищевой промышленности Шотландии. Кроме того, Управление занимается вопросами торговой политики в условиях Брексита;

– Международные представительства (International offices) Шотландии – учреждения, проводящие деятельность в соответствии с международными задачами шотландского правительства и оказывающие поддержку государственным и частным субъектам за рубежом. Информация о целях и расположении представительств приведена в третьей главе настоящего исследования;

– Scottish Development International – правительственное агентство по торговле и привлечению инвестиций. Дополнительные сведения об организации представлены в следующей главе работы;

– Creative Scotland – государственный орган, чья деятельность посвящена поддержке искусств, кино и культурно-развлекательных отраслей Шотландии. Среди приоритетов своей работы на ближайшие годы Creative Scotland выделяет поощрение международных обмена и диалога, содействие международным гастролям и различным творческим мероприятиям в Шотландии для привлечения публики и укрепления культурного

взаимопонимания, а также поддержку организациям и отдельным деятелям культуры в их выходе на международные рынки[255];

– VisitScotland – вневедомственное государственное учреждение, являющееся национальной туристической организацией. VisitScotland занимается привлечением в Шотландию туристов со всего мира, а также работает с государственными и частными партнерами для содействия туристической индустрии;

– Историческое наследие Шотландии (Historic Environment Scotland) – государственное учреждение, ответственное за изучение, сохранение и продвижение исторического наследия Шотландии. Под опекой организации находятся более 300 исторических объектов, посещаемых 5 млн человек в год[256];

– Альянс международного развития Шотландии (Scotland's International Development Alliance) – объединение организаций, чья деятельность посвящена разным вопросам международного развития. Одной из целей Альянса является увеличение вклада Шотландии в борьбу с неравенством и бедностью в мире. Члены организации – государственные учреждения, неправительственные организации, научные центры и частные компании, работающие в более чем 100 странах мира;

– Университеты Шотландии (Universities Scotland) – организация, представляющая интересы 19 высших учебных заведений Шотландии. Помимо прочего, организация занимается вопросами интернализации шотландского высшего образования.

Для продвижения позитивного имиджа Шотландии в мире с 2018 года проводится кампания Scotland is Now. В этой инициативе объединяются усилия Парламента Шотландии, VisitScotland, Scottish Development

---

[255] Scotland is a distinctive creative nation connected to the world [Электронный ресурс] / Creative Scotland. – URL: https://www.creativescotland.com/what-we-do/the-10-year-plan/ambitions-and-priorities/ambition-5 (дата обращения: 3.09.21).

[256] About Historic Environment Scotland [Электронный ресурс] / Historic Environment Scotland. – URL: https://www.historicenvironment.scot/about-us/who-we-are/about-historic-environment-scotland/ (дата обращения: 3.09.21).

International и Университетов Шотландии. Цель кампании – показать глобальной публике, что Шотландия является разнообразной и дружелюбной страной с высоким уровнем жизни, где богатое культурное наследие и красивейшие пейзажи сочетаются с престижнейшими университетами и инновациями, что, в свою очередь, делает ее отличным место для жизни, работы, посещения, инвестиций и обучения. Кампания включает распространение тематических видео, фильмов и печатной продукции, а также развитие сайта Scotland.org. Видное место в Scotland is Now занимает распространение историй отдельных людей, проживавших в Шотландии.

В третьей главе настоящей работы будут приведены действия Шотландии в других сферах, показывающие миру привлекательность ее ценностей и убеждений, тем самым увеличивая шотландскую «мягкую силу» как в целом, так и в условиях национально-территориального самоопределения. Активная позиция Шотландии по актуальным международным проблемам, например вопросам миграционной политики, является важнейшим элементом ее «мягкого» влияния в мире.

Оценка «мягкой силы» Шотландии дана в упомянутом ранее исследовании «Измерение международного восприятия: Шотландия и «Мягкая сила» (Gauging International Perceptions: Scotland and Soft Power), опирающемся на результаты Барометра «мягкой силы» Уэльса. В итоговом ранжировании Барометра Шотландия, получив 62,23%, занимает 2 место. Говоря об подындексах, основанных на объективных данных, Шотландия заняла 1 места по таким, как «образование», «цифровые технологии», «предпринимательство», 2 место по «культуре», 3 место по «управлению» и 4 – по «глобальному взаимодействию». По сумме субъективных подыиндексов она расположилась на 6 месте, войдя в тройку лидеров (3 место) только в спорте. Лишь 31,8% респондентов сказали о своей хорошей осведомленности о Шотландии, в данном исследовании десяти территорий лишь об Уэльсе осведомленность была хуже (30,6%).

Авторы доклада подчеркивают, что Шотландия по объективным показателям обладает выдающимся арсеналом «мягкой силы», что говорит о ее огромном потенциале. Однако посредственные результаты опросов общественного мнения свидетельствует о том, что существует проблема в установлении связи с глобальной публикой. Решение проблемы коммуникации существенно отразится на будущем «мягкого» влияния Шотландии, особенно беря во внимание последствия брексита[257].

Таким образом, «мягкая сила» Шотландии основывается в первую очередь на престиже шотландских высших учебных заведений, привлекательной среде для инвестирования и ведения бизнеса, богатой культуре, продвигаемой за счет разного рода культурных мероприятий и всемирно известных брендов, а также транслируемых миру шотландских ценностях, отражающих ее позицию по вопросам международной повестки дня.

Итак, Великобритания является одним из мировых лидеров в сфере «мягкой силы», Шотландия также обладает существенным по сравнению с другими субгосударственными регионами «мягким» влиянием за рубежом, несмотря на то, что потенциал некоторых ресурсов не реализуется в полном объеме. При этом основные ресурсы и механизмы, используемые Великобританией и Шотландией для наращивания «мягкого» влияния, значительно отличаются. Так, хотя в обоих случаях проявлениями «мягкой силы» являются культура, образование и позиция акторов по вопросам международной повестки дня, степень их значимости различна. Полученные данные позволяют оценить потенциал «мягкой силы» Великобритании и Шотландии на международном уровне их этнополитического конфликта и объясняют механизм ее использования как политтехнологического инструмента.

---

[257] McClory J. Gauging International Perceptions: Scotland and Soft Power [Электронный ресурс] / British Council Scotland. – 31 p. – URL: https://scotland.britishcouncil.org/sites/default/files/t0026_scottish_soft_power_doc_s1_v20.pdf (дата обращения: 3.11.21).

2.3 Особенности соотношения «мягкой силы» государства и его части

Проведенный анализ ресурсов и механизмов «мягкой силы» Испании и входящей в нее Каталонии, а также Великобритании и входящей в нее Шотландии за рубежом позволяет сделать ряд выводов и найти определенные закономерности в вопросе соотношения «мягкой силы» государства и его части как политтехнологического инструмента в исследуемых случаях.

«Мягкая сила» региона, вполне логично, может вносить вклад в увеличение такого влияния государства в целом. Например, огромный туристический поток в Каталонию положительно влияет не только на осведомленность о Каталонии, но и о Испании вообще, то есть способствует росту и испанской «мягкой силы». О масштабе такого положительного эффекта можно судить по тому, что, например, как было указано ранее, практически четверть туристов, посещающих Испанию, прибывают именно в Каталонию. Здесь сформировавшееся хорошее отношение к Каталонии транслируется в привлекательность Испании в мире. Причем в случае Каталонии влияние вовсе не ограничивается туристической отраслью. Неслучайно в одном из докладов Королевского института Элькано, основанного на результатах Индекса глобального присутствия 2016 года, отмечается, что Каталония – автономное сообщество, вносящее наибольший вклад в «мягкое» присутствие Испании в мире[258].

Тем не менее это происходит далеко не всегда и не во всем. Примером может служить открытая миграционная политика Шотландии, о которой будет упомянуто в следующей части работы. Гостеприимность шотландцев по отношению к мигрантам в условиях сложившейся международной конъюнктуры значительно увеличивает «мягкую силу» Шотландии в мире,

[258] Olivié I., Gracia M., Gomariz M.D. España en el mundo: análisis en base al Índice Elcano de Presencia Global 2016 [Электронный ресурс] // Análisis del Real Instituto Elcano. – 2017. – № 85. – URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/especiales/indiceelcanopresenciaglobal/ari85-2017-olivie-gracia-gomariz-espana-en-el-mundo-analisis-indice-elcano-presencia-global-2016 (дата обращения: 5.09.21).

однако это не отражается положительно на такой силе Великобритании, чей подход к данному вопросу отличается от шотландского. То есть можно смело утверждать, что «мягкая сила» субгосударственного актора не может полностью приравниваться к составной части «мягкой силы» государства в целом, а последняя – это не просто сумма «мягкой силы» его территорий. «Мягкая сила» территории – это во многом отдельно формирующаяся «мягкая сила», которая в каких-то ее элементах может способствовать наращиванию «мягкого» влияния государства, а в чем-то никак не влиять на него или даже препятствовать его росту. В рассмотренном примере глобальная привлекательность Великобритании в каком-то смысле теряет свои позиции при сравнении соответствующих миграционных политик.

При этом интересно, что, в зависимости от объекта «мягкой силы», некоторые, порой даже очень символические, ресурсы «мягкой силы» субгосударственного актора выступают полноправными ресурсами для всего государства в целом. Так, важнейший бренд Каталонии футбольный клуб «Барселона» для многих людей в мире является просто испанским клубом. Соответственно, генерируемой им привлекательностью среди части публики пользуется сама Испания. Беря во внимание результаты совместного исследования Британского Совета и Portland, говорящие об ограниченной осведомленности населения других стран о реалиях отдельных частей государств, во всяком случае приведенных в их рейтинге, можно полагать, что такие ситуации являются скорее правилом, чем исключением.

Стоит отметить, однако, что такое «присвоение» источников «мягкой силы» части государства не происходит, по крайней мере не в таких масштабах, например, в случае шотландских тартана и килта. Даже неестественность употребления этих имен существительных в словосочетаниях с прилагательным «британский» говорит о том, что существует четкая привязка к Шотландии, сильная ассоциация именно с ее культурным наследием, а не с Великобританией в целом. То есть отдельные феномены, ставшие неразрывной частью региональной идентичности,

отличной от идентичностей остального населения государства, наращивают «мягкое» влияние именно этого региона, а не государства в целом. А значит, можно утверждать, что у «мягкой силы» и ее действия есть очевидные социокультурные основания.

Продолжая тему социокультурных базисов, подчеркнем, что как в Каталонии, так и в Шотландии возникли свои собственные идентичности, отличные от испанской и британской соответственно, о чем пойдет речь в следующей части работы. Однако, как нам представляется, в Шотландии по ряду причин сформировалась идентичность[259] более независимая от британской, чем каталонская от испанской. Вероятно, это и является причиной того, что по характеру и содержанию «мягкая сила» Шотландии значительно отличается от таковой Великобритании, а «мягкая сила» Каталонии и «мягкая сила» Испании имеют много общего.

Так, базовыми элементами «мягкой силы» как Испании, так и Каталонии являются культура, включая, что очень важно, язык и спорт, а также туризм. Интересно, что даже фактором роста «мягкой силы» в обоих случаях является выгодное политико-географическое положение. Можно даже увидеть явные параллели, например, в символизме и роли (в контексте «мягкой силы») спортивных клубов: в одном случае – «Реал Мадрид», в другом – «Барселона». В определенных моментах кажется, что «мягкая сила» Каталонии по своему содержанию – своего рода масштабированная копия «мягкой силы» Испании. Тем не менее не стоит забывать, что у Испании есть такие важные отличительные источники «мягкого» влияния, как религия, монархия и миграция, а Каталония располагает таким инструментом и ресурсом, как образование. Все это вновь подтверждает тезис о том, что эти силы самостоятельны и далеко не во всем вытекают друг из друга.

---

[259] Для знакомства с мнениями различных исследователей о шотландской идентичности, см, например, Being Scottish: Personal Reflections on Scottish Identity Today / Ed. by T.M. Devine. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. – 300 p.; Reicher S., Hopkins N., Harrison K. Identity Matters: On the Importance of Scottish Identity for Scottish Society // National Identity, Nationalism and Constitutional Change / Ed. by F. Bechhofer, D. McCrone. – London: Palgrave Macmillan, 2009. – P. 17–40; Smout T.C. Perspectives on the Scottish identity // Scottish Affairs. – 1994. – № 6. – P. 101–113; Soule D P.J., Leith M.S., Steven M. Scottish devolution and national identity // National Identities. – 2012. – Vol. 14, № 1. – P. 1–10.

Структура шотландский «мягкой силы» значительно больше отличается от британской «мягкой силы». Ключевыми составляющими такой силы Шотландии являются комфортная среда для инвестирования и ведения бизнеса и образование, а культура, играющая важнейшую роль в случае Великобритании, и уж тем более такой ее элемент, как язык (в сравнении с шотландским гэльским), уступает им по первостепенности. Значимые компоненты британского «мягкого» влияния спорт и туризм у Шотландии не развиты в той же мере, хотя и обладают существенным потенциалом. Транслируемые ценности и соответствующие действия Шотландии на международной арене, порой достаточно сильно отличающиеся от британских, также добавляют контраста в содержание их «мягких сил». Пользуясь классификацией Радикова И. В. и Лексютиной Я. В.[260], обозначенной в первой главе работы, можно сказать, что власти Шотландии скорее предпочитают естественный путь наращивания «мягкой силы», предполагающий стремление к реальным достижениям страны, в то время как Великобритания активным образом использует как естественный, так и искусственный, заключающийся в мероприятиях по информированию и рекламированию, способы.

Таким образом, в исследуемых случаях «мягкая сила» субгосударственного актора является силой, которую не стоит рассматривать как просто слагаемое «мягкой силы» государства в целом. Она может вносить вклад в «мягкое» влияние государства, однако в определенных аспектах может иметь даже негативный эффект. «Мягкая сила» региона может быть похожа по характеру на таковую государства в целом, как в случае Каталонии и Испании, так и иметь собственный стиль, как в случае Шотландии и Великобритании. Это можно объяснить, помимо влияния прочих сопутствующих факторов, различиями в достигнутом уровне независимости региональной идентичности, что, в свою очередь, говорит о

[260] Радиков И.В., Лексютина Я.В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 2. – С. 19–26.

наличии очевидных социокультурных оснований развития «мягкой силы». Все это обосновывает возможность использования «мягкой силы» как политтехнологического инструмента, особенно в условиях этнополитического конфликта.

3 МЯГКАЯ СИЛА» В УСЛОВИЯХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА И БОРЬБЫ ЗА НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ ИСПАНИИ/КАТАЛОНИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ/ШОТЛАНДИИ)

3.1 «Использование «мягкой силы» как политтехнологического инструмента в этнополитическом конфликте Испании и Каталонии

«Мягкая сила», несмотря на свою специфику, как и любая другая сила, используется субъектами для достижения своих целей. Так, целью Каталонии и Шотландии является отделение от Испании и Великобритании соответственно, целью последних же является сохранение государственной целостности. Для достижения этих целей каждая из сторон двух рассматриваемых конфликтов, помимо классической «жесткой силы», применяет и «мягкую силу». Однако зачастую при изучении этнополитических конфликтов в центре внимания находятся только действия, характерные для «жесткой силы». Отсюда возникает необходимость более глубокого и комплексного исследования именно «мягкой силы» в условиях национально-территориального самоопределения. Предыдущая глава работы была посвящена существующему арсеналу и актуальному состоянию «мягкой силы» Каталонии и Испании в целом, Шотландии и Великобритании в целом в зарубежном контексте, в настоящей главе будет рассмотрена «мягкая сила» государств и их частей как политтехнологический инструмент непосредственно сквозь призму этнополитических конфликтов.

Для получения целостной картины действие «мягкой силы» в этнополитическом конфликте должно рассматриваться на разных уровнях. Во-первых, стоит изучить использование ресурсов «мягкой силы» заинтересованными сторонами непосредственно внутри территории,

претендующей на отделение, т.е. на региональном уровне. Действия одной стороны конфликта будут по большей части направлены на создание и/или укрепление этнической или национальной идентичности, отличной от идентичности граждан страны в целом. Другая сторона конфликта будет этому препятствовать. Во-вторых, надо рассмотреть противостояние средствами «мягкой силы» на национальном уровне. К примеру, что в рамках государства в русле «мягкой силы» делают центральные органы управления и другие разделяющие ее позицию субъекты для сохранения государственного единства и что, в свою очередь, делают оппоненты для достижения независимости. В-третьих, нельзя упускать из виду и международный уровень. Конфликты такого масштаба переходят национальные границы и получают международное измерение. Например, часто сторонники независимости ищут поддержку на международной арене для оказания воздействия на национальное правительство. Таким образом, в данном случае можно говорить о трех уровнях действия «мягкой силы»: региональном, национальном и международном. Объектами, или целевой аудиторией, «мягкой силы» при этом, как правило, являются жители региона, жители всей страны и международная общественность соответственно. Такое деление весьма условно, поскольку, например, одни и те же действия могут оказывать влияние на разные аудитории, однако оно служит более последовательному и четкому изложению материалов исследования.

Безусловно, наиболее заинтересованными сторонами в таких конфликтах являются центральная власть и органы самоуправления территории, стремящейся к независимости. Тем не менее следует помнить, что они не являются единственными субъектами, которые используют «мягкую силу». Как уже отмечалось, «мягкая сила» лишь частично подвластна правительствам, и в условиях этнополитического конфликта эта базовая характеристика остается неизменной. А значит, важно учитывать действия других субъектов, а также факторы, которые в целом способствуют наращиванию «мягкой силы» одной или другой стороны конфликта без

какого-либо активного или осознанного участия с их стороны. Кроме того, надо учитывать и намеренные действия, направленные изначально или вообще на достижение других целей, но в итоге повлиявшие и на положение дел в конфликте отдельной территории с центральной властью, поскольку это также характерно для «мягкой силы».

Обратимся к региональному уровню присутствия «мягкой силы» в конфликте между Каталонией и Испанией. В предыдущей главе настоящего диссертационного исследования было обозначено, что выдающимся источником «мягкой силы» Каталонии за рубежом является каталанский язык. В противостоянии с центральной испанской властью он также играет одну из первостепенных ролей.

В 1983 году, менее чем через 4 года после принятия нового Устава (исп. Estatuto, кат. Estatut) вернувшей свое самоуправление спустя годы франкистского режима Каталонии, каталанский парламент принял Закон «О лингвистической нормализации» (Ley de Normalización Lingüística). В соответствии с Конституцией Испании и упомянутым Уставом каталанский язык имеет статус официального на территории Каталонии наравне с испанским (кастильским). Соответствующие положения Конституции и Устава приводятся в преамбуле Закона «О лингвистической нормализации». Также в ней подчеркивается существующее языковое неравенство и недостаточное распространение родного каталанского языка во многих сферах.

В своих статьях рассматриваемый закон устанавливает каталанский как рабочий язык органов власти Каталонии всех уровней. Любой гражданин при обращении в органы управления и другие госучреждения может использовать как каталанский, так и испанский. Владение двумя официальными языками – каталанским и испанским – становится обязательным условием получения сертификата об обучении в Школе государственного управления Женералитета. Госучреждениям и госкомпаниям предъявляются требования по подготовке персонала для

гарантирования возможности осуществления коммуникации с гражданами на каталанском. Рабочим языком средств массовой информации, зависимых от Женералитета, также становится каталанский. Причем законом предусмотрено субсидирование СМИ в целях распространения использования каталанского языка. Устанавливается обязанность Женералитета всячески стимулировать производство книг, кино, театральных постановок на каталанском языке.

Одними из ключевых положений закона представляются те, что связаны с образовательной сферой. Согласно этому закону, дети имеют право получить начальное образование как на каталанском, так и на испанском. Оба языка в обязательном порядке должны изучаться на всех уровнях неуниверситетского образования. В образовательных учреждениях обучающиеся не должны разделяться по языковым причинам. Что особенно важно – владение двумя официальными языками становится обязательным условием получения диплома о среднем образовании. Преподаватели также должны знать оба языка. Образовательные учреждения должны сделать каталанский язык средством общения («vehiculo de expresión normal»). Университеты Каталонии должны предлагать курсы и осуществлять другие меры для обеспечения понимания каталанского языка как учащимися, так и преподавателями[261].

В законе также имеются положения, касающиеся гарантий для родного языка в комарке Валь-д'Аран – аранского (вариант окситанского языка), однако он не представляется ресурсом «мягкой силы» Каталонии в контексте конфликта с Испанией, а значит, его рассмотрение выходит за рамки настоящего исследования.

Таким образом, Закон «О лингвистической нормализации» был призван гарантировать и стимулировать использование каталанского языка в государственном секторе, сфере образования и СМИ. Принятие этого закона

[261] Ley 7/1983, de 18 de abril, de normalización lingüística en Cataluña // Boletín Oficial del Estado. – 1983. – №112. – P. 13234–13237.

и соответствующие активные действия властей возымели эффект. Уже в 1986 году 90,28% населения Каталонии против 79,83% в 1981 понимали каталанский язык. А уже в 1996 этот показатель составил 94,97%. В этом же году 75,31% населения могли говорить на каталанском и 45,84% – читать на нем, в 1986 году эти показатели были 63,99% и 31,50% соответственно[262]. Неслучайно в одной из публикаций по случаю тридцатилетия принятия этого закона было отмечено, что «каталонский парламент одобрил много законов, но мало какие имели политическое, социальное и культурное значение первого закона в области языка»[263].

В 1998 году каталанский парламент обновил содержание закона 1983, приняв Закон «О языковой политике» (Ley de Política Lingüística). В преамбуле нового закона упоминается сложная социолингвистическая ситуация в Каталонии, относительно малое количество носителей каталанского языка, а также необходимость его дальнейшего распространения в социально-экономической сфере. Повторяя основное содержание закона 1983 года, Закон «О языковой политике» добавляет, помимо прочего, обязывает финансовые учреждения передавать чеки, векселя и прочую документацию в первую очередь на каталанском; при обычных обстоятельствах использовать каталанский как язык общения в неуниверситетском образовании; компании теле- и радиовещания, работающие в рамках концессионного соглашения, обеспечить минимум 50% времени вещания на каталанском языке, а конкретно в музыкальных программах – адекватное присутствие в них каталанских артистов и 25% песен на каталанском языке; использовать в первую очередь каталанский язык в качестве рабочего государственными компаниями и учреждениями, а также частными компаниями и учреждениями, предоставляющими госуслуги, в своей как устной, так и письменной коммуникации с клиентами;

[262] Població de 2 anys i més segons coneixement del català (%) [Электронный ресурс] / Instituto de Estadística de Cataluña. – URL: https://www.idescat.cat/pub/?id=censph&n=6446&t=198100&lang=es (дата обращения: 12.03.21).

[263] 30 years of language policy / Generalitat de Catalunya. Departament de Cultura. – Barcelona: Anglofort, SA, 2014. – P. 7.

использовать в первую очередь каталанский на этикетках каталонской продукции. Также закон обязует правительство Каталонии поощрять и продвигать литературу, научные изыскания, кино, музыку, исполнительское искусство и пр. на каталанском языке, способствовать распространению этого языка в сфере информационных технологий и производству и коммерциализации таких продуктов на нем, как системы распознания голоса, автоматического перевода и др. Кроме того, появляется статья гласящая, что обычно каталанский язык должен использоваться как язык общения и обучения («lengua vehicular y de aprendizaje») на ступени неуниверситеткого образования[264].

Итак, обновленный закон был призван обеспечить дальнейшее распространение языка, в том числе в социально-экономической сфере, а также отвечал на некоторые новые вызовы времени, например в сфере технологий.

Необходимо сразу отметить, что принятие языковых законов не представляется проявлением «мягкой силы», так как характеристикой закона является обязательность его исполнения, то есть присутствует элемент принуждения, который противоречит природе этой силы. Например, в новом Уставе Каталонии 2006 года и вовсе упоминается обязанность ее граждан знать каталанский. Тем не менее рассмотренные законы дают четкое представление о целях и направлениях языковой политики властей Каталонии, к которым она стремится и которые развивает, в том числе используя инструментарий именно «мягкой силы». Однако балансирование на грани «жесткой силы» во многих случаях будет характерно для «мягкой силы» Каталонии в конфликте с Испанией, что в дальнейшем будет отражено в настоящей работе.

Принятие первого языкового закона предварялось проведением в 1981–1982 гг. государственной кампании «Норма» (La Norma) по продвижению

[264] Ley 1/1998, de 7 de enero, de Política Lingüística // Boletín Oficial del Estado. – 1998. – №36. – P. 4809–4818.

каталанского в каждодневном общении. Слоган кампании – «Каталанский язык принадлежит всем» (El català, cosa de tots). Она носила неконфликтный характер, объясняла, что каталанский язык – историческое и культурное наследие Каталонии, принадлежащее всем, кто проживает на этой территории. Кампания включала распространение листовок, трансляцию мультфильмов, рекламы по радио и телевидению. Персонажем кампании стала приветливая девочка Норма. Через серию мультфильмов с ней власть Каталонии пыталась привить новые языковые привычки населению автономного сообщества: коренным жителям рекомендовали отказаться от ставшего нормой перехода на испанский язык при общении с испаноговорящими гражданами, а последним – просить, чтобы с ними говорили на родном языке Каталонии. Все это, согласно концепции кампании, должно было помочь жителям, не говорящим на каталанском, выучить его и таким образом лучше интегрироваться в каталонское общество. Специалисты считают, что кампания имела ограниченный эффект в виду желания ее создателей угодить всем, а также нехватки весомых стимулов для изменения населением своего языкового поведения[265].

В дальнейшем органы власти Каталонии провели еще несколько кампаний с целью сделать каталанский языком межличностного общения. В 1985 году такой стала кампания «Это зависит от Вас» (Depèn de vostè), которая подчеркивала ответственность носителей каталанского за судьбу языка. В 2003 году Женералитет Каталонии запустил две программы по продвижению каталанского. Одна из них – кампания «Ты – учитель» (Tu ets mestre), целью которой была лингвистическая интеграция иммигрантов в Каталонии. Посыл не отличался от кампаний прошлого – переходя на испанский язык при общении с иммигрантами, каталонцы не предоставляют им возможности и надобности выучить родной язык Каталонии. Вторая кампания получила название «Говоря на каталанском, ты выигрываешь» (En

[265] Boix-Fuster E., Melià J., Montoya B. Policies Promoting the Use of Catalan in Oral Communications and to Improve Attitudes towards the Language // Democratic Policies for Language Revitalisation: the Case of Catalan / Ed. por M.Strubell, E. Boix-Fuster. – London: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 8–13.

català, tu hi guanyes). Она была нацелена на стимулирование использования каталанского в сфере обслуживания клиентов. Задачами программы, помимо прочего, являлись повышение осведомленности о положениях Закона «О языковой политике» 1998 года, касающихся этой сферы, а также оказание поддержки обслуживающему персоналу в изучении каталанского посредством предоставления им памяток для общения с клиентами на каталанском.

Несмотря на предпринимаемые шаги, каталанский все меньше использовался в неформальном общении, поэтому власти Каталонии продолжали запускать языковые кампании. В 2005 таковой стала «Подтолкни каталанский» (Dóna corda al català). Эта кампания транслировала идею о том, что все люди должны поддерживать свои языки, использовать их, чтобы они оставались живыми, и что это касается и каталанского. Целевой аудиторией кампании были все жители Каталонии. Интересным является то, что ее авторство не представлялось очевидным, то есть тот факт, что она была запущена государством не подчеркивался[266].

В 2009–2010 гг. каталанское правительство провело очередную кампанию – «Доверь каталанскому» (Encomana el català). Ее целью, как и прежде, было поощрение использования каталанского языка в тех случаях, где переходят на испанский язык без необходимости. Кампания включала транслирование роликов, семинары, караоке и другие мероприятия. Ее отличительными особенностями стали активное вовлечение представителей гражданского общества Каталонии, а также задействование социальных сетей.

В настоящее время также проводится немало государственных кампаний и программ для продвижения каталанского в отдельных сферах жизни. Например, Главным управлением языковой политики (Direcció General de Política Lingüística), подведомственным Департаменту культуры (Departament de Cultura), вместе с Генеральным секретариатом по спорту

[266] Ibid. – P. 20–25.

была запущена программа «Двигайся на каталанском» (Mou-te en català!), направленная на распространение каталанского языка в спортивных учреждениях и центрах, а также поощрение знания каталанского спортсменами и профессионалами отрасли. Все тем же Главным управлением языковой политики теперь уже в сотрудничестве с Департаментом юстиции (Departament de Justícia) проводится кампания «Говорить на каталанском также и о законе» (En català, també és de llei), задачей которой является информирование граждан о том, что они могут обращаться в учреждения сферы правосудия используя каталанский, а также побуждение профессионалов отрасли к тому, чтобы они использовали этот язык в качестве рабочего. Помимо этого, реализуются программы по продвижению каталанского в сфере бизнеса, кино, литературы и даже игр[267].

Отдельного внимания заслуживает деятельность Ассоциации для лингвистической нормализации (Consorci per a la Normalització Lingüística), включающей Женералитет Каталонии и многочисленные органы власти других уровней. Ее цель – стимулирование изучения и распространение во всех сферах жизни родного языка Каталонии. Ассоциация располагает сетью из 22 центров лингвистической нормализации по всей территории автономного сообщества. Ассоциация предлагает курсы каталанского разного уровня, тематики и формы проведения (в том числе онлайн), является одним из кураторов виртуального портала для изучения этого языка, участвует в языковых кампаниях, созданных другими учреждениями, а также реализует собственные программы. Наиболее выдающейся, бесспорно, является программа языкового волонтерства Voluntariat per la llengua. Программа, функционирующая с 2003 года, позволяет практиковать испанский посредством разговора как лично, так и онлайн. В ее рамках создаются языковые пары, где один – волонтер, который свободно говорит на каталанском, а другой – ученик с базовыми знаниями этого языка.

[267] Llengua catalana. Campanyes [Электронный ресурс] / Generalitat de Catalunya. – URL: https://llengua.gencat.cat/ca/serveis/informacio_i_difusio/campanyes/ (дата обращения: 12.03.21).

Ассоциация проводит кампании, зачастую основанные на распространении видеороликов, для популяризации языкового волонтерства среди местных жителей. Одна из них – «Когда говоришь – творишь магию» (Quan parles fas màgia).

Не только органы управления автономного сообщества занимаются продвижением каталанского языка, заметна, например, деятельность неправительственной организации «Платформа в защиту языка» (Plataforma per la Llengua), самоименуемой «НПО каталанского». Штаб-квартира организации находится в Барселоне, но представительства, помимо Каталонии, располагаются в Валенсии, Альгеро и на Балеарских островах. Деятельность Платформы распространяется на различные территории присутствия каталанского языка, поэтому ее деятельность также относится и к остальным условно выделенным уровням конфликта – национальному и международному. Организация занимается продвижением каталанского как «инструмента социальной сплоченности»[268]. Действия, предпринимаемые Платформой в защиту языка, носят разносторонний характер. К примеру, только в 2019 году организация, помимо прочего, провела кампанию для появления каталанского языка на сайтах крупных компаний, имеющих представительства в Каталонии, организовала концерт современной музыки на каталанском Meridiana Rock, запустила бесплатное приложение Apparella't для поиска партнера в изучении каталанского, выступила партнером в реализации программы iCatkids для продвижения каталоноязычных блогеров таких площадок, как YouTube и Instagram, приняла участие в создании короткометражного фильма о последствиях неофициального статуса каталанского языка в ЕС[269].

Однако стоить подчеркнуть, что Платформа получает значительные субсидии со стороны каталанского правительства и открыто поддерживает

---

[268] L'ONG del català [Электронный ресурс] / Plataforma per la Llengua. – URL: https://www.plataforma-llengua.cat/qui-som/ (дата обращения: 12.03.21).

[269] El 2019, 25 anys treballant per la llengua Memòria anual. Resum d'activitats [Электронный ресурс] / Plataforma per la Llengua. – 19 p. – URL: https://www.plataforma-llengua.cat/media/upload/arxius/memories/Memo%CC%80ria%202019.pdf (дата обращения: 12.03.21).

независимость Каталонии, а ее методы и публичные заявления порой не соответствуют представлениям о «мягкой силе». К примеру, в 2019 году стало известно, что члены организации шпионили за учащимися и учителями 50 каталонских школ, чтобы узнать, на каком они языке общаются в стенах образовательного учреждения, не зная, что за ними наблюдают[270].

Итак, можно заметить, что власти автономного сообщества вели и продолжают вести очень активную работу по продвижению родного языка Каталонии среди ее жителей. Это и создание специальных ведомств и организаций, занимающихся конкретно языковой политикой, и проведение государственных кампаний по распространению каталанского, и финансирование соответствующих мероприятий, например бесплатных для учеников языковых курсов. Через деятельность такого рода органы власти стараются по максимуму задействовать гражданское общество, сплотить его, повлиять на общественное мнение и сформировать патриотическое отношение к языку и Каталонии вообще.

Так, с 80-х годов власти Каталонии, используя разные инструменты, в том числе продвижение каталанского языка, начали процесс по оттачиванию исключительно каталонской идентичности, отличной от испанской, что стало одним из глубинных факторов нарастания сепаратистских настроений в регионе. В Каталонии соседствуют три типа идентичности: каталонская, каталоно-испанская и испанская. Каталонцы с каталонской идентичностью являются наиболее активной частью каталанского общества, поддерживающей независимость. Согласно опросу Центра изучения общественного мнения (Centre d'Estudis d'Opinió, CEO) Каталонии, проведенного в ноябре–декабре 2020 года, 41,5% опрошенных каталонцев чувствуют себя как испанцами, так и каталонцами, 25,5% – больше каталонцами, чем испанцами, 22,5% – только каталонцами, 4,1% – больше испанцами, чем каталонцами, и лишь 3,7 % ощущают себя только

[270] Mondelo V. Colau admite espionaje en los patios de tres escuelas de Barcelona [Электронный ресурс] // El Mundo. – 18 septiembre 2019. – URL: https://www.elmundo.es/cataluna/2019/09/18/5d811d06fc6c8300768b4695.html (дата обращения: 14.03.21).

испанцами[271]. Для сравнения: в 2004 году исключительно каталонцами себя считали только 15% опрошенных[272].

Активное продвижение родного каталанского языка среди населения Каталонии усилиями как государственных, так и негосударственных учреждений внесло свой вклад в формирование каталонской идентичности и, соответственно, приблизило автономные органы управлении Каталонии к своей цели – получение независимости Каталонии, ведь так они получили социальную базу, необходимую для этого. На рисунке 2[273] показаны предпочтения каталонцев в отношении территориальной модели Каталонии в зависимости от родного языка опрошенных.

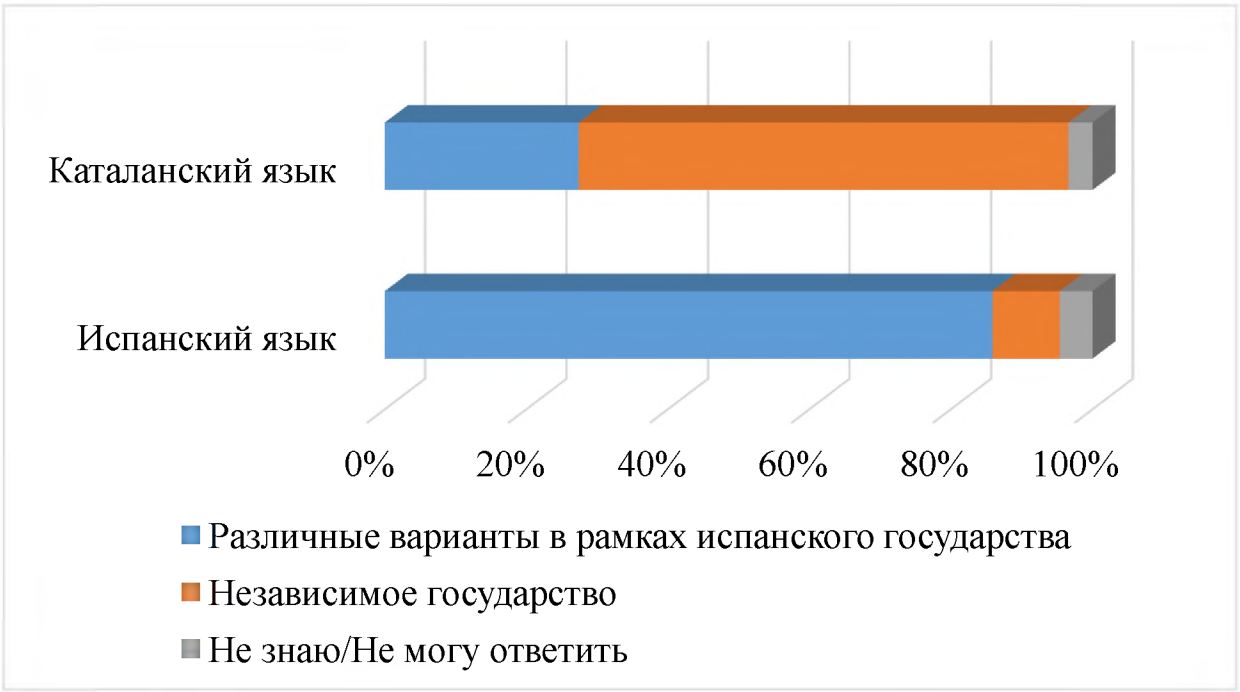

Рисунок 2 – Предпочтения в отношении территориальной модели Каталонии в зависимости от родного языка

[271] Enquesta sobre context polític a Catalunya. 2020. Dossier de prensa [Электронный ресурс] / Centre d'Estudis d'Opinió. – 2020. – URL: http://upceo.ceo.gencat.cat/wsceop/7848/Dossier%20de%20premsa%20-988.pdf (дата обращения: 14.03.21). – P. 31.

[272] Baròmetre d'opinió Enquesta encarregada per l'Idescat i Centre d'Estudis d'Opinió [Электронный ресурс] / Generalitat de Catalunya. Departament d'Economia i Finances. – 2004. – URL: http://upceo.ceo.gencat.cat/wsceop/287/Informe%20de%20resultats_a-287.pdf (дата обращения: 15.03.21). – P. 45.

[273] El conflicto independentista en Cataluña [Электронный ресурс] / Real Instituto Elcano. – 2019. – URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/947006ee-0c43-4237-96e7-0453c9ce2e1f/Cataluna-Dossier-Elcano-Octubre-2019.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=947006ee-0c43-4237-96e7-0453c9ce2e1f (дата обращения: 5.06.2021). – P. 33.

Еще раз отметим, что мощным ресурсом «мягкой силы» заинтересованной в получении независимости стороны является именно каталанский язык, другой официальный язык Каталонии, аранский, таковым не является. Неслучайно на референдуме 1 октября 2017 года среди всех комарок Каталонии наименьшая поддержка независимости (83,99%) и самая низкая явка (24,44%) были зафиксированы в Валь-д'Аран[274].

Помимо распространения каталанского языка, укреплению каталанской идентичности и, соответственно, нарастанию сепаратистских настроений способствует продвижение и поднятие престижа в целом каталонской культуры и культурного наследия. В этой сфере правительство Каталонии работает по многим направлениям: от особой охраны и развития музейного дела до популяризации фотоискусства в Каталонии.

Среди инструментов, которыми каталанские власти реализуют потенциал данного ресурса «мягкой силы», выделим вручение наград. Наиболее престижным знаком отличия, присуждаемым в Каталонии, является Золотая медаль Женералитета Каталонии (Medalla d'Or de la Generalitat de Catalunya). Начиная с 1978 года, она ежегодно вручается человеку или учреждению, чьи заслуги в политической, культурной, научной или социальной сфере способствовали приумножению и распространению культурного наследия Каталонии. Следующая по степени значимости награда – Крест Сант-Жорди (Creu de Sant Jordi). Она была учреждена в 1981 году и ежегодно присуждается людям и социальным учреждениям, чья деятельность оказала Каталонии выдающиеся услуги в защите ее идентичности или в целом в культурной и гражданской сферах. Помимо этих знаков отличия высшего ранга, правительство Каталонии присуждает множество других наград, в том числе в более узких областях, особенно выделяется внушительное число премий в области литературы на каталанском языке.

---

[274] Referèndum d'Autodeterminació de Catalunya. Resultats definitius [Электронный ресурс] / Generalitat de Catalunya. – URL: https://govern.cat/govern/docs/2017/10/06/17/31/a3c84f5f-a902-4f55-b3a9-41e112d7a8d9.pdf (дата обращения: 15.03.21). – P. 4.

Интересно проследить, что из 18 человек (не учитывая учреждения-победители), получивших Золотую медаль Женералитета Каталонии в 2010–2020 гг., 14 в разное время публично заявляли о своей приверженности независимости Каталонии или хотя бы настаивали на праве каталонцев на самоопределение. Что касается обладателей Креста Сант-Жорди в 2020 году, то в этом году награду получило 29 человек, из них 10 публично выказывали схожие настроения.

Помимо действий властей в данном сфере, заслуживает внимания деятельность некоммерческой организации Òmnium Cultural. Она была создана в 1961 году для содействия развитию каталанского языка и каталонской культуры, социальной сплоченности и образованию, однако спустя годы существования стала включаться в другие социальные проблемы и, например, на современном этапе открыто выступает за независимость Каталонии. До 2013 года организация получала гранты со стороны каталонского правительства, однако в дальнейшем финансировалась исключительно благодаря частным взносам, за исключением средств от органов управления местного уровня для проведения соответствующих культурных мероприятий. В начале 2021 года организация насчитывала более 182000 членов и 41 региональное отделение[275]. Что касается действий по продвижению языка и культуры Каталонии, то Òmnium Cultural, помимо прочего, ежегодно вручает премии, некоторые из которых считаются одними из самых престижных в Каталонии. Начиная с 1969 года организация каждый год вручает Premi d'Honor de les Lletres Catalanes – премию человеку, чья литературная или научная работа на каталанском языке внесла заметный вклад в культурную жизнь каталонских земель (Països Catalans). Также широкую известность получило ежегодное мероприятие Nit de Santa Llúcia, в течение которого вручаются три литературные премии за работы на каталанском языке разного жанра. Кроме того, организация присуждает

[275] Òmnium Cultural [Электронный ресурс] / Òmnium Cultural. – URL: https://www.omnium.cat/en/#omnium (дата обращения: 9.11.21).

награды молодым авторам до 18 лет, пишущим на каталанском, а также премии в аудиовизуальной сфере. Отметим, что все перечисленные награды Òmnium Cultural сопровождаются получением денежного приза, однако представляется, что, несмотря на это, их вполне можно рассматривать в качестве инструментов «мягкой силы», поскольку составляющая почета и престижа нивелирует элемент условного подкупа. Вообще, использование разного рода грантов и стипендий – распространенный инструмент «мягкой силы».

Следует заметить, что вручение наград как Женералитетом Каталонии, так и Òmnium Cultural может выходить за рамки условно обозначенного регионального уровня действия «мягкой силы», поскольку ее победителями могут стать не только жители Каталонии.

С момента нарастания напряженности в отношениях Каталонии с Испанией Òmnium Cultural все чаще применяет более «жесткую силу»: занимается организацией массовых мероприятий, в том числе демонстраций, по случаю празднования национального праздника Каталонии – Диады, проводит пропагандистские кампании в поддержку независимости Каталонии от Испании, а также для оказания давления на центральную власть по различным вопросам и пр. Такие действия выходят за рамки предмета настоящего исследования, однако демонстрируют, насколько близко соседствуют «мягкие» и «жесткие» приемы борьбы в этнополитическом конфликте в Испании.

По этой же причине в работе не освещается деятельность Каталанской национальной ассамблеи (Assemblea Nacional Catalana) – организации, целью которой является достижение Каталонией независимости. Основные шаги, предпринимаемые Ассамблеей, – это проведение пропагандистских кампаний и организация массовых мероприятий в поддержку независимости.

Говоря о «мягкой силе» Каталонии в конфликте с центральной властью, нельзя не подчеркнуть особое место спорта, в частности футбольного клуба «Барселона». Основанный в далеком 1899 году клуб, как

уже было сказано в предыдущей главе, стал символов Каталонии, ее брендом, он также без преувеличения стал важной частью каталонской истории и культуры и повлиял на формирование идентичности, отличной от испанской. Неслучайно традиционно большая часть преданных болельщиков «Барселоны» придерживаются сепаратистских взглядов. ФК «Барселона» с многозначительным девизом «Больше, чем клуб» (Més que un club) на протяжении всей своей истории был очень политизированным и часто поддерживал региональную власть в ее конфликтах с центром, а фанаты нередко рассматривали матчи против мадридского клуба «Реал Мадрид» сквозь политическую призму. Деятельность клуба и ее фанатов сыграла немалую роль в увеличении числа сочувствующих сепаратистской цели на всех условно выделенных уровнях: региональном, национальном и международном.

Для самих каталонцев это связано с упомянутой идентичностью: например, каждый домашний матч – это во многом призыв к патриотизму, хотя бы из-за обилия каталонских флагов на стадионе и пения гимна Каталонии на 17 минуте 14 секунде (в честь событий 1714 года). В целом для всех фанатов, в том числе далеко за пределами Каталонии, это объясняется желанием во всем поддерживать любимую команду, следовать ее примеру. А свою позицию по таким политическим вопросам ФК «Барселона», присоединившийся к Национальному пакту за право самоопределения (Pacte Nacional pel Dret a Decidir) и Национальному пакту за референдум (Pacte Nacional pel Referéndum), выражает достаточно ясно, несмотря на отсутствие прямой поддержки независимости в официальных коммуникациях клуба.

Так, 20 сентября 2017 года, незадолго до проведения референдума о независимости Каталонии, на фоне проведенных обысков и задержаний в нескольких департаментах правительства Каталонии ФК «Барселона» на своем официальном сайте опубликовал заявление, в котором «оставаясь верным своей исторической приверженности защите земли («país»), демократии, свободе самовыражения и праве решать («derecho a decidir»),

осуждает любые действия, которые могут препятствовать полному осуществлению этих прав»[276]. 2 октября на следующий день после проведения референдума на тот момент президент «Барселоны» Жозеп Бартомеу от лица клуба осудил применение силы для препятствия проведению голосования. В своем выступлении Бартомеу подчеркнул, что «мы, каталонцы, заслужили право быть услышанными» и что клуб «продолжит рассказывать миру о реальности нашего края («país») и нашей приверженности его народу и его свободам, которым клуб верен на протяжении 118 лет своей истории, <…> пользуясь нашим присутствием в международных спортивных организациях». Закончил свою речь экс-президент ФК «Барселона», как это нередко случается в официальных коммюнике клуба, фразой на каталонском: «¡Visca el Barça i visca Catalunya!» («Да здравствует Барса и да здравствует Каталония!»)[277]. Футбольный клуб также официально реагировал и на применение 155 статьи Конституции центральной властью Испании, выражая «полную поддержку демократическим институтам Каталонии, которые были выбраны ее гражданами» и настаивая на диалоге между Барселоной и Мадридом для решения сложившейся ситуации[278]. В октябре 2019 после вынесения Верховным судом Испании приговора каталонским политическим и гражданским лидерам в связи с их причастностью к проведению референдума «Барселона» в своем коммюнике с заголовком «Заключение – это не решение» вновь настаивала на политическом диалоге и переговорах для решения конфликта, что также способствовало бы освобождению осужденных[279].

---

[276] Comunicado del FC Barcelona [Электронный ресурс] / FC Barcelona. – 20 septiembre 2017. – URL: https://www.fcbarcelona.es/es/club/noticias/742650/comunicado-del-fc-barcelona (дата обращения: 15.03.21).

[277] Declaración institucional del presidente Josep Maria Bartomeu [Электронный ресурс] / FC Barcelona. – 2 octubre 2017. – URL: https://www.fcbarcelona.es/es/club/noticias/738221/declaracion-institucional-del-presidente-josep-maria-bartomeu (дата обращения: 15.03.21).

[278] Apoyo absoluto a las instituciones democráticas de Catalunya escogidas por sus ciudadanos [Электронный ресурс] / FC Barcelona. – 21 octubre 2017. – URL: https://www.fcbarcelona.es/es/club/noticias/738040/apoyo-absoluto-a-las-instituciones-democraticas-de-catalunya-escogidas-por-sus-ciudadanos (дата обращения: 15.03.21).

[279] La prisión no es la solución [Электронный ресурс] / FC Barcelona. – 14 octubre 2019. – URL: https://www.fcbarcelona.es/es/club/noticias/1451999/la-prision-no-es-la-solucion (дата обращения: 15.03.21).

Отношение болельщиков к конфликту Каталонии с центральной властью может формироваться не только благодаря высказываниям администрации клуба, влияние имеют и мнения, выражаемые игроками команды и тренерами, в том числе бывшими. Наиболее заметными фигурами, которые неоднократно публично комментировали ситуацию, являются каталонцы Хосеп (Пеп) Гвардиола, Хавьер Эрнандес Креус, более известный как Хави, и Жерар Пике. Так, в 2017 году все они выступили в защиту права каталонцев на самоопределение и осудили действия властей, которые этому препятствовали. Например, Жерар Пике в день референдума на своих страницах в социальных сетях Twitter и Instagram выложил фото с избирательного участка с подписью на каталанском: «Уже проголосовал. Вместе мы непобедимы в защите демократии»[280]. А в октябре 2019 сделал ретвит упомянутого заявления ФК «Барселона» «Заключение – это не решение» с подписью: «Горжусь быть частью этого клуба»[281]. В начале 2021 года в Twitter у футболиста насчитывалось 19,8 млн подписчиков, в Instagram – 18,4 млн, можно только догадываться, какой эффект могут иметь эти сообщения при такой аудитории.

Безусловно, публичные заявления такого рода и тем более «немягкие» действия отдельных агрессивных болельщиков «Барселоны» с баннерами и политическими лозунгами на трибунах вызывают отторжение у некоторых наблюдателей. Тем не менее сложно отрицать, что спорт – один из важнейших активов «мягкой силы» Каталонии в противостоянии с Мадридом.

Важным механизмом воздействия «мягкой силы» Каталонии на региональном уровне является образование, оно также играет ключевую роль в формировании каталонской идентичности. Речь идет не только об уже

---

[280] Gerard Piqué [Электронный ресурс] // Twitter. – URL: https://twitter.com/3gerardpique/status/914433491747659776 (дата обращения: 17.03.21); Gerard Piqué [Электронный ресурс] // Instagram. – URL: https://www.instagram.com/p/BZs9nWyFtco/ (дата обращения: 17.03.21).

[281] Gerard Piqué [Электронный ресурс] // Twitter. – URL: https://twitter.com/3gerardpique/status/1183680594372247552 (дата обращения: 17.03.21).

упомянутой языковой среде, в которой проходит становление личности обучающегося, хотя это также является одним из определяющих фактором. Принятый в 2009 году Закон «Об образовании», повторяя соответствующие положения Устава автономного сообщества 2006 года, предусматривает, что в образовательной системе Каталонии обычно каталанский язык должен служить языком общения и обучения[282]. Однако этим влияние образования не ограничивается. Дело в том, что особое внимание в процессе обучения уделяется истории, культуре и современности именно Каталонии, а не Испании в целом, что, конечно, сказывается на мировоззрении учащихся. В некоторых случаях излишний упор на этой составляющей кардинально меняет изначально «мягкий» характер данного ресурса силы. По сути, порой это сводится к пропаганде и идеологической обработке учащихся.

Это широко обсуждается и вызывает обеспокоенность на разных уровнях. Показательным является 335-страничный отчет «Националистическая инструментализация образовательной системы в Каталонии: случай 1 октября» (Instrumentalización nacionalista del sistema educativo en Cataluña: el caso del 1 de octubre), подготовленный в 2018 году Советом в поддержку двуязычной школы Каталонии (Asamblea por una Escuela Bilingüe de Cataluña) и Каталонским гражданским обществом (Societat Civil Catalana). Отчет изобилует конкретными примерами материалов каталонских учебников с необъективным, а иногда и откровенно пропагандистским освещением отдельных фактов, использования детей на демонстрациях, наказаний преподавателей и инспекторов, воспротивившихся националистической линии вышестоящих структур, присутствия эстелады, плакатов и прочей символики в поддержку каталонской независимости в образовательных учреждениях и на внеклассных мероприятиях и др. Значительные отличия некоторых каталанских учебников от аналогичных в других частях Испании можно продемонстрировать на одном примере: в

[282] Ley 12/2009, de 10 de julio, de Educación // Boletín Oficial del Estado. – 2009. – №189. – P. 67041–67134.

первых Арагонская корона именуется «Каталаноарагонской»[283]. По мнению авторов отчета, такие действия направлены на достижение целей «Программы 2000» – документа, просочившегося в прессу в 1990 году, который содержал стратегию для проникновения национализма во все сферы жизни каталонского общества. Отметим, однако, что есть эксперты, которые, напротив, опровергают тезис о влиянии образования на рост численности сторонников независимости[284].

Еще одним инструментом «мягкой силы» Каталонии в контексте конфликта с центральной властью Испании вполне ожидаемо являются СМИ. Уже с принятием рассмотренных законов по нормализации языка стало понятно, что Женералитет Каталонии делает ставку на подконтрольные ему государственные СМИ, а также частные, получающие от него субсидии, в деле продвижения каталанского языка и каталонской культуры как основных составляющих каталонской идентичности. Кроме того, что не менее важно, СМИ отвечают за формирование публичного мнения, в том числе в отношении рассматриваемого конфликта.

О том, насколько широко распространяется отвечающая интересам каталонского правительства версия происходящих событий, можно судить по тому, что канал с наибольшей долей телезрителей в Каталонии TV3 (доля аудитории в 2019 году составила 14,6%[285]) и радио, занимающее второе место в Каталонии по количеству слушателей, Catalunya Ràdio (614000 слушателей в день во второй половине 2020 года) принадлежат Женералитету, а самое популярное радио RAC1 (786.000 слушателей)[286] и самые читаемые в Каталонии периодические издания La Vanguardia (482000

---

[283] Instrumentalización nacionalista del sistema educativo en Cataluña: el caso del 1 de octubre [Электронный ресурс] / Asamblea por una Escuela Bilingüe, Societat Civil Catalana. – 2018. – 335 p. – URL: https://www.aebcatalunya.org/images/informe-ensenanza.pdf (дата обращения: 1.06.2021).

[284] См., например, Orriols L. [Электронный ресурс] ¿Es la escuela catalana una fábrica de independentistas? // elDiario.es. – 18 octubre 2017. – URL: https://www.eldiario.es/piedrasdepapel/escuela-catalana-fabrica-independentistas_132_3118743.html 1183680594372247552 (дата обращения: 17.03.21).

[285] Televisión. Reparto de la audiencia. Por cadenas [Электронный ресурс] / Instituto de Estadística de Cataluña. – URL: https://www.idescat.cat/pub/?id=aec&n=774&lang=es (дата обращения: 17.03.21).

[286] Ranking: audiencia radios generalistas [Электронный ресурс] / Asociación para la Investigación de Medios de Comunicación. – URL: https://reporting.aimc.es/index.html#/main/radio (дата обращения: 19.03.21).

читателей в день во второй половине 2020 года), El Periódico (287000 читателей), El Punt-Avui (98000 читателей) и Ara (78000 читателей)[287] получают от него щедрые субсидии. Редакционная политика, активно поддерживающая независимость Каталонии, двух последних газет была четко определена с момента их основания, а вот базовые политические убеждения двух крупнейших изданий La Vanguardia и El Periódico вовсе не дают очевидного ответа на вопрос о национально-территориальном самоопределении. Однако после активизации движения за независимость в 2010-х гг. оба периодических издания, в целом представляя информацию о конфликте с разных сторон, как нам кажется, стали более лояльно настроены по отношению к каталонской власти. Можно предполагать, что субсидии Женералитета Каталонии сыграли в этом свою роль. Помимо государственных субсидий для стимулирования распространения каталанского языка, СМИ получают денежные средства благодаря инвестициям Женералитета в институционную рекламу. На эти цели в 2018 году было направлено 32,47 млн евро, 39,82% этих средств получили печатные СМИ. Обозначенные периодические издания La Vanguardia, El Periódico, El Punt-Avui и Ara получили 2,66 млн евро, 1 млн, 1,36 млн евро и 600,98 тыс евро соответственно. Для сравнения: каталонское издание El País с процентристскими взглядами получило 81,22 тыс евро[288]. Конечно, такие крупные инвестиции, а также ярко выраженный курс в поддержку независимости Каталонии отдельных изданий дают основания полагать, что для достижения своих целей каталонское правительство использует пропаганду. Существует немало работ, отмечающих в этом смысле ключевую роль СМИ в сепаратистком процессе[289]. Таким образом, в случае

---

[287] Ranking de diarios [Электронный ресурс] / Asociación para la Investigación de Medios de Comunicación. – URL: https://reporting.aimc.es/index.html#/main/diarios (дата обращения: 19.03.21).

[288] Memòria de la Comissió Assessora sobre la Publicitat Institucional 2018 [Электронный ресурс] / Generalitat de Catalunya. Comissió Assessora sobre la Publicitat Institucional. – 2019. – URL: https://governobert.gencat.cat/web/.content/10_Transparencia/02_AccioDeGovern/MemoriaPublicitatInstitucional/memoria-2018-publicitat-institucional.pdf (дата обращения: 19.03.21). – P. 26–37.

[289] См., например, Fidalgo Piña S. Tv3 el tamborilero del bruc del proces. – Barcelona: Ediciones HIldy, 2020. – 150 p.

СМИ «мягкая сила» со стороны Барселоны вновь в отдельных моментах перестает быть однозначно «мягкой».

Итак, на региональном уровне «мягкая сила» заинтересованной в независимости Каталонии стороны в основном транслируется через каталанский язык и каталонскую культуру, спорт, образование и СМИ. Большая часть действий в этом направлении направлена на формирование каталонской идентичности, отличной от испанской, поскольку это приводит к созданию необходимой социальной базы, поддерживающей отделение от Испании.

Переходя ко второй стороне конфликта, стоит отметить, что на современном этапе в качестве основных инструментов для борьбы с каталонским движением за отделение от Испании Мадрид использует законодательство и правосудие, что в данном контексте является «жесткой силой». Главным аргументом представителей центральных органов управления является невозможность проведения референдума о независимости Каталонии только среди жителей самого автономного сообщества согласно статье 92 Конституции Испании. Центр неоднократно прибегал к искам в Конституционный суд Испании, например для признания неконституционными положений лингвистического закона 1983 года, Устава Каталонии 2006 года, закона о каталонском образовании 2009 года и закона о проведении референдума 2017 года. Благодаря различным судебным решениям накануне проведения референдума о независимости были заблокированы созданные для его продвижения и информационного сопровождения сайты[290], электронным средствам массовой информации было запрещено размещать связанную с референдумом рекламу[291], в нескольких городах были запрещены мероприятия в поддержку

[290] La Guardia Civil bloquea más de 140 webs de apoyo al 1-O por orden del TSJC [Электронный ресурс] // Agencia EFE. – 26 septiembre 2017. – URL: https://www.efe.com/efe/espana/politica/la-guardia-civil-bloquea-mas-de-140-webs-apoyo-al-1-o-por-orden-del-tsjc/10002-3390284 (дата обращения: 19.03.21).

[291] Prohibida por el TSJC la difusión de publicidad del referéndum en los medios de comunicación digital [Электронный ресурс] // Catalunyapress. – 16 septiembre 2017. – URL: https://www.catalunyapress.es/texto-diario/mostrar/845529/prohibida-tsjc-difusion-publicidad-referendum-medios-comunicacion-digital (дата обращения: 19.03.21).

референдума[292] и пр. После проведения референдума в конце октября 2017 году испанское правительство применило 155 статью Конституции для ограничения автономии Каталонии, продлившегося до июня 2018 года. Отдельного упоминания заслуживает судебный процесс над лидерами сепаратистского движения, имевшими отношение к организации референдума. Приговор по этому делу, вынесенный в 2019 году, вызвал общественный резонанс как внутри Испании, так и за рубежом.

Кроме того, центр применял и непосредственно силовые методы, используя Гражданскую гвардию (Guardia Civil) и Национальную полицию. (Policía Nacional). Гражданская гвардия была задействована, например, в таких мероприятиях, как обыски в типографиях[293] и офисах одной из курьерских служб[294] для изъятия материалов, связанных с проведением референдума. Однако самым заметным и обсуждаемым было использование в Каталонии названых силовых структур в рамках операции «Коперник», призванной предотвратить проведение референдума о независимости в Каталонии, но продлившейся три с половины месяца. Это развертывание сил госбезопасности получило крайне неоднозначную оценку. В день проведения референдума 1 октября 2017 года в столкновениях с полицией и гвардией пострадали сотни граждан[295].

Несмотря на систематическое использование «жестких» методов, Мадрид также прибегает и к исследуемой «мягкой силе». На условно выделенном региональном уровне конфликта у центральной власти меньше

---

[292] Una jueza suspende el acto prorreferéndum catalán de Zaragoza [Электронный ресурс] // El Periódico. – 22 septiembre 2017. – URL: https://www.elperiodico.com/es/politica/20170922/jueza-suspende-acto-pro-referendum-catalan-zaragoza-6304024 (дата обращения: 19.03.21).

[293] La Guardia Civil interviene 100.000 carteles de propaganda del 1-O en Poble Nou [Электронный ресурс] // La Vanguardia. – 15 septiembre 2017. – URL: https://www.lavanguardia.com/politica/20170915/431297725043/guardia-civil-imprentas-lhospitalet-sant-feliu-de-llobregat.html (дата обращения: 19.03.21).

[294] Concluye el registro de Unipost tras desalojar los Mossos una protesta que impedía el paso a la comitiva judicial [Электронный ресурс] // La Vanguardia. – 19 septiembre 2017. – URL: https://www.lavanguardia.com/local/barcelona/20170919/431413037786/concluye-el-registro-de-unipost-tras-desalojar-los-mossos-una-protesta-que-impedia-el-paso-a-la-comitiva-judicial.html (дата обращения: 19.03.21).

[295] Referéndum de independencia en Cataluña: al menos 800 heridos por la actuación de la policía para evitar la votación [Электронный ресурс] // BBC Mundo. – 30 septiembre 2017. – URL: https://www.bbc.com/mundo/noticias-internacional-41453357 (дата обращения: 19.03.21).

возможностей воздействовать, чем у органов управления автономного сообщества и сочувствующих им акторов. Тем не менее «мягкая сила» испанского государства здесь также действует.

Во второй главе настоящей работы было отмечено, что основным активом «мягкой силы» Испании является испанский язык. Этот ресурс эффективен и для борьбы с сепаратистскими настроениями в Каталонии. Несмотря на усилия региональных властей, направленные на распространение каталанского языка в разных сферах, активное использование в автономном сообществе испанского препятствует укреплению исключительно каталонской идентичности. Ранее в работе уже было отмечено, что используемый в повседневной жизни язык влияет на формирование идентичности и, как следствие, на отношение к отделению от испанского государства.

Если говорить о намеренно проводимых мероприятиях по отстаиванию испанского языка в Каталонии, то все наиболее заметные реализуются такими организациями, как Hablamos Español («Говорим на испанском»), Совет в поддержку двуязычной школы Каталонии и – в меньше степени – Каталонское гражданское общество. Зачастую они представляют собой различные судебные иски по причине ущемления испанского языка, помощь, в том числе юридическая, родителям, желающим, чтобы их дети получали образование на испанском, а также кампании для информирования общественности о притеснении испанского в Каталонии. Такие методы работы не представляются непосредственно «мягкими».

Помимо влияния испанского языка, препятствием для усиления каталонской идентичности является и воздействие в целом испанской культуры во всех ее проявлениях. Это касается и современного, актуального влияния и, конечно, исторического, ведь, будучи столетиями частью испанского государства, Каталония не могла его избежать. Например, выступающее за единство Испании Каталонское гражданское общество, чья деятельность поддерживается всеми крупными центристскими партиями, в

своей работе нередко акцентирует внимание на разделяемой Каталонией и Испанией исторической памяти, а также их культурных связях и обменах[296].

Отдельно следует сказать о миграции как факторе, естественным образом способствующем наращиванию «мягкой силы» Испании в борьбе с каталонским движением за независимость. Каталония традиционно привлекает большое количество мигрантов. Причем речь идет как о внутренней миграции, так и внешней. На 1 января 2019 года только 64,27% населения Каталонии родились в этом автономном сообществе, 19,13% являются выходцами из других стран, 16,6% – из остальной части Испании (из них 43,67% – из южного автономного сообщества Андалусия)[297]. Логичное суждение о том, что сторонниками независимости Каталонии гораздо вероятнее будут этнические каталонцы, а не переехавшие туда граждане или их дети, встречается во многих публикациях по этой теме[298]. На рисунке 3[299] представлено отношение к отделению от Испании в зависимости от семейных корней опрошенных.

Понятно, что испанцы, переехавшие жить в Каталонию, скорее всего, будут поддерживать и распространять идею о единстве Испании. Большой процент населения, не являющегося коренными жителями Каталонии и менее склонного к сепаратистским настроениям, приводит к тому, что тезис сторонников независимости об исполнении воли большинства жителей Каталонии резонно ставится под вопрос.

---

[296] Plan estratégico para el curso 2020–2021 [Электронный ресурс] / Sociedad Civil Catalana. – URL: https://societatcivilcatalana.cat/assets/documents/Plan_estrat%C3%A9gico_curso_2020-2021.pdf (дата обращения: 20.03.21). – P. 10–13.

[297] Población empadronada. Por lugar de nacimiento. Comarcas y Aran, ámbitos y provincias [Электронный ресурс] / Instituto de Estadística de Cataluña. – URL: https://www.idescat.cat/pub/?id=aec&n=257&lang=es (дата обращения: 20.03.21).

[298] См., например: Llaneras K. Así se relacionan en Cataluña la renta, el voto, el origen y la independencia [Электронный ресурс] // El País. – 20 febrero 2021. – URL: https://elpais.com/politica/2021/02/19/actualidad/1613741557_146092.html (дата обращения: 25.03.21); Serrano P. C. El origen, clave del independentismo: sólo el 65% de los residentes en Cataluña ha nacido allí [Электронный ресурс] // elEconomista.es. – 4 noviembre 2021. – URL: https://www.eleconomista.es/politica/noticias/8722257/11/17/El-origen-clave-del-independentismo-solo-el-65-de-los-residentes-en-Cataluna-nacieron-alli.html (дата обращения: 25.03.21).

[299] Llaneras K. Así se relacionan en Cataluña la renta, el voto, el origen y la independencia [Электронный ресурс] // El País. – 20 febrero 2021. – URL: https://elpais.com/politica/2021/02/19/actualidad/1613741557_146092.html (дата обращения: 25.03.21).

Рисунок 3 – Отношение к независимости Каталонии в зависимости от семейных корней

Итак, на региональном уровне конфликта центральная власть, несмотря на отсутствие активных мероприятий в русле «мягкой силы», по естественным причинам все равно ею обладает и может воздействовать.

Следующим уровнем анализа этнополитического конфликта является национальный. Обе стороны на нем также располагают «мягкой силой». Сначала рассмотрим соответствующие потенциал и действия заинтересованной в отделении от Испании стороны.

Вновь ведущую роль здесь играют каталанский язык и каталонская культура. В целом культурное каталонское влияние в Испании довольно существенно, однако в контексте этнополитического конфликта, то есть в целях получения поддержки у граждан из других автономных сообществ Испании в вопросе независимости Каталонии, оно представляется ограниченным. Тем не менее граждане, считающие, что Каталония имеет право стать независимым государством, есть. В отдельных частях Испании это можно объяснить как раз влиянием языка и культуры. Речь идет в

основном о тех частях, которые причисляются к так называемым Каталонским странам (кат. Països Catalans).

Этот термин в узком смысле означает территории, где распространен каталанский язык (разные его варианты). Именно в таком культурном и аполитичном значении термин «Каталонские страны» впервые появляется в труде валенсийского юриста и историка Бьенвенидо Оливера. Для обозначения этой культурно-лингвистической общности предлагались и другие термины, например «Каталонские земли» и «Большая Каталония». К Каталонским странам обычно относят испанские территории – Каталонию, Валенсию, Балеарские острова, каталаноязычные части Арагона и Мурсии, а также Андорру, французские Восточные Пиренеи и итальянский город Альгеро на острове Сардиния.

Несмотря на включение в данное понятие частей других государств, в настоящей работе мы говорим об этом культурном влиянии в части, посвященной условно национальному уровню, так как в масштабах международного уровня в контексте испанского этнополитического конфликта его эффект является незначительным.

Со временем термин «Каталонские страны» приобрел еще и политическую трактовку и стал основой для политических проектов. В этом смысле термин получил популярность благодаря работе «Мы, валенсийцы» 1962 года валенсийского писателя Жуана Фустера. В ней автор высказывает идею объединения всех каталаноязычных территорий, утверждая, что это «единственное нормальное будущее» для валенсийцев[300]. В наши дни этот термин в духе панкаталонизма используется, например, левыми каталонскими партиями, некоторые из которых до сих пор, борясь за независимость Каталонии, предлагают в будущем объединение частей культурно-лингвистической общности и создание Каталонских стран. Так, партия «Кандидатура народного единства» (Candidatura d'Unitat Popular,

[300] Fuster J. Nosaltres, els valencians. – Barcelona: Edicions 62, 1996. – P. 109.

CUP) даже в 2021 году в свою программу на выборах в каталонский парламент включила положения о важности создания Каталонских стран[301].

В настоящее время такие геополитические проекты не пользуются какой-либо весомой поддержкой у граждан, особенно за пределами каталонского автономного сообщества. Порой даже причисление какой-либо территории к Каталонским странам, напротив, вызывает негативную реакцию, в том числе в научном сообществе[302]. А согласно результатам совместного исследования Кабицкого М. Е. и Рудник С. М., многим испанцам, живущим в тех частях Испании, которые не причисляются к Каталонским странам, и вовсе вообще или почти не знакомо понятие «Каталонские страны»[303].

И все же, пусть и немногочисленные, сторонники у таких проектов имеются. Например, в уставе левой партии «Валенсийский националистический блок» (Bloc Nacionalista Valencià, Bloc) предусмотрена возможность политического объединения Валенсийского сообщества с территориями, с которыми оно разделяет язык, культуру и историю[304]. А в докладе 2013 года другой партии «Левые республиканцы Валенсийской страны» (Esquerra Republicana del País Valencià, ERPV) говорится о возможном «воссоединении Каталонских стран»[305]. На последних выборах в законодательный орган автономного сообщества Валенсия Валенсийские кортесы (Les Corts или Corts Valencianes) в 2019 году политическая коалиция «Компромисс» (Coalició Compromís), в состав которой входит «Валенсийский националистический блок» получила 443640 голосов (16,44%), а «Левые

---

[301] Un nou cicle per guanyar. Programa polític febrer 2021 [Электронный ресурс] / CUP. – URL: https://perguanyar.cat/wp-content/uploads/2021/01/Programa.pdf (дата обращения: 25.03.21). – P. 111–113.

[302] См., например, Ridaura Martínez M.J. El proceso de independencia de Cataluña: su visión desde la Comunidad Valenciana // Teoria y Realidad Constitucional. – 2016. – № 37. – P. 381–404.

[303] Кабицкий М.Е., Рудник С.М. «Каталонские страны»: концепт и его восприятие // Этнография. – 2020. – № 4(10). – С. 169.

[304] Estatuts [Электронный ресурс] / BLOC. – 2016. – URL: https://compromis.net/wp-content/uploads/2017/11/ESTATUTS-BLOC-ADAPTATS-A-LLEI.pdf (дата обращения: 25.03.21). – P. 7.

[305] Ponència política: “Construïm el País Valencià del Segle XXI” [Электронный ресурс] / Esquerra Republicana del País Valencià. – 2013. – URL: https://locals.esquerra.cat/documents//ponenciacpvalenciaerpv.pdf (дата обращения: 25.03.21). – P. 4, 27.

республиканцы Валенсии» 5069 голосов (0,19%)[306]. Таким образом, можно полагать, что какая-то часть проголосовавших за партии с такими радикальными идеями согласна с тезисом о праве Каталонии выйти из состава Испании, и обусловлено это во многом воздействием каталонской «мягкой силы» – языка и культуры.

Тем не менее в большинстве случае в настоящее время при упоминании Каталонских стран речь идет о культурном взаимодействии территорий, где распространен каталанский язык. Такое сотрудничество для продвижения каталанского языка и каталонской культуры во всех их вариантах в мире осуществляется как на уровне региональных правительств, так и между культурными организациями. Примером межправительственного взаимодействия служит Институт Рамона Льюля, в состав которого входят Женералитет Каталонии, Правительство Балеарских островов и Городской совет Барселоны. Деятельность института упомянута во второй главе настоящего диссертационного исследования. Существует также Фонд Рамона Льюля (Fundació Ramon Llull). В него входят Институт Рамона Льюля, Правительство Андорры, Генеральный совет Восточных Пиренеев (Consell General dels Pirineus Orientals), Городской совет Альгеро, Сеть валенсийских городов Рамона Льюля (Xarxa de Ciutats Valencianes Ramon Llull) и Сеть муниципалитетов и образований Балеарских островов Рамона Льюля (Xarxa de municipis i entitats de les Illes Balears pel Ramon Llull).

Что касается сотрудничества на уровне культурных учреждений, то здесь выделяется Федерация Льюля (Federació Llull), представляющая собой объединение трех основных культурных организаций Каталонских стран – упомянутой ранее Òmnium Cultural, Балеарской культурной деятельности (Obra Cultural Balear) и Культурной деятельности Валенсийской страны (Acció Cultural del País Valencià). Федерация Льюля координирует и

[306] Datos electorales – Elecciones Autonómicas: 2019 [Электронный ресурс] / Corts Valencianes. – URL: https://www.cortsvalencianes.es/es/composicion/resultados/datos-electorales-elecciones-autonomicas-2019 (дата обращения: 25.03.21).

поддерживает организацию большого количества мероприятий и программ по распространению языка и культуры Каталонии, в том числе многих из тех, что уже были упомянуты в работе. Отметим, что все учреждения, составляющие Федерацию, открыто поддерживают Каталонию в ее стремлении стать независимым государством и разделяют панкаталонские идеи о единстве Каталонских стран.

Среди внушительного количества действий в поддержку языка, осуществляемых на всех каталаноязычных территориях, выделим Correllengua – ежегодную культурную кампанию по защите и продвижению каталанского во всех сферах, которая представляет собой целую серию развлекательных, игровых и педагогических мероприятий: концерты, народные танцы, круглые столы, радио- и телепрограммы, парады и пр. Организацией Correllengua на всех территориях распространения каталанского языка, кроме Валенсии, занимается некоммерческая организация Координатор ассоциаций для каталанского языка (Coordinadora d'Associacions per la Llengua catalana, CAL). В Валенсийском сообществе учреждением, ответственным за проведение кампании, является Культурная деятельность Валенсийской страны. Связующий элемент данной кампании – прохождение пламени Каниго (Flama del Canigó) через земли Каталонских стран. Эта каталонская традиция, связанная с летним солнцестоянием, является символом единства каталаноязычных территорий и жизнеспособности каталонской культуры. Ежегодным поддержанием этой традиции занимается Òmnium Cultural.

Женералитет Каталонии активно поддерживает распространение панкаталонских настроений через финансирование соответствующих организаций. Например, в 2017 году каталонские органы самоуправления предоставили субсидии Культурной деятельности Валенсийской страны в размере 654582,16 евро для уплаты ипотечных платежей за штаб-квартиру организации, а также 280000 евро для проведения культурных мероприятий. Кроме того, в том же году поддерживающий тезис политического единства

Каталонских стран Фонд валенсийской школы (Fundació Escola Valenciana) получил 120000 евро, Балеарская культурная деятельность – 60000 евро, а Фонд видеотеки Каталонских стран (Fundació Videoteca dels Països Catalans) – 8000 евро[307]. Причем такое экономическое стимулирование носит не разовый, а систематический характер[308].

Описанные действия по продвижению каталанского языка и каталонской культуры на каталаноязычных территориях и стимулированию по меньшей мере культурного единства наращивают «мягкую силу» Каталонии, которая действует, хоть и ограниченно, и в контексте конфликта Каталонии с центральной испанской властью. Вероятное отражение этого влияния средствами косвенного давления можно увидеть, воспользовавшись результатами опроса общественного мнения «Восприятие территориальной дискуссии в Испании» (Percepció sobre el debat territorial a Espanya), проведенного осенью 2019 года каталонским Центром изучения общественного мнения. Интерес представляет сравнение ответов респондентов из Мадрида, Андалусии и Валенсии. Сравнительная таблица ответов респондентов из трех автономных сообществ на интересующие нас вопросы анкеты представлена в приложении Б.

Как можно заметить по результатам данного опроса, отношение валенсийских респондентов к каталонскому сепаратистскому процессу в целом чуть более благосклонно, чем у респондентов из центра и с юга страны. Например, 15,4% опрошенных валенсийцев были бы за то, чтобы Каталония была независимой, в сравнении с 9,4% респондентами из Андалусии и 5,8% из Мадрида. Результат предполагаемого референдума с явной победой сторонников независимости приняли бы 50,8% граждан, проживающих в Валенсийском сообществе, в Андалусии это сделали бы

[307] Ajuts i subvencions atorgats [Электронный ресурс] / Generalitat de Catalunya. Departament de la Presidència. – URL: https://presidencia.gencat.cat/ca/el_departament/transparencia/economia-i-finances/subvencions/ajuts-i-subvencions-atorgades/ (дата обращения: 25.03.21).

[308] Concessions [Электронный ресурс] / Generalitat de Catalunya. Departament d'Economia i Hisenda. – URL: http://economia.gencat.cat/ca/ambits-actuacio/ajuts-subvencions/registre/concessions/ (дата обращения: 25.03.21).

42,7% опрошенных, а в автономном сообществе Мадрид – 38,8%. 10,4% валенсийцев считают, что Каталония не достигла достаточного уровня автономии от центра, такого мнения придерживаются 7,7% андалусцев и 8,8% мадридцев[309].

«Мягкая сила» стремящейся к отделению Каталонии на рассматриваемом национальном уровне не ограничивается воздействием языка и культуры. Известно, что имидж является составной частью «мягкой силы». Каталонцы стараются воспользоваться им для поиска сочувствующих их цели, которые, в свою очередь, будут оказывать давление на центральную власть. Речь идет о стремлении борцов за каталонскую независимость создать образ Каталонии, которая на протяжении многих лет угнеталась Испанией и имеет полное право самостоятельно решать свою дальнейшую судьбу. За пределами испанского государства на международном уровне конфликта это также активно ими продвигается. В данном аспекте большое значение имеет широко используемый сторонниками независимости термин «право решать». Он представляет собой аллюзию на общеизвестный термин международного права «право на самоопределение». Дело в том, что, согласно испанскому законодательству, каталонцы не считаются нацией, и в соответствии с существующими нормами международного права за Каталонией право на самоопределение не признается, а взятый на вооружение термин позволяет выступающим за независимость номинально выйти из этой неудобной для них ситуации, сохраняя ореол условной законности и взывая к демократическим ценностям[310].

Такая стратегия сторонников независимости имеет значительный успех. Существует немало людей, которые, даже являясь сторонниками государственного единства, согласны с тем, что каталонцы имеют право самостоятельно принять решение о своем будущем и провести

---

[309] Estudis de la Generalitat. Percepció de la societat espanyola sobre el debat territorial a Espanya [Электронный ресурс] / Centre d'Estudis d'Opinió. – 2019. – URL: https://ceo.gencat.cat/ca/estudis/registre-estudis-dopinio/estudis-de-la-generalitat/detall/index.html?id=7368 (дата обращения: 25.03.21).

[310] Хенкин С.М. Каталонский конфликт: Национальное и международное измерения // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 2. – С. 99–100.

согласованный с центральной властью референдум. Например, одна из крупнейших политических партий Испании «Подемос» (Podemos) численность которой на март 2021 года составляет 528582 человека[311], в своей программе говорит о необходимости процесса примирения между Мадридом и Барселоной, при этом выступая за согласованный референдум[312]. А отдельные группы людей, настаивающих на законности проведения каталонского голосования, существуют по всей стране. В этом смысле заметна ассоциация «Мадридцы за право решать» (Madrileños por el derecho a decidir).

Таким образом, на национальном уровне конфликта стремящаяся к независимости Каталония своей «мягкой силой» обязана в первую очередь каталонским языку и культуре, а также продуманному сторонниками независимости имиджу.

Переходя ко второй стороне конфликта в рамках национального уровня, отметим, что Мадрид также целенаправленно занимается созданием выгодного для него имиджа. Как уже было отмечено выше, главный аргумент центральной власти в борьбе с каталонскими борцами за независимость – положения Конституции Испании, а основные методы – юридическо-процессуальные. И если сами по себе иски в суды разных уровней вовсе не являются проявлениями «мягкой силы», то постоянные отсылки к законодательству страны, которое сторонники независимости нарушают, образу Испании как правовому государству и пр. создают центральной власти и поддерживающим их субъектам имидж справедливых борцов за государственную целостность и гарантов стабильности. В описанном выше опросе Центра изучения общественного мнения Каталонии был вопрос о справедливости тюремного заключения политиков-сепаратистов. Несправедливым такое решение считают 33,9% опрошенных

[311] Inscríbete y hazte militante [Электронный ресурс] / Unidas Podemos. – 2019. – URL: https://participa.podemos.info/es (дата обращения: 25.03.21).

[312] Programa político. Elecciones 2019 [Электронный ресурс] / Unidas Podemos. – 2019. – URL: https://podemos.info/wp-content/uploads/2019/10/Podemos_programa_generales_10N.pdf (дата обращения: 25.03.21). – P. 118.

испанских граждан, причем в эту статистику входят и ответы каталонцев, 75,2% которых так считают. В Мадриде, например, лишь 20,8% граждан считают, что лишение сепаратистов свободы несправедливо[313]. То есть действия центральной власти такого плана поддерживаются большинством граждан Испании за пределами Каталонии. Инструментом «мягкой силы» здесь являются крупные испанские СМИ, некоторые из которых задают повестку дня в выгодном для центральной власти русле.

Политика ведения диалога и готовность искать компромисс со сторонниками независимости могут стать еще одним компонентом «мягкой силы» центральных органов управления Испании в контексте этнополитического конфликта. До недавнего времени, несмотря на проведение в разные годы ряда встреч между политическими лидерами двух сторон, процесс переговоров по большому счету не сдвигался с мертвой точки. Первостепенное значение в данной ситуации имеет внутренняя политическая ситуация в стране, поэтому соответствующие положения и приведены в части, посвященной национальному уровню конфликта. До 1 июня 2018 года, когда испанский парламент вынес вотум недоверия правительству Мариано Рахоя, правящей партией Испании с 2011 года была Народная партия (Partido Popular, PP), которая занимала во многом бескомпромиссную позицию по отношению к сторонникам каталонской независимости. Сменив Рахоя, премьер-министром Испании стал генеральный секретарь Испанской социалистической рабочей партии (Partido Socialista Obrero Español, PSOE) Педро Санчес. Невозможность утвердить государственный бюджет, представляя меньшинство в парламенте, вынудила Санчеса назначить внеочередные выборы в апреле 2019. Несмотря на победу PSOE на выборах, сформировать правительство не удалось, и в ноябре этого же года выборы были проведены вновь. На них победу снова одержала PSOE, однако только в январе 2020 года Санчесу все же удалось стать

[313] Estudis de la Generalitat. Percepció de la societat espanyola sobre el debat territorial a Espanya [Электронный ресурс] / Centre d'Estudis d'Opinió. – 2019. – URL: https://ceo.gencat.cat/ca/estudis/registre-estudis-dopinio/estudis-de-la-generalitat/detall/index.html?id=7368 (дата обращения: 25.03.21).

премьер-министром Испании путем парламентского голосования. Его победа с перевесом всего в два голоса стала возможна благодаря двум факторам. Первый из них – союз с левой политической коалицией «Унидас Подемос» (Unidas Podemos, UP), ядро которой составляет уже упомянутая партия «Подемос». В итоге PSOE и UP сформировали первое в истории демократической Испании коалиционное правительство. Вторым и решающим фактором победы кандидатуры Педро Санчеса на голосовании стала договоренность со сторонниками каталонской независимости – партией «Левые республиканцы Каталонии» (Esquerra Republicana de Catalunya, ERC). Эта партия воздержались от голосования взамен на обещание Санчеса начать двусторонние переговоры с региональным правительством по каталонской проблеме.

Уже в феврале 2020 года премьер-министр Испании встретился с Кимом Торра, который на тот момент занимал пост главы Женералитета Каталонии. На самой встрече никаких договоренностей достигнуто не было, и она послужила лишь символическим началом предполагаемого нового этапа в отношениях между Мадридом и Барселоной. Педро Санчес говорил о необходимости поиска решений в рамках законодательного поля, предлагая определенные улучшения в самоуправлении Каталонии, что для главы Каталонии представилось недостаточным.

После этой встречи со стороны Мадрида были сделаны первые шаги по улучшению двусторонних отношений. Например, Барселоне вернулся статус второй культурной и научной столицы Испании. Речь идет о возобновлении действия соглашения, которое было приостановлено Народной партией в 2011 году. Для Барселоны это, помимо символической значимости, значит дополнительные крупные инвестиции из центра. Кроме того, было оговорено создание межадминистративной комиссии по сотрудничеству, состоящей из представителей центральной власти, Женералитета Каталонии и Городского

совета Барселоны[314]. На какое-то время пандемия коронавируса, тяжело ударившая по Испании, сменила повестку дня и приостановила работу по этому направлению.

Позже попытки снизить напряжение между центром и автономным сообществом возобновились. В июне 2021 правительство Испании во главе с Педро Санчесом пошло на решительный шаг – помиловать девять лидеров каталонских сепаратистов, осужденных в 2019 году. Такое решение было принято несмотря на жесткую критику со стороны оппозиции, а также недовольство внушительной части населения страны: согласно результатам опроса общественного мнения, проведенного по запросу газеты El Mundo, 61% испанцев не согласны с помилованием[315]. Спустя несколько дней после помилования Педро Санчес встретился с Пере Арагонесем, который в мае 2021 года стал президентом Женералитета. Их первая встреча не принесла заметных результатов, однако были оговорены этапы дальнейших переговоров. Диалог между Мадридом и Барселоной стал возможен также и потому, что одна из сепаратистских партий «Левые республиканцы Каталонии», в руководстве которой находится Пере Арагонес, стала придерживаться более умеренной позиции и решила добиться независимости Каталонии путем переговоров с центральной властью и согласования с ней референдума.

Таким образом, политика диалога со сторонниками независимости к настоящему моменту не получила значительного развития и пока не способствует в полной мере наращиванию «мягкой силы» тех, кто выступают за сохранение статуса-кво. Тем более что некоторые решения центральной власти в этом ключе не поддерживаются населением страны.

---

[314] Acuerdo de colaboración entre el Gobierno de España y el Ayuntamiento de Barcelona [Электронный ресурс] / Ayuntamiento de Barcelona. – 7 febrero 2020. – URL: https://ajuntament.barcelona.cat/premsa/wp-content/uploads/2020/02/AyuntamientoBarcelona.pdf (дата обращения: 25.03.21).

[315] Benito R. Sánchez quiere imponer los indultos contra la opinión del 61% de los españoles [Электронный ресурс] // El Mundo. – 6 junio 2021. – URL: https://www.elmundo.es/espana/encuestas/2021/06/06/60bcecfae4d4d81a248b45e6.html (дата обращения: 20.08.21).

Отдельно стоит сказать о сотрудничестве Испании и Каталонии в сфере культуры. Современная Испания всегда подчеркивала свое культурное многообразие, называя его своей отличительной чертой и сильной стороной, доказывающей функционирование демократических принципов в стране. Занимаясь продвижением испанского языка и культуры в мире, испанское государство также способствует распространению других языков и культур своего полиэтнического населения. Касается это и каталанского языка и каталонской культуры. Такую деятельность Испания осуществляет через подведомственные МИД структуры, а также с помощью Института Сервантеса, который в 2004 году подписал соглашение с Институтом Рамона Льюля для сотрудничества в соответствующей сфере. Так, в 2007–2011 гг. только одно из главных управлений испанского внешнеполитического ведомства содействовало проведению за рубежом 101 мероприятия, которые частично или полностью были посвящены языку и культуре Каталонии. Эта же тема была у 117 мероприятий, организованных в центрах Института Сервантеса только на протяжении 2012–2013 академического года[316]. Такая деятельность испанского государства способствует росту его «мягкой силы» в отношении каталонцев, ведь она демонстрирует уважение к их культуре и ее достойное место в испанской культуре в целом.

Во второй главе настоящего исследования было отмечено, что одной из составляющих «мягкой силы» Испании за рубежом является испанская монархия. В контексте этнополитического конфликта она также играет свою роль. Испанская Корона – олицетворение единства нации. Несмотря на ряд скандалов, сильнейшим образом повлиявших на репутацию королевской семьи и использованных сторонниками каталонской независимости в своих целях, позиция и мнение нынешнего монарха пока все еще обладают

[316] Por la convivencia democrática [Электронный ресурс] / Gobierno de España. Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación. – 2014. – URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Multimedia/Publicaciones/Documents/Porlaconvivencia/POR%20LA%20CONVIVENCIA%20DEMOCRATICA.pdf (дата обращения: 25.03.21). – P. 169–170.

авторитетом в глазах многих испанцев: особенно граждан старшего поколения и сторонников правых партий.

Традиционно монархи сохраняют нейтралитет во внутренних политических противоборствах, но в рассматриваемом конфликте испанский король Филипп VI решительно поддержал центральную власть. 3 октября 2017 года король выступил с телеобращением к испанским гражданам по поводу ситуации в Каталонии, которую назвал «чрезвычайно серьезной». Сам исключительный формат, выбранный для передачи монаршей позиции, говорит о многом. Если не считать ежегодные рождественские обращения монарха, это обращение стало первым за период правления Филиппа VI и четвертым в целом (с учетом обращений Хуана Карлоса I). В своей речи Филипп VI подчеркнул нарушение положений Конституции и законодательных норм властями Каталонии, а также их «неприемлемую нелояльность» по отношению к государственным ветвям власти и «безответственное поведение». Король Испании обвинил региональные органы управления в разделении каталонского общества и попытке расколоть единство Испании и призвал центральную государственную власть «обеспечить конституционный порядок». Обратившись ко всем гражданам Каталонии, Филипп VI заметил, что демократическое испанское государство предлагает «конституциональные пути» для защиты идей любого человека в рамках закона. Также он обратился отдельно к не разделяющим курс региональных властей каталонцам, заверив, что их права будут защищены[317]. Выступление короля посмотрели почти 12,5 миллионов телезрителей по всей стране; доля аудитории составила 77%. По каталонскому каналу TV3 выступление посмотрели почти 1 млн каталонцев[318].

---

[317] Mensaje de Su Majestad el Rey [Электронный ресурс] / Casa de Su Majestad el Rey. – 03.10.2017. – URL: https://www.casareal.es/EN/Actividades/Paginas/actividades_discursos_detalle.aspx?data=5716 (дата обращения: 25.03.21).

[318] Migelez X. Un total de 12,5 millones vieron el discurso del Rey, el más visto de los últimos 20 años [Электронный ресурс] // El Confidencial. – 4 octubre 2017. – URL: https://www.elconfidencial.com/television/audiencias/2017-10-04/audiendia-discurso-rey-felipevi-mensaje-mas-visto-20-anos_1455223/ (дата обращения: 25.03.21).

Такой ресурс и механизм воздействия испанской «мягкой силы», как спорт, является значимым и в контексте этнополитического конфликта, способствуя укреплению позиций Мадрида. Особую роль здесь играет упомянутая в предыдущей главе Ла лига.

Дело в том, что, если Каталония получит независимость, каталонские футбольные клубы, в том числе, что особенно важно для многих каталонцев, «Барселона», теоретически не смогут принимать участие в этом престижном чемпионате, что повлечет для них, помимо прочего, и экономические проблемы. Несмотря на наличие прецедентов: существуют клубы, которые играют в национальных лигах других стран, президент Ла Лиги Хавьер Тебас неоднократно однозначно заявлял о невозможности «Барселоны» и других каталонских клубов продолжать участвовать в национальных соревнованиях в случае отделения Каталонии от Испании[319]. Даже если руководство Ла Лиги изменит свое мнение, такие вопросы должны будут решаться еще с ФИФА и УЕФА. Кроме того, многие клубы, ассоциации и болельщики, вероятно, будут высказываться против участия независимой Каталонии. Вариант создания собственной каталонской лиги также представляется непростым. Ведь неизвестно, как воспримет ее УЕФА: если как новую страну с новым коэффициентом, то это повлияет на получение и количество мест в Лиге чемпионов и Лиге Европы. Вместо получения мест напрямую командам придется проходить процесс предварительной классификации. Помня о том, насколько многие каталонцы преданы «Барселоне» и вообще какое место спорт занимает в Каталонии, можно предполагать, что это также влияет на их отношение к каталонской независимости.

Упоминания заслуживает и роль аналитических центров Испании. Во второй главе уже было сказано о их важности в формулировании государственных политик по наращиванию «мягкой силы». В контексте

[319] Tebas: “Si los clubes apoyan el independentismo, quedarán fuera de LaLiga” [Электронный ресурс] // La Vanguardia. – 7 octubre 2017. – URL: https://www.lavanguardia.com/deportes/futbol/20171007/431852868767/tebas-independencia-catalunya.html (дата обращения: 25.03.21).

внутреннего конфликта некоторые из них также способствуют укреплению позиции центральной власти, проводя различные исследования по теме и распространяя их результаты, в том числе на международной арене. Особое место здесь вновь занимает Королевский институт Элькано.

Итак, на национальном уровне наращиванию «мягкой силы» сторонников государственной целостности способствуют имидж блюстителей законного порядка, позиция испанского монарха, деятельность испанского государства по продвижению каталонской культуры, а также престижные национальные спортивные турниры.

Последним уровнем конфликта между Каталонией и Испанией является международный. После обострения испанского внутреннего конфликта и взятия каталонскими властями курса на независимость как сторонниками независимости, так и центральной властью была осознана значимость мнения международных политических институтов и в целом международной общественности по этому вопросу. Выступающая за независимость сторона возлагала надежды на то, что под давлением других акторов международных отношений Испания согласится на проведение референдума и примет его результаты. Таким образом, Женералитет Каталонии стал активно развивать свои международные связи с целью формирования международного общественного мнения в поддержку упомянутого права решать. Безусловно, первостепенное значение для борющихся за независимость Каталонии имел и продолжает иметь Европейский союз. Даже после проведения несогласованного с центральной властью референдума, результаты которого не были признаны, каталонское правительство продолжает делать ставку на международное измерение конфликта, транслируя миру свою версию происходящего. Мадрид, в свою очередь, как прежде, так и сейчас старается пресекать такие действия сторонников независимости, применяя «жесткую силу» – уже неоднократно упомянутые юридические и процессуальные методы.

Прямое подтверждение тому, что вывод конфликта на международный уровень является одной из важнейших стратегий борющихся за независимость Каталонии на пути достижения своей цели, и что особое место в этой стратегии отводится ЕС, можно найти, например, непосредственно в декларации независимости Каталонии, подписанной 10 октября 2017 года и одобренной региональным парламентом 27 октября. В этом документе под названием «Декларация представителей Каталонии» (Declaració dels representants de Catalunya) есть следующие положения: «призываем международное сообщество и власти Европейского союза вмешаться, чтобы остановить текущее нарушение гражданских и политических прав, а также наблюдать за переговорным процессом с испанским государством и быть свидетелями», «выражаем желание построить европейский проект <…>, а также готовность продолжать применять, беспрерывно и в одностороннем порядке, нормы правовой системы Европейского союза», «призываем государства и международные организации признать Каталонскую Республику независимым и суверенным государством»[320]. Эта декларация позже была аннулирована Конструкционным судом Испании.

В декабре 2014 года был принят первый каталонский Закон «О внешнеполитической деятельности и отношениях с Европейским союзом» (Llei d'acció exterior i de relacions amb la Unió Europea). Спустя два года Конституционный суд Испании, рассмотрев жалобу Мариано Рахоя, признал недействительными некоторые статьи этого закона, вторгающиеся в юрисдикцию испанского государства.

В январе 2016 года каталонским правительством было создано ключевое ведомство для достижения международных целей сторонников независимой Каталонии – Департамент иностранных дел, институциональных отношений и транспарентности, позже

[320] Declaració dels representants de Catalunya [Электронный ресурс] // Ara. – URL: https://static1.ara.cat/ara/public/content/file/original/2017/1010/20/declaracio-d-independe-ncia-signada-per-jxs-i-la-cup-0a28a46.pdf (дата обращения: 23.08.21). – P. 3.

переименованный в Департамент внешнеполитической деятельности, институциональных отношений и транспарентности опять же из-за решения Конституционного суда. В настоящий момент он именуется Департаментом внешнеполитической деятельности и открытого правительства.

До 2014 года у Каталонии было лишь 5 официальных представительств за рубежом, в 2014–2015 открылось еще 3. С появлением Департамента внешнеполитической деятельности их число быстро растет, а деятельность набирает обороты. К настоящему моменту, как уже было указано в предыдущей главе, насчитывается 18 каталонских делегаций, разбросанных по всему миру. Каталонские «посольства» расположены в Бельгии (в Брюсселе), Германии, Франции, Великобритании, США, Италии, Португалии, Швейцарии, Австрии, Хорватии, Латвии, Дании, Аргентине, Мексике, Тунисе, Австралии, Японии и Сенегале. Как можно заметить, 11 из 18 делегаций располагаются в европейских странах (9 из них – страны-члены ЕС). Отметим, что шесть последних были открыты, когда автономия Каталонии была уже восстановлена (после применения центральной властью 155 статьи Конституции, приостановившей работу Департамента внешнеполитической деятельности, Совета по публичной дипломатии Каталонии и всех существовавших на тот момент международных делегаций Каталонии, кроме делегации в Брюсселе).

Разумеется, конечной целью описанной парадипламатической активности является признание Каталонии независимым государством, однако ближайшей целью является в целом познакомить поближе международное сообщество с Каталонией, а в отношении конфликта – представить позицию каталонских властей по этому вопросу и отстоять право Каталонии самостоятельно определять свое будущее. Причем сторонники независимости стремятся сформировать не только мнение властных структур, но и рядовых граждан других стран, чтобы последние также влияли на позицию органов управления своих государств в отношении каталонской независимости. Не имея какой-либо весомой «жесткой силы» на

международной арене, Каталония может делать ставку лишь на «мягкое» воздействие. Важную роль здесь играет создание описанного раннее имиджа и продвижение соответствующих политических ценностей. Любая открытая поддержка сторонников независимости другим государством вызовет конфликт последнего с Испанией, поэтому в русле «мягкой силы» Каталония на международном уровне в первую очередь говорит не о получении независимости, а о правах человека и демократических ценностях. Жесткие меры со стороны центральной власти, например силовое вмешательство при проведении референдума, применение 155 статьи Конституции и осуждение политиков-сепаратистов, вносят свою лепту в создание желаемого борцами за независимость образа Каталонии, которая, по их версии, угнетается недемократическим испанским государством.

Ключевым инструментом для формирования международного общественного мнения и создания привлекательного имиджа является публичная дипломатия. Во всех трех планах внешней деятельности Женералитета Каталонии (2010–2015, 2015–2018, 2019–2022), содержание последнего из которых было признано Конституционным судом противоречащим основному закону Испании, есть положения о применении этого инструмента каталонским правительством. В ноябре 2012 года для проведения публичной дипломатии была создана отдельная структура – Совет по публичной дипломатии Каталонии. Он представляет собой объединение государственных и частных организаций, целью которого является продвижение имиджа Каталонии за рубежом путем создания и укрепления связей с гражданами и институтами других стран. В Совет входят 38 членов, среди них – органы власти Каталонии разных уровней, учреждения сферы бизнеса, университеты и другие образовательные учреждения, профсоюзные организации, предприятия социального сектора, а также сферы спорта (ФК «Барселона»). Деятельность Совета направлена на установление связей между государственными и частными учреждениями Каталонии и зарубежной аудиторией для распространения и обмена идеями,

культурой и ценностями. Такая деятельность Совета по публичной дипломатии Каталонии включает организацию различных конференций и семинаров, реализацию программ обменов, работу с зарубежными средствами массовой информации, проведение исследований по актуальным для Каталонии темам и распространение их результатов, а также предоставление стипендий и организация учебных курсов для каталонских граждан и учреждений с целью вовлечь их в процесс укрепления международной проекции Каталонии[321]. Работа Совета способствует улучшению международного имиджа Каталонии, тем самым увеличивает ее «мягкую силу», немалую роль в этом играет факт участия негосударственных субъектов, которые, как известно, в данном контексте вызывают у аудитории большее доверие, чем государственные структуры.

Счетная палата (Tribunal de Cuentas) Испании подготовила отчет, в котором, рассмотрев распределение средств на международную деятельность Каталонии в 2011–2017 годах, пришла к заключению о их неправомерном использовании. Согласно документу, более 70% мероприятий, проведенных Советом по публичной дипломатии Каталонии в этот период, «конечной целью имели популяризацию, стимулирование, продвижение и поощрение» процесса, направленного на достижение Каталонией независимости от Испании[322].

Ценности и убеждения, являющиеся одним из важнейших компонентов «мягкой силы» на международной арене, транслируются каталонской властью не только через публичную дипломатию и традиционные дипломатические каналы – «посольства» Каталонии в мире. Большое значение имеют также международное сотрудничество в целях развития и

---

[321] Diálogo internacional. Conectamos. Proyectamos. Capacitamos [Электронный ресурс] / DIPLOCAT. – 8 p. – URL: https://diplocat.cat/media/upload/arxius/publicacions/QuadripticDiplocat_ES.pdf (дата обращения: 25.03.21).

[322] Informe de fiscalización relativa al destino dado a los recursos asignados a la ejecución de políticas de acción exterior de la Comunidad Autónoma de Cataluña, correspondientes a los ejercicios 2011-2017. №1.319 [Электронный ресурс] / Tribunal de Cuentas. – URL: https://www.tcu.es/repositorio/7b967dfb-a08f-493e-a159-a7cb7d1c4071/I1319.pdf (дата обращения: 25.03.21). – P. 235.

гуманитарная деятельность Каталонии, а также ее участие в борьбе с изменением климата. Отдельно выделим первое направление.

Помощь другим странам, проявление ответственной и солидарной позиции на международной арене характеризует Каталонию с положительной стороны. Основным организмом Женералитета Каталонии, проводящим соответствующую деятельность, является Каталонское агентство по сотрудничеству в целях развития. Заметим, что, в отличие от международных представительств Каталонии и Совета по публичной дипломатии, чья работа во многом посвящена освещению конфликта между Испанией и Каталонией и объяснению миру точки зрения Женералитета, Агентство по сотрудничеству, во всяком случае на данный момент, не участвует в реализации стратегии каталонской власти для получения международной поддержки в вопросе получения независимости. Отсутствие какой-либо привязки к этнополитическому конфликту повышает доверие к деятельности Агентства, и «мягкая сила» Каталонии даже в контексте стремления к независимости от этого только выигрывает, ведь так гипотетическое новое государство зарекомендовывает себя как достойного партнера на международной арене.

Однако власти Каталонии до недавнего времени были не очень заинтересованы в наращивании «мягкой силы» в такой долгосрочной перспективе, делая ставку на кратко- и среднесрочные цели. И даже сейчас Женералитет Каталонии для получения международной поддержки интенсивнее занимается институциональными связями, чем международным сотрудничеством по глобальным повесткам дня, а работа с гражданским обществом других стран нередко ведется по темам, так или иначе имеющим отношение к конфликту с центральной испанской властью. Подтверждение тому, что международное сотрудничество в целях развития не было приоритетным направлением внешней деятельности Каталонии, можно найти, проанализировав динамику государственных расходов на данную деятельность. В таблице 1 представлены средства, выделяемые из бюджета

Каталонскому агентству по сотрудничеству в целях развития в 2007–2020 гг[323]. Более наглядно динамика финансирования Агентства представлена на рисунке 4.

Таблица 1 – Государственное финансирование Каталонского агентства по сотрудничеству в целях развития в 2007–2020 гг

Год	Финансирование, млн евро
2007	52,06
2008	67,46
2009	49,79
2010	39,34
2011	22,16
2012	15,26
2014	6,23
2015	8,61
2016	13,62
2017	17,40
2019	24,70
2020	30,01

Как можно заметить, на фоне обострения конфликта с Мадридом государственные расходы на международное сотрудничество были существенно снижены, достигнув своего наименьшего значения в 2014 году. Последующий постепенный рост финансирования этой структуры обусловлен внутренней политической конъектурой Каталонии. Однако к настоящему моменту финансирование международного сотрудничества с целью развития не достигло тех значений, которые были до обострения

[323] Pressupostos de la Generalitat [Электронный ресурс] / Generalitat de Catalunya. Departament de la Vicepresidència i d'Economia i Hisenda. – URL: http://aplicacions.economia.gencat.cat/wpres/AppPHP/02_entitats.php?any=2020 (дата обращения: 25.03.21).

конфликта с центром. Средства были перенаправлены на приоритетные парадипламатические тактики Женералитета – открытие официальных представительств за рубежом, проведение дипломатических мероприятий и пр.

Рисунок 4 – Государственное финансирование Каталонского агентства по сотрудничеству в целях развития в 2007–2020 гг

Уже было отмечено, что важнейшей стратегической зоной парадипломатии Каталонии является ЕС. С 2018 года каталонское правительство начало разработку «Плана Европа» (Pla Europa), завершившуюся составлением Белой книги. Цель Плана – укрепить присутствие и влияние Каталонии в Европе, а также зарекомендовать ее как надежного партнера Европейского союза. Важной частью Белой книги стало формулирование стратегии в духе «мягкой силы» для обеспечения независимой Каталонии места в ЕС. Одним из наиболее вероятных последствий отделения Каталонии от Испании является автоматический выход Каталонии из ЕС. Это обстоятельство часто используется центральной властью как весомый аргумент в пользу государственной целостности. В

качестве контраргумента каталонское правительство в пункте «Поощрять и продвигать институциональные механизмы, которые делают возможным внутренние расширения Союза» Белой книги предлагает Европейскому Союзу в рамках его «демократического строительства» «сформулировать механизмы, которые сделают возможными» внутренние политические процессы, «направленные на увеличение текущего числа государств-членов без изменения внешних границ». Эта «новая модель расширения» ЕС должна позволить «новым государствам, возникшим демократическим путем в рамках ЕС», продолжать быть частью Союза[324].

Работа с международными акторами ведется каталонским правительством не только за рубежом, но и на территории самой Каталонии. Одним из факторов, способствующих реализации описываемой стратегии Женералитета и, как следствие, наращиванию «мягкой силы» Каталонии, является наличие большого количества консульств зарубежных стран в Барселоне. В 2010 году в столице Каталонии находилось 95 консулов: 41 штатный и 54 почетных, что делает ее одним из городов-лидеров по этому показателю[325]. Попытки сторонников отделения Каталонии от Испании повлиять на мнение международной общественности через контакты с консулами находятся под пристальным вниманием Мадрида. Среди «жестких» контрмер центральной власти Испании отметим высылку из страны 5 почетных консулов, которые каким-либо образом проявили свою симпатию к движению за независимость Каталонии.

Несмотря на то, что к настоящему моменту ни одно суверенное государство мира не признало Каталонию независимым государством, «мягкая» деятельность борцов за каталонскую независимость на международной арене имела определенные результаты. Сторонники

---

[324] Pla Europa. Libre blanc [Электронный ресурс] / Generalitat de Catalunya. Departament d'Acció Exterior, Relacions Institucionals i Transparència. – 2019. – URL: https://exteriors.gencat.cat/web/.content/saeue/00_pla_europa/llibre_blanc/pla_europa_llibre_blanc_complet.pdf (дата обращения: 30.03.21). – P. 18.

[325] Faus J. El estrés de ser diplomático en Barcelona [Электронный ресурс] // El País. – 6 agosto 2019. – URL: https://elpais.com/ccaa/2019/08/04/catalunya/1564940351_781295.html (дата обращения: 2.04.21).

независимости достигли свою ближайшую цель – о конфликте Каталонии с Мадридом заговорили во всем мире, ему были посвящены статьи в крупнейших СМИ[326], у права решать появилось немало сочувствующих из разных стран. Помимо отдельных высказываний в пользу каталонской независимости от лиц, имеющих вес в разных сферах, к маленьким победам сторонников независимости можно отнести тот факт, что немало депутатов и представителей местных органов управления из разных стран выразили личное благосклонное отношение к признанию Каталонской Республики. Кроме того, тема конфликта, зачастую в контексте защиты прав человека, демократии и необходимости диалога между центром и регионом, помимо Европейского парламента, поднималась в парламентах разных стран: Бельгии (во Фламандском парламенте), Великобритании (и отдельно в парламенте Шотландии), Германии, Дании, Ирландии, Португалии, Уругвая, Финляндии, Швейцарии, Швеции и Эстонии.

Наращивание «мягкой силы» Каталонии на международной арене в контексте конфликта с центральной властью Испании происходит по большой части благодаря вышеописанной государственной деятельности дипломатического, причем часто традиционного, характера. Однако определенный вклад вносят и другие субъекты. Например, мы уже говорили о влиянии на международном уровне, хотя и ограниченном, каталанского языка и каталонской культуры, а также о том, какие организации занимаются распространением панкаталонских настроений. Добавим, что Институт каталонских исследований (Institut d'Estudis Catalans), имеющий определенное международное влияние, также открыто выступает в поддержку права Каталонии на самоопределение.

Большое значение имеет и каталонский спорт. Ярким примером вновь является ФК «Барселона». Позиция клуба и отдельных лиц, каким-либо образом ассоциирующихся с ним, в поддержку независимости Каталонии

[326] См., например, Minder R. Catalan Separatists' Trial: How They Got Here, and What They Could Face [Электронный ресурс] // The New York Times. – 11 February 2019. – URL: https://www.nytimes.com/2019/02/11/world/europe/catalonia-separatists-trial.html (дата обращения: 2.04.21).

влияет на мнение фанатов не только внутри Испании, но и за рубежом. Учитывая огромное количество таковых во всех уголках мира, это обстоятельство не следует упускать из внимания, тем более что многие сторонники независимости Каталонии из мира спорта целенаправленно стараются интернационализировать конфликт. Так, например, в 2019 году популярность получило видеообращение уже упомянутого бывшего игрока и тренера ФК «Барселона» и ныне главного тренера «Манчестер Сити» Пепа Гвардиола. В этом видео на английском языке и с субтитрами на испанском и каталанском Гвардиола выступает в поддержку движения за независимость Каталонии, критикует испанское государство за вынесенный сепаратистским лидерам приговор, называя его «прямой атакой на права человека», и настаивает на поиске демократического решения конфликта. Кроме того, что очень важно, каталанский тренер обращается к международному гражданскому обществу, чтобы оно оказало давление на правительства своих стран, чтобы последние, в свою очередь, вмешались в конфликт, а также призывает международное сообщество четко показать свою позицию в поддержку урегулирования, «основанного на диалоге и уважении»[327].

Таким образом, вывод конфликта на международный уровень – одна из ключевых стратегий сторонников независимости Каталонии. «Мягкая сила» Каталонии в данном контексте базируется в первую очередь на имидже и соответствующих ценностях, которые продвигаются по большей части благодаря активной традиционной и публичной дипломатии.

«Мягкая сила» испанского государства в контексте конфликта с Каталонией опирается на создаваемый центральной властью имидж демократического государства, борющегося с сепаратистами, чьи требования противоречат законодательству страны, а убеждения разделяются далеко не большинством граждан автономного сообщества. В период, когда в Испании правящей была Народная партия, Мадрид обычно не отвечал на

[327] Pep Guardiola en suport a Tsunami Democràtic [Электронный ресурс] // Catalunya Free TV. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=YWsoKwPxtwQ (дата обращения: 2.04.21).

международной арене на выпады сторонников независимости, направляя усилия лишь в целом на улучшение образа испанского государства в мире. После вынесения вотума недоверия правительству Мариано Рахоя в 2018 году и прихода к власти Испанской социалистической рабочей партии ситуация меняется.

Менее чем через год после своего создания упомянутый во второй главе Государственный секретариат по «Глобальной Испании» подготовил доклад под названием «Реальность сепаратистского процесса» (La realidad sobre el proceso independentista). Документ содержит без малого 90 страниц с учетом приложений, его цель – представить прежде всего международной, но также и национальной публике версию Мадрида о том, что происходит в стране. Доклад, помимо прочего, включает хронологию развития конфликта, всестороннее объяснение судебного процесса над сепаратистскими лидерами, опровержение наиболее распространенных и, по мнению авторов документа, недостоверных фактов о конфликте, используемых сторонниками независимости, информацию о негативных последствиях, с которыми имеет дело Каталония из-за сепаратистского движения, и доказательства достижения Испанией высокого уровня демократии. Документ завершается ответами на 23 вопроса о конфликте, в которых «Глобальная Испания» парирует основные доводы сторонников каталонской независимости. Один из вопросов посвящен утверждению сторонников независимости о том, что отделение Каталонии не повлечет за собой ее выход из ЕС. Ответ на него дается однозначный – «Лиссабонский договор и его толкование нынешним руководство ЕС предельно ясны. Независимая Каталония будет третьей страной, она автоматически окажется за пределами Европейского союза»[328].

Выход Каталонии из ЕС в случае отделения от Испании – один их факторов, увеличивающих «мягкую силу» испанского государства, что в

[328] La realidad sobre el proceso independentista [Электронный ресурс] / España Global. – 2019. – URL: http://www.exteriores.gob.es/Embajadas/PARIS/es/Noticias/Documents/LA%20REALIDAD%20SOBRE%20EL%20PROCESO%20INDEPENDENTISTA%20-%2024%20septiembre%202019.pdf (дата обращения: 2.04.21). – P. 69.

полной мере осознается и используется центральными органами управления. Эта тема часто поднимается испанскими политиками как на национальном, так и на международном уровне. Например, этот вопрос много раз обсуждался бывшим министром иностранных дел Испании каталонцем Жозепом Боррелем, ныне занимающим должность верховного представителя Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности.

Этот политик, настроенный крайне негативно по отношению к сепаратистскому процессу, значительную часть времени своего пребывания во главе испанского внешнеполитического ведомства посвятил борьбе со сторонниками каталонской независимости на международной арене. Результатом его активной работы в этом направлении можно считать разработку Европейской комиссией за демократию через право (Венецианской комиссией) обновленных указаний по проведению референдумов. В данном документе консультативный орган при Совете Европы однозначно постановил, что проведение референдума невозможно, если это не предусмотрено конституцией государства или законом, которой ей соответствует[329]. В теоретическом аспекте это сильный удар по каталонским сторонникам независимости и еще один штрих в образ блюстителей законности субъектов, выступающих за государственное единство. ЕС невыгодна возможная цепочка сецессий, которая непременно приведет к кризису объединения, Мадрид этим пользуется для увеличения своей «мягкой силы» в условиях борьбы со сторонниками независимости Каталонии.

Отметим, что прямое продвижение на международном уровне, в том числе через публичную дипломатию, позиции испанского государства в противовес распространению версии борцов за независимость на настоящий момент приостановлено. Например, Государственный секретариат по «Глобальной Испании» позже изменил вектор своей деятельности и до

[329] Directrices revisadas sobre la celebración de referendos [Электронный ресурс] / Venice Commission. – 2020. – URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2020)031-spa (дата обращения: 2.04.21). – P. 11.

своего упразднения планомерно занимался имиджем Испании в целом. Это можно объяснить описанным выше условным перемирием правящей партии с партиями, поддерживающими независимость Каталонии, в центральном парламенте.

Однако это, конечно, не означает, что Мадрид перестал наращивать «мягкую силу» на международной арене для победы над оппонентами. Продолжается работа по улучшению указанного имиджа и демонстрирования приверженности принципам демократии, правового государства и правам человека. Испанское государство поддерживает соответствующие инициативы на международной арене, участвует в международных программах и пр.

Логично, что на международном уровне у суверенного государства несравнимо больше возможностей и инструментов, включая таковые «мягкой силы», для достижения своих целей, чем у отдельной территории, входящей в состав этого государства. Испанское государство успешно борется с каталонскими сторонниками независимости благодаря развитой сети посольств и консульств, продолжительным и прочным двусторонним отношениям с большим количеством стран, полноправному членству в ЕС и других международных организациях. Все это является факторами и инструментами «мягкой силы» Испании на международном уровне. Неслучайно, несмотря на все международные усилия сторонников независимости, многие страны официально заявили об исключительно внутреннем характере конфликта и невозможности их вмешательства.

Итак, на международном уровне конфликта «мягкая сила» Испании во многом обусловлена имиджем демократического и правового государства. Ее наращиванию способствуют многолетние международные контакты Испании, а также членство в международных организациях, особенно ЕС.

Таким образом, на всех трех условно выделенных уровнях этнополитического конфликта Испании и Каталонии «мягкая сила» государства и субгосударственного актора имеет свои особенности. При всем

разнообразии используемых ресурсов некоторые из них представляются ключевыми и применяются сразу на нескольких уровнях. В случае Каталонии таким ресурсом, без сомнения, является каталанский язык. «Мягкой силой» в рассматриваемом противостоянии Каталонии с Мадридом стороны обязаны не только государственным, но и частным субъектам. Кроме того, немалое значение имеют и факторы, увеличивающие «мягкую силу» участников конфликта без усилий с их стороны. Несмотря на применение «жесткой силы» и ее неоспоримую роль, воздействие «мягкой силы» как политтехнологического инструмента в условиях испанского этнополитического конфликта весьма существенно, поэтому обе стороны, но особенно сторонники независимости Каталонии, активно ее наращивают. Все это доказывает значимость применения «мягкой силы» как политтехнологического инструмента борьбы за национально-территориальное самоопределение в условиях этнополитического конфликта.

3.2 Использование «мягкой силы» как политтехнологического инструмента в этнополитическом конфликте Великобритании и Шотландии

В этнополитическом конфликте между Великобританией и стремящейся к независимости Шотландией «мягкая сила» задействована ничуть не в меньшей степени, чем в рассмотренном выше противостоянии Испании и Каталонии. Пользуясь предложенной ранее схемой, начнем анализ британского конфликта с регионального уровня и шотландской стороны.

Нами было выявлено, что центральный вопрос регионального уровня действия «мягкой силы» в условиях борьбы за независимость – укрепление идентичности. Тема национальной идентичности шотландцев активизировалась в политическом дискурсе Шотландии и Великобритании в целом в последней четверти предыдущего столетия благодаря деятельности

Шотландской национальной партии (Scottish National Party, SNP), которая является ведущей политической силой, выступающей за создание независимого государства. Шотландскую нацию характеризуют как ее история, культура, правовые, политические и социальные институты, отличающиеся от таковых в других частях Соединенного Королевства: свои собственные правовая и судебная системы, местное самоуправление, образовательная система и независимая церковь, – так и определенные разделяемые шотландцами ценности и ориентиры. Обращаясь к таким социально-культурным атрибутам шотландской идентичности, нельзя не сказать о так называемом шотландском мифе.

Речь идет о глубоко укоренившейся в сознании шотландцев вере в то, что шотландское общество по своей сущности является эгалитарным, в нем все признаются равными и всем предоставляются равные возможности. Один из исследователей шотландского мифа почетный профессор социологии Эдинбургского университета Дэвид Маккроун предупреждает, что под мифом здесь понимают не что-то заведомо ложное, а берущую свое начало в далеком прошлом какую-то считающуюся очевидной правду, не требующую доказательств. По Маккроуну, шотландский миф «представляет собой набор социальных, самоочевидных ценностей, социальный этос, прославление священных убеждений о том, что значит быть шотландцем»[330]. Особое влияние на формирование шотландского мифа оказали ценности и убеждения пресвитерианской церкви. Во многом миф нашел свое отражение в шотландской образовательной системе, на протяжении веков дающей возможность получить образование вне зависимости от происхождения и достатка семьи учащегося. Социолог утверждает, что миф открыт к разным интерпретациям, в том числе к той, которая призывает к борьбе с существующим социальным неравенством[331].

[330] McCrone, D. Understanding Scotland: The Sociology of a Nation. – London: Routledge, 2001. – P. 102.
[331] Ibid. – P. 90–100.

Шотландская национальная партия, являющаяся правящей партией Шотландии с 2007 года, в своих предвыборных программах и выступлениях постоянно использует положения, взывающие к содержанию шотландского мифа. Так, часты заявления о стремлении к построению в Шотландии более справедливого и равноправного общества, причем нередко они непосредственно и дополняются утверждением о том, что лучшим средством достижения этой цели является шотландская независимость, поскольку центральная власть Великобритании не дает возможность Холируду это сделать.

Это также является лейтмотивом опубликованного шотландским правительством в ноябре 2013 года 670-страничного документа «Будущее Шотландии: Ваш путь к независимой Шотландии» (Scotland's Future: Your Guide to an Independent Scotland), в котором приводятся преимущества независимости Шотландии, а также представляются очертания будущего государства. В этом проекте по построению независимой Шотландии, приуроченном к референдуму 18 сентября 2014 года, есть конкретное указание на «твердую приверженность Шотландии равенству» («Scotland's strong commitment to equality»)[332], а такие ценности, как сострадание и равенство, признаются ключевыми в формировании национальной истории[333]. Слово «equality» («равенство») в документе встречается 69 раз; «fairer» («более справедливый», «справедливее») – 48 раз, из них 28 – в сочетании со словами «общество(а)», «страна», «нация», «Шотландия» и «будущее»; «inequality» («неравенство») – 36 раз; «equal» («равный») – 30 раз, из них 15 – в сочетании со словами «возможности», «общество(а)», «страна(ы)»; «fairness» («справедливость») – 18 раз.

Неслучайно даже типичный для многих сепаратистских движений тезис об экономической выгоде статуса независимого государства у

[332] Scotland's Future: Your Guide to an Independent Scotland / The Scottish Government. – Edinburg: The Scottish Government, 2013. – P. 608.

[333] Ibid. – P. 10.

правящей партии Шотландии упирается в получаемую возможность построения более справедливого общества и борьбы с неравенством.

Конечно, применение «мягкой силы» шотландским правительством для получения поддержки их курса на отделение от британского государства путем укрепления идентичности шотландцев не ограничивается просто отсылками к предполагаемому врожденному эгалитаризму этой нации. Шотландская власть проводит целенаправленную внутреннюю политику в соответствии с такими ценностями. Так, в 2016 году шотландское правительство опубликовало план действий для борьбы с бедностью, сокращения неравенства и в целом построения более справедливой Шотландии к 2030 году – Fairer Scotland Action Plan. План был сформулирован на основе прямого обсуждения соответствующих вопросов с общественностью в рамках инициативы Fairer Scotland. План включает конкретные шаги шотландских властей для решения обозначенных задач, при этом указывается, что все это делается на фоне ухудшающей ситуацию политики Вестминстера по сокращению социальной помощи[334]. Ежегодно правительством публикуются доклады о ходе реализации плана.

В русле таких инициатив может быть рассмотрена и шотландская миграционная политика. Стремление Шотландии к гораздо более открытой политике в отношении мигрантов, чем та, что продвигается Лондоном, объясняется в первую очередь ее демографической обстановкой. Однако внимания заслуживает то, как много усилий прилагается для помощи приезжающим в их всесторонней адаптации на шотландской земле. Правительство транслирует образ Шотландии как гостеприимной многокультурной страны, где признается вклад каждой культуры в построение шотландского общества и где любому иммигранту предоставляется возможность построить новую достойную жизнь. Особый акцент в миграционной политике Шотландии делается на прием беженцев. В настоящий момент действует уже вторая стратегия по интеграции этой

[334] Fairer Scotland Action Plan / Scottish Government. – Edinburg: The Scottish Government, 2016. – P. 4.

группы «новых шотландцев» – New Scots Refugee Integration Strategy 2018 – 2022.

Другим примером внутриполитического решения шотландской власти в соответствии с описанными ценностями является отмена в 2008 году введенной в 1998 платы за обучение в университетах. Это восстановило знаковую традицию бесплатного образования для всех шотландцев, согласно которой возможности получения образования ограничиваются лишь способностями поступающего, а не его финансовым состоянием. Данный факт является одним из предметов нескрываемой гордости SNP.

Шотландская образовательная система, исторически олицетворявшая торжество принципа равенства возможностей, – сама по себе одна из составляющих шотландской идентичности. Во второй главе работы было обозначено, что образование – один из важнейших ресурсов «мягкой силы» Шотландии. В условиях борьбы за независимость оно является для шотландского правительства и источником, и инструментом «мягкой силы». Ключевой задачей, поставленной нынешним руководством Шотландии в лице SNP в образовательной сфере, является сокращение значительного разрыва в успеваемости между учениками из неблагополучных районов и их более состоятельными одноклассниками («attainment gap»). Для решения этой проблемы, помимо прочего, в феврале 2015 года была запущена комплексная государственная программа, которая задействует целый ряд учреждений, – Scottish Attainment Challenge. В совокупности с другими правительственными мероприятиями программа должна гарантировать, что всем детям и молодежи Шотландии представлена возможность реализовать свой потенциал вне зависимости от условий их жизни. Такая политика принесла определенные результаты. Согласно ежегодной статистике шотландского правительства, в период с 2016–2017 по 2018–2019 учебные годы разрыв в успеваемости между учениками начальной школы из наиболее и наименее благополучных районов по грамотности сократился на 1,4 процентных пункта (с 22,1% по 20,7%), по чтению – на 1,5 (с 18,6% до

17,1%), по слушанию и говорению – также на 1,5 (с 14,5% до 13%), а по письму – на 1,6 (с 20,7% по 19,1%)[335].

SNP делает сильный акцент на образовании в своих выступлениях и решениях. Это происходит еще и потому, что тема образования всегда была одной из ключевых у шотландцев при решении, кому отдать голос на выборах. По результатам опроса, проведенного исследовательской компанией Ipsos MORI накануне майских выборов в парламент в конце марта – начале апреля 2021, образование и вовсе занимало второе место после темы независимости у шотландских избирателей по степени влияния на их будущий выбор[336]. Таким образом, с помощью такого инструмента «мягкой силы» как образование правящая партия не только продвигает национальные ценности, укрепляющие идентичность шотландцев, среди учащихся в частности и шотландского общества в целом, но и непосредственно увеличивает численность своего электората. Все это в итоге ведет к росту числа сторонников независимости Шотландии.

Стоит заметить, что политика SNP в образовательной сфере нередко подвергается критике со стороны оппонентов, которые утверждают, что, несмотря на громкие заявления, ее результаты весьма сомнительны, в том числе в вопросе сокращения разрыва в успеваемости[337]. Кроме того, нынешнее руководство Шотландии обвиняют в переписывании истории в пропагандистских целях. Критики утверждают, что после прихода к власти

---

[335] Achievement of Curriculum for Excellence (CfE) Levels 2018-19. Supporting documents [Электронный ресурс] / The Scottish Government. Learning Directorate. – URL: https://www.gov.scot/publications/achievement-curriculum-excellence-cfe-levels-2018-19/documents/ (дата обращения: 10.04.21).

[336] Scottish Political Monitor April 2021 [Электронный ресурс] / Ipsos MORI Scotland. – 2021. – URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-04/ipsos_mori_scottish_political_monitor_april_2021_data_tables_final_public_0.pdf (дата обращения: 10.04.21). – P. 37.

[337] См., например: Deerin C. The SNP can't disguise Scotland's failing education system // The New Statesman. – 13 June 2012. – URL: https://www.newstatesman.com/politics/scotland/2012/06/snp-can-t-disguise-scotland-s-failing-education-system (дата обращения: 10.04.21); McLaughlin M. SNP school pledge 'was worthless' [Электронный ресурс] // The Times. – 24 March 2021. – URL: https://www.thetimes.co.uk/article/snp-school-pledge-was-worthless-gbth2snzs?clickref=1101liBMBpSW&clickref=1011liBPnKZd&clickref=1011liBPnMqZ&utm_medium=affiliates&utm_campaign=adgoal_eu&utm_source=partnerize (дата обращения: 10.04.21); McLellan J. SNP deserves a D for education but voters still put them top of the class – John McLellan [Электронный ресурс] // The Scotsman. – 19 December 2020. – URL: https://www.scotsman.com/news/opinion/columnists/snp-deserves-a-d-for-education-but-voters-still-put-them-top-of-the-class-john-mclellan-3073111# (дата обращения: 10.04.21).

SNP история Шотландии заняла особое место в учебной программе, причем в технических материалах для ее преподавания стала появляться информация, искажающая реальные исторические факты и изображающая шотландцев в качестве жертв, угнетаемых Англией. Широкое обсуждение общественности получил документ, не так давно опубликованный Education Scotland. Education Scotland – шотландское правительственное агентство, отвечающее за повышение качества образования. В декабре 2020 года на официальном сайте этого исполнительного органа появился 27-страничный документ «Путь к Парламенту Шотландии» (The Road to the Scottish Parliament), предназначенный для использования на занятиях. В нем шотландская история, по мнению многих экспертов, представлялась крайне предвзято. Например, внимание заслужила фраза о 800-летней борьбе шотландцев против гнета Англии. Кроме того, при составлении «Пути» использовались недостоверные исторические данные, очерняющие центральную власть Великобритании[338]. Позже документ был удален, а шотландское правительство заявило, что не имело отношения к его подготовке и утверждению[339]. Свой тезис о желании SNP воздействовать на восприятие нынешней политической обстановки у обучающихся с помощью пропаганды в учебных заведениях критики подкрепляют тем фактом, что в 2013 году возрастной ценз для голосования на шотландских выборах и референдумах, благодаря усилиям в том числе этой партии, был снижен до 16 лет.

Важной составляющей «мягкой силы» Шотландии на региональном уровне является сильная шотландская власть. Управление является важным элементом «мягкой силы». Экспертами это учитывается, например, при составлении рейтингов соответствующей тематики, что было обозначено в первой главе настоящего исследования. В условиях этнополитического

---

[338] Stephenson J. The subversion of history education in Scotland [Электронный ресурс] // The Spectator. – 21 December 2020. – URL: https://www.spectator.co.uk/article/the-subversion-of-history-education-in-scotland (дата обращения: 10.04.21).

[339] Information relating to 'The Road to the Scottish Parliament': FOI release Scotland [Электронный ресурс] / The Scottish Government. – 2020. – URL: https://www.gov.scot/publications/foi-202000124521/ (дата обращения: 10.04.21).

конфликта уверенная, вызывающая доверие политика государственных органов территории, претендующей на отделение, способствует росту сторонников независимости. Это происходит потому, что граждане верят в способность этих органов управлять в будущем независимым государством и отстаивать их интересы уже на новом уровне. Кроме того, объединение общества вокруг исключительно шотландских органов власти способствует укреплению особой идентичности шотландцев.

Отношение шотландцев к своему правительству можно оценить благодаря опросу общественного мнения Шотландии по социальным, политическим и этическим вопросам Scottish Social Attitudes Survey. Он проводится ежегодно с 1999 года институтом социальных исследований ScotCen Social Research, который является одним из ведущих в Шотландии. Начиная с 2004 года Правительство Шотландии почти каждый год финансирует проведение части указанного исследования, посвященной государственным управлению и услугам, а также экономике. Что касается изучения отношения шотландцев к госуправлению, то респондентов ежегодно спрашивают, доверяют ли они Правительству Шотландии и, отдельно, Правительству Соединенного королевства в том, что эти органы власти работают в интересах Шотландии. К обоим вопросам предлагаются четыре варианта ответа: «почти всегда», «чаще всего», «лишь иногда» и «почти никогда». На рисунке 5[340] представлено суммарное процентное выражение доверяющих Правительству Шотландии и доверяющих Правительству Великобритании «почти всегда» или «чаще всего» с 1999 – года основания шотландского правительства – по 2019 год (в 2008, 2014 и 2018 соответствующие данные не собирались).

[340] Scottish Social Attitudes 2019: Attitudes to government and political engagement [Электронный ресурс] / The Scottish Government. – 2020. – URL: https://www.gov.scot/binaries/content/documents/govscot/publications/research-and-analysis/2020/09/scottish-social-attitudes-2019-attitudes-government-political-engagement/documents/scottish-social-attitudes-2019-attitudes-government-political-engagement/scottish-social-attitudes-2019-attitudes-government-political-engagement/govscot%3Adocument/scottish-social-attitudes-2019-attitudes-government-political-engagement.pdf (дата обращения: 15.04.21). – P. 12.

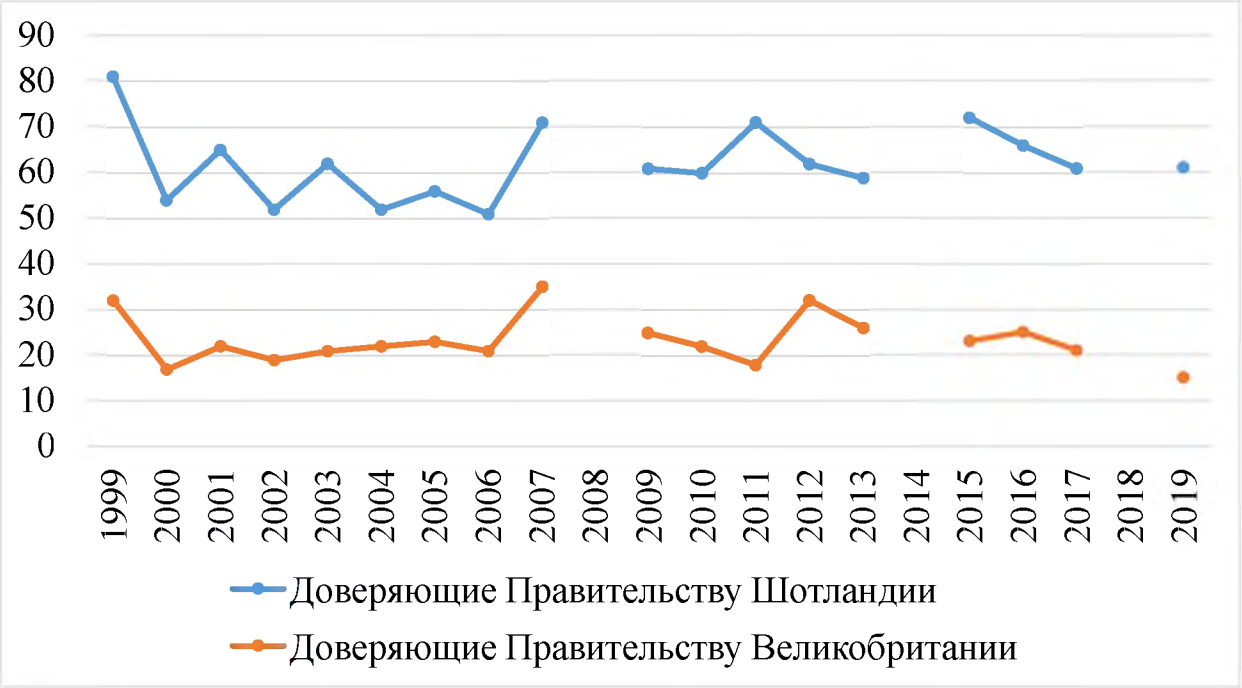

Рисунок 5 – Доверие шотландцев к Правительству Шотландии и Правительству Великобритании

Очевидно, что уровень доверия шотландцев к шотландскому правительству значительно выше, чем к британскому. Процент верящих в то, что их интересы должным образом представляются исполнительными органами Шотландии, никогда не опускался ниже 50%, в то время как процент верящих в то, что это делает правительство в Лондоне, никогда не поднимался выше 35%. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что большинство шотландцев доверяют шотландскому правительству. А это является ключевым моментом в формировании необходимой социальной базы для достижения независимого статуса Шотландии.

Современная Шотландия отличается еще и политической стабильностью – как уже было сказано, SNP не уступает свое лидерство в получаемой поддержке граждан на протяжении 15 лет. Упомянутый выше опрос Ipsos MORI свидетельствует о том, что на начало весны 2021 года 70% шотландцев считают, что эта партия действенно отстаивает интересы

Шотландии[341]. Представляется, что сам факт несменяемости правящей партии также способствует росту числа сторонников независимости: она служит необходимым для многих оплотом стабильности при принятии такого радикального решения как отделение от Великобритании.

Сильная и стабильная шотландская власть находит свое отражение еще и в соответствующих политических лидерах. До 2014 года таковым являлся бывший первый министр Алекс Салмонд, при котором SNP и стала ведущей политической силой Шотландии. В 2014 году должность первого министра, а также роль главного борца за шотландскую независимость перешла к заместителю Салмонда Николе Стерджен. За годы нахождения на посту первого министра Стерджен завоевала доверие граждан и стала одной из самых заметных политических фигур в Великобритании в целом. Согласно опросу шотландских граждан, который был проведен в августе 2020 года международной компанией YouGov, занимающейся изучением общественного мнения, сбором и аналитикой данных, 72% шотландцев старше 16 лет считали, что Никола Стерджен хорошо справляется со своими обязанностями первого министра[342].

Большой вклад в высокий уровень поддержки населением шотландской власти в целом и Николы Стерджен в частности внесла пандемия COVID-19. Решительные действия первого министра для урегулирования санитарного кризиса получили широкое одобрение и признание. Особенно проделанная Стерджен работа выигрывает на фоне многих неоднозначных решений тогдашнего премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона во время пандемии. Опрос Ipsos MORI, посвященный COVID-19, показал, что в ноябре 2020 года 74% шотландских граждан были уверены, что Никола Стерджен хорошо справилась с пандемией коронавируса, 72% сказали то же самое о

---

[341] Scottish Political Monitor April 2021 [Электронный ресурс] / Ipsos MORI Scotland. – 2021. – URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-04/ipsos_mori_scottish_political_monitor_april_2021_data_tables_final_public_0.pdf (дата обращения: 10.04.21). – P. 155.

[342] The Times Survey Results [Электронный ресурс] / YouGov. – 2020. – URL: https://docs.cdn.yougov.com/l0arqcm4ea/TimesResults_200810_ScotlandV2_W.pdf (дата обращения: 15.04.21). – P. 6.

Правительстве Шотландии в целом. Лишь 19% процентов шотландцев считают, что с этой задачей хорошо справился Борис Джонсон, 62% же считают, что он сделал это плохо. Что касается оценки работы Правительства Великобритании, 25% шотландцев оценили ее позитивно и 55% негативно[343]. При этом 39% шотландцев полагают, что независимая Шотландия справилась бы с пандемией лучше, 38% убеждены, что разницы бы не было. Из числа тех, кто в 2014 году проголосовал за шотландскую независимость, 58% считают, что независимая Шотландия справилась бы лучше. Интересно, что такого мнения придерживаются даже 14% проголосовавших против независимости, а 46% из этой же группы опрошенных думают, что независимый статус бы не повлиял на ситуацию[344]. Такой высокой оценкой действий шотландских властей по урегулированию кризиса, помимо прочего, может объясняться их желание как можно скорее провести второй референдум о независимости, ведь этот эффект имеет временный характер.

Стоит заметить, что действия политических лидеров вполне закономерно могут влиять не только позитивно, но и негативно на отношение населения к независимости. Ярким примером негативного воздействия может служить конфликт между Николой Стерджен и Алексом Салмондом, предварявшийся судебным разбирательством в отношении последнего. Салмонд был оправдан, однако Стерджен обвинили в том, что в ходе расследования она нарушила кодекс поведения министра. Сал Салмонд утверждал, что дело против него и вовсе было сфабриковано по ее инициативе. Никола Стерджен избежала отставки, однако все это имело определенные имиджевые последствия. Этот скандал отразился и на поддержке основной цели текущего правительства – независимости Шотландии. Так, проведенный в марте 2021 года опрос британской исследовательской компании Survation выявил, что 29% шотландцев в свете

[343] BBC Scotland COVID-19 Polling Wave 2 [Электронный ресурс] / Ipsos MORI. – 2020. – URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-11/ipsos-mori-bbc-scotland-tables-19-11-20.pdf (дата обращения: 15.04.21). – P. 17.

[344] Ibid. – P. 24.

конфликта между Стерджен и Салмондом менее склонны поддерживать шотландскую независимость[345].

Ранее было обозначено, что пресвитерианство оказало влияние на формирование шотландского мифа равенства. Имеет смысл проанализировать, имеет ли религия какое-то влияние на вопрос о шотландской независимости. Пресвитерианство, отличающееся не только своей доктриной, но и церковной организацией, исключающей епископальное устройство, зародилось именно в Шотландии в середине XVI века. Со временем пресвитерианская церковь смогла стать независимой от государства, такой она является и в настоящее время. Крупнейшей пресвитерианской организацией и национальной церковью Шотландии является Церковь Шотландии (Church of Scotland). В последние десятилетия в Шотландии наблюдается стремительное сокращение числа верующих, в том числе и даже особенно приверженцев национальной церкви. Тем не менее, согласно официальной статистике 2019 года, 20% шотландцев являются последователями Церкви Шотландии, что подтверждает ее статус крупнейшей религиозной группы Шотландии, 13% респондентов назвали себя римскими католиками, 56% сообщили, что не исповедуют никакую религию[346].

Традиционно Церковь Шотландии активно участвует в политической жизни. Если бы она выступила в поддержку шотландской независимости, на стороне заинтересованных в отделении от Великобритании появился бы довольно значимый фактор «мягкой силы». Однако в свете готовящегося референдума 2014 года Церковь Шотландии официально заняла нейтральную позицию. При этом, сохраняя беспристрастность, пресвитерианская церковь

---

[345] Survation Scottish Politics Poll March 2021 [Электронный ресурс] / Survation. – 2021. – URL: https://www.survation.com/survation-scottish-politics-poll-march-2021/ (дата обращения: 10.05.21).

[346] Scotland's People Annual Report. Key findings 2019 [Электронный ресурс] / The Scottish Government. – 2020. – URL: https://www.gov.scot/binaries/content/documents/govscot/publications/statistics/2020/09/scottish-household-survey-2019-key-findings/documents/scotlands-people-annual-report-key-findings-2019/scotlands-people-annual-report-key-findings-2019/govscot%3Adocument/scotlands-people-annual-report-key-findings-2019.pdf (дата обращения: 17.04.21). – P. 14.

проводила в своих стенах собрания, обсуждения и дебаты по вопросу независимости с участием представителей обеих сторон.

Как считают исследователи, нейтральная позиция национальной церкви может объясняться тем, что среди духовенства преобладают настроения в поддержку статуса-кво, но церковь не желает портить отношения с шотландскими властями, выступающими за независимость[347]. Дело в том, что действующий Акт об унии 1707 года закрепил в Шотландии господствующее положение пресвитерианской церкви, а в независимой Шотландии религиозный вопрос может быть пересмотрен. Таким образом, официальная беспристрастность Церкви Шотландии отвечает интересам Лондона.

Тем не менее существует фактор «мягкой силы» религиозного характера, благоприятствующий и сторонникам независимости. Второй по численности религиозной группой в Шотландии, имеющей шансы в будущем занять лидирующую позицию, являются римские католики. Несмотря на то, что в конфликте Эдинбурга и Лондона Римско-католическая Церковь в Шотландии, так же как и национальная церковь, заняла нейтральную позицию, считается, что большая часть римских католиков-мирян охотно поддерживает независимость. Это объясняется в том числе исторически сложными отношениями Римско-католической Церкви с Церковью Англии, имеющей в Англии государственный статус. В независимой Шотландии у католиков могла бы появиться возможность улучшить их нынешнее, по мнению многих, ущемленное, положение. Согласно опросу, проведенному после голосования о независимости 2014 года в рамках более обширного исследования этого референдума, 56% католиков поддержали независимость, в то время как среди протестантов, включающих и пресвитериан, это сделали лишь 40,9%[348].

---

[347] Мудров С.А. Религиозный фактор в референдуме о независимости Шотландии // Социология. – 2016. – № 2. – С. 88–95.

[348] Henderson A., Mitchell J. The Scottish Question, Six Months On [Электронный ресурс] // Transatlantic Seminar Series. – 27 March 2015. – URL:

Однако формальный нейтралитет церквей не является препятствием для некоторых представителей духовенства для выражения собственной позиции. Известны мнения в поддержку как единства, так и независимости. Однако представляется, что суждений в пользу образования независимого государства звучит больше. Например, большую огласку получила декларация в поддержку шотландской независимости, подписанная в августе 2014 года 34 священнослужителями, в том числе бывшими, Церкви Шотландии. По мнению подписавших, независимая Шотландия может добиться большей социальной справедливости, а также избавиться от ядерного оружия на своей территории.

Декларация увидела свет благодаря координации со стороны межпартийной группы христиан-сторонников независимости «Христиане за независимость» (Christians For Independence). Основанная в 2009 году и принявшая активное участие в агитационной кампании перед референдумом 2014 года эта группа и по сей день объединяет христиан разных конфессий в их стремлении к независимой Шотландии. Деятельность организации заключается в распространении путем обсуждений и публикаций информации о преимуществах шотландской независимости с точки зрения христианских ценностей, а также в целом об исторических обоснованиях провозглашения шотландцев нацией и значимости христианства в их национальной истории.

Помимо этой религиозной группы, в кампании в поддержку независимой Шотландии участвовали и другие организации, некоторые из которых функционируют и в настоящее время, – «Женщины за независимость» (Women for Independence), объединяющая женщин с соответствующей целью, «Бизнес для Шотландии» (Business for Scotland), представляющая людей из бизнес-среды, выступающих за отделение от Великобритании, «Национальный коллектив» (National Collective), состоящая

---

https://blogs.sps.ed.ac.uk/scottishreferendumstudy/files/2015/03/Scottish-Referendum-Study-27-March-2015.pdf (дата обращения: 20.04.21). – P. 5.

из представителей сферы культуры, поддерживающих независимость, «Кампания радикальной независимости», состоящая из политиков-сторонников независимости левого политического спектра (Radical Independence Campaign) и др. В настоящей работе деятельность данных организаций не рассматривается, поскольку она по большей части не соотносится с предметом исследования.

Возвращаясь к «мягким» действиям шотландских властей по продвижению идеи независимости на региональном уровне, отметим, что они концентрируются в основном на вопросах гражданского, в основном политического и социального, характера. Это можно объяснить спецификой шотландской идентичности, на укрепление которой направлены такие действия. Как точно замечено в ранее упомянутом совместном исследовании Британского Совета и компании Portland, шотландская идентичность может быть охарактеризована прежде всего как «гражданская» или «политическая», затем как «культурная» и только потом как «лингвистическая»[349].

Тем не менее Эдинбург понимает значимость национальной культуры как ресурса «мягкой силы». В упомянутом ранее правительственном документе «Будущее Шотландии» шотландская культура определяется как одна из самых мощных составляющих национального достояния, а также утверждается, что культурное наследие лежит в основе понимания шотландцами их прошлого, настоящего и будущего[350]. Среди приоритетов в области теле- и радиовещания независимой Шотландии в этом документе указывается необходимость увеличения производства программ о жизни в Шотландии и самих шотландцев[351]. В рассматриваемом контексте внимания заслуживает высказывание бывшего министра (Cabinet Secretary) культуры Шотландии Фионы Хислоп о том, что, хотя деятели культуры и «не должны

---

[349] McClory J. Wales Soft Power Barometer 2018: Measuring soft power beyond the nation state [Электронный ресурс] / British Council Wales. – URL: https://wales.britishcouncil.org/sites/default/files/wales_soft_power_barometer_2018_0.pdf (дата обращения: 6.11.21). – P. 28.

[350] Scotland's Future: Your Guide to an Independent Scotland / The Scottish Government. – Edinburg: The Scottish Government, 2013. – P. 309.

[351] Ibid. – P. 316.

быть близки к правительству», они «должны иметь общее представление о том, чего хочет страна»[352].

Культурная политика не является у шотландского правительства приоритетной на пути достижения независимости, однако определенные шаги по продвижению национальной культуры в соответствии с этой целью все же предпринимаются. Во многом такая деятельность осуществляется путем финансирования, часто через профильные государственные органы, в частности Creative Scotland. Например, значительные бюджетные средства получают организации или другие субъекты культурной сферы, которые занимаются распространением шотландской традиционной культуры.

Так, внушительную поддержку со стороны шотландского правительства получают Fèisean (мн.ч. от Fèis – русск. «фестиваль»). Речь идет об общественном движении, которое занимается популяризацией традиционной гэльской культуры – различных искусств и языка. Первая организация с такой целью – Fèis – появилась в 1981 году на Барре, вскоре идея была подхвачена другими территориями Хайленда, где появились свои Fèisean. Например, в Росс и Кромарти создали Fèis Rois – крупнейшее из существующих обществ. В настоящее время существует целая сеть таких учреждений по всей Шотландии, возглавляемая организацией Fèisean nan Gàidheal, которая оказывает разного рода поддержку местным Fèisean. Основными видами деятельности Fèisean являются преподавание молодым людям и взрослым гэльской музыки, а также поощрение изучения и использования шотландского гэльского языка. К ключевым результатам своей работы Fèisean nan Gàidheal относит продвижение среди молодежи «чувства принадлежности, ценностей, убеждений, идентичности и самовыражения»[353]. Fèisean nan Gàidheal, как и отдельно Fèis Rois, является

---

[352] Wade M. SNP denies trying to shape artists' ideas [Электронный ресурс] // The Times. – 20 September 2017. – URL: https://www.thetimes.co.uk/article/snp-denies-trying-to-shape-artists-ideas-l6bctfqsc?clickref=1011lgIepLBz&clickref=1101liyiPAtr&utm_medium=affiliates&utm_campaign=adgoal_eu&utm_source=partnerize (дата обращения: 20.04.21).

[353] Programme Plan 2018–21 [Электронный ресурс] / Fèisean nan Gàidheal. – URL: https://www.feisean.org/wp-content/uploads/FnG-ProgrammePlan201821.pdf (дата обращения: 20.04.21). – P. 2.

организацией, регулярно финансируемой Creative Scotland. В 2020 году Fèisean nan Gàidheal получил от Creative Scotland 546430 фунтов стерлингов[354].

Порой бюджетные средства получают организации и отдельные представители сферы искусства, которые непосредственно разделяют идею независимости Шотландии. Ярким примером может служить инцидент, произошедший с организацией Scots Language Centre, которая популяризирует еще один коренной язык Шотландии – скотс. В 2015 году на официальном сайте организации появился ряд публикаций, содержащих неоднозначные формулировки, которые были расценены как высказывания в поддержку независимости Шотландии от Великобритании. Например, Акт об унии 1707 года в одной из статей был назван «предательством шотландской нации». После реакции со стороны общественности, критикующей Scots Language Centre за излишнюю политизированность, не отвечающую профилю учреждения, материалы такого содержания были удалены[355]. Организация функционирует по большей части благодаря правительственному финансированию. Начиная с 2010 года она практически ежегодно получала от Правительства Шотландии 70000 фунтов стерлингов. В 2017–2018 финансовом году сумма выросла до 86210 фунтов стерлингов[356].

Для сохранения и популяризации шотландской культуры существует также ряд наград и премий деятелям этой сферы. Например, в литературной среде особое место занимает присуждение звания национального поэта – Scotland's Makar или Scots Makar. Это престижное звание присваивается шотландским правительством с 2004 года. Поэт-лауреат исполняет свои обязанности в течение пяти лет, получая ежегодно 10000 фунтов в качестве

---

[354] Report of the Trustees and financial Statements for the Year Ended 31 March 2020 for Fèisean nan Gàidheal [Электронный ресурс] / Fèisean nan Gàidheal. – URL: https://www.feisean.org/wp-content/uploads/Feisean-nan-Gaidheal-31-March-2020-accounts-signed1.pdf (дата обращения: 20.04.21). – P. 20.

[355] Armour R. Charity under fire amid claims it promotes Scots independence [Электронный ресурс] // Third Force News. – 5 October 2015. – URL: https://tfn.scot/news/charity-under-fire-amid-claims-it-promotes-scots-independence (дата обращения: 20.04.21).

[356] Funding provided to the Scots Language Centre: FOI release [Электронный ресурс] / The Scottish Government. Learning Directorate. – 2018. – URL: https://www.gov.scot/publications/foi-18-01977/ (дата обращения: 20.04.21).

платы за написание литературных произведений и посещение различных мероприятий. Задачей национального поэта является продвижение поэтического наследия и современной поэзии Шотландии, а также создание новых работ, касающихся значимых для нее событий. К настоящему моменту уже три поэта удостаивались чести быть национальными поэтами Шотландии. Что интересно, первые два поэта с этим званием являются ярыми сторонниками шотландской независимости. Что касается третьего, то после брексита эта поэтесса активно выступает за прямое включение Шотландии в ЕС.

Говоря отдельно о лингвистическом аспекте, стоит отметить, что шотландское правительство признает вклад коренных языков в шотландскую культуру и национальную идентичность и предпринимает меры для их сохранения. Выше были приведены примеры поддержки властью организаций, популяризирующих шотландский гэльский и скотс. Такая поддержка оказывается в соответствии с разработанными шотландским правительством официальными стратегиями для продвижения каждого из этих языков. В случае скотса ныне действует Языковая политика в отношении скотса (Scots language policy) от 2015 года. К настоящему моменту существенным результатом соответствующей государственной деятельности можно считать включение скотса в перечень языков, доступных для выбора в качестве второго из двух дополнительных обязательных для изучения языков в шотландских школах, помимо языка преподавания. Однако на практике присутствие скотса в школах все еще ограничивается в основном знакомством с литературным наследием этого языка. Согласно данным переписи населения Шотландии 2011 года, более 1,5 млн шотландцев (30% населения Шотландии) умеют говорить на этом языке[357].

[357] Brief Analysis of the 2011 Census Results [Электронный ресурс] / Scots Language Centre. – 2013. – URL: http://media.scotslanguage.com/library/document/SLC%20Analysis%20of%20Census%202011%20for%20Scots.pdf (дата обращения: 20.04.21). – P. 1.

Защита и повышение престижа гэльского языка представляется более приоритетной задачей шотландской власти. Дело не только в том, что этот язык находится на грани исчезновения: в 2011 году только 87100 шотландцев (1,7% населения) имели хоть какие-то навыки гэльского языка, из них 57600 могли говорить на нем и лишь 32400 человек могли понимать, говорить, читать и писать на нем[358]. Это объясняется еще и тем, что гэльская культура и язык исторически являются важнейшей частью идентичности шотландцев Хайленда и Гебридских островов. Если вокруг скотса, исторически распространенного в Лоуленде, и по сей день ведутся споры о том, является ли он отдельным языком, а не вариантом английского, то язык горцев всегда ассоциировался с чем-то именно шотландским. В наши дни в исследовательских кругах и вовсе можно заметить тенденцию приравнивать идентичность шотландского нагорья шотландской идентичности в целом.

В 2005 году был принят Акт гэльского языка (Gaelic Language (Scotland) Act 2005), в соответствии с которым был создан Bòrd na Gàidhlig – специальный государственный орган, который содействует улучшению положения гэльского языка в Шотландии, а также консультирует шотландское правительство по вопросам, связанным с этим языком. В 2017 был опубликован уже второй план по развитию гэльского языка (Gaelic Language Plan). Одним из наиболее серьезных действий правительства является поддержка образования на гэльском языке. Существует ряд детских садов и школ, предлагающих гэльский в качестве языка обучения. В 2019/2020 учебном году 1045 детей в детских садах, 3701 ученик начальной и 1451 ученик средней школы обучались на гэльском языке; их обучение проводили 459 педагогических работников[359]. Кроме того, гэльский можно

[358] Scotland's Census 2011: Gaelic report (part 1) [Электронный ресурс] / National Records of Scotland. – 2015. – URL: https://www.scotlandscensus.gov.uk/media/cqoji4qx/report_part_1.pdf (дата обращения: 27.04.21). – P. 6.

[359] Gaelic School Data 2019-20 [Электронный ресурс] / Bòrd na Gàidhlig. – 2020. – URL: https://www.gaidhlig.scot/wp-content/uploads/2020/11/D%C3%A0ta-Sgoile-POBLACH-2019-20-2.0-BnG-PUBLIC-Schools-Data.pdf (дата обращения: 27.04.21). – P. 6.

выбрать в качестве первого или второго из двух дополнительных языков в школах.

В число организаций, популяризирующих гэльский язык и культуру и получающих бюджетные средства, в том числе через фонды Bòrd na Gàidhlig, входит An Comunn Gàidhealach. Эта организация, основанная в 1891 году, занимается подготовкой и проведением ежегодного крупнейшего фестиваля гэльской культуры Royal National Mòd (Am Mòd Nàiseanta Rìoghail), а также более мелких провинциальных фестивалей Mòds по всей Шотландии. В 2019 году Royal National Mòd посетили более 10000 человек[360].

Распространению гэльского языка и культуры способствует также запущенный в сентябре 2008 года телеканал на гэльском языке BBC ALBA. Почти все программы этого канала создаются в Шотландии. На канале выходят новости, телепьесы, музыкальные, документальные, развлекательные, образовательные, религиозные и детские программы. Кроме того, особое место в его вещании занимает шотландский спорт. В 2019–2020 гг. 57,4% шотландцев старше 16 лет, говорящих на гэльском, еженедельно смотрели BBC ALBA. Охват в целом шотландской аудитории старше 16 лет составил 10%[361]. Владельцами канала являются компании BBC и MG Alba, последняя из которых занимается медиаконтентом на гэльском языке и почти полностью финансируется Правительством Шотландии. Так, в 2019–2020 финансовом году доход MG Alba, или Gaelic Media Service (Seirbheis nam Meadhanan Gàidhlig), составил 13122986 фунтов стерлингов, из которых 12949950 (98,7%) были получены от правительства[362].

---

[360] Evaluation of the Royal National Mòd [Электронный ресурс] / STR. – 2019. – URL: https://www.gaidhlig.scot/wp-content/uploads/2020/02/STR-and-The-Glamis-Consultancy-Report-Evaluation-of-the-Royal-National-M%C3%B2d-Glasgow-2019_FINAL-REPORT-1.pdf (дата обращения: 27.04.21). – P. 58.

[361] BBC Group Annual Report and Accounts 2019/20 [Электронный ресурс] / BBC. – 2020. – URL: http://downloads.bbc.co.uk/aboutthebbc/reports/annualreport/2019-20.pdf (дата обращения: 12.05.21). – P. 144.

[362] Annual Report and Statement of Accounts 2019/20 [Электронный ресурс] / MG ALBA. – 2020. – URL: https://mgalba.com/wp-content/uploads/2020/12/annual-report-19-20.pdf (дата обращения: 12.05.21). – P. 55.

Кроме того, существует и радиовещание на гэльском языке. В настоящее время крупнейшей радиостанцией на шотландском гэльском является BBC Radio nan Gàidheal. Станция принадлежит подразделению BBC – BBC Scotland – и вещает с 1985 года. На Radio nan Gàidheal, помимо прочего, транслируются традиционная шотландская музыка и образовательные программы для обучения шотландскому гэльскому. Еженедельно в 2019–2020 гг. эту радиостанцию слушали 57,9% шотландцев старше 16 лет, говорящих на гэльском[363].

Необходимо подчеркнуть, что прямой зависимости между владением каким-либо из этих двух коренных языков и поддержкой независимости нет. Исследования по этому вопросу[364] показывают, что в случае с гэльским еще можно усмотреть какую-то связь, а вот взаимосвязи со знанием скотса, вероятно, и вовсе нет. Неслучайно, например, население Оркнейских и Шетландских островов, где распространены диалекты скотса, активно выступает против шотландской независимости. На референдуме 2014 года в округе Оркни за единство Великобритании проголосовали рекордные 67,2% населения, а в Шетланде – 63,7%. Тем не менее сложно отрицать, что эти языки несут символическую ценность и вносят вклад в, хоть и не являющуюся доминантной, культурную составляющую идентичности шотландцев, отличной от британской.

Продолжая тему СМИ, среди тех, которые непосредственно отражают точку зрения сторонников независимости, выделим шотландскую ежедневную газету The National. Ее первый номер появился 24 ноября 2014 года в ответ на возросший спрос со стороны читателей на прессу, поддерживающую идею отделения Шотландии от Великобритании.

---

[363] BBC Group Annual Report and Accounts 2019/20 [Электронный ресурс] / BBC. – 2020. – URL: http://downloads.bbc.co.uk/aboutthebbc/reports/annualreport/2019-20.pdf (дата обращения: 12.05.21). – P. 144.

[364] См., например: Leask D. Does speaking Scots make you more likely to support independence? [Электронный ресурс] // The Herald. – 7 June 2015. – URL: https://www.heraldscotland.com/news/13411864.speaking-scots-make-likely-support-independence/ (дата обращения: 12.05.21); Paterson L. Attitudes to Gaelic and to Scottish Autonomy [Электронный ресурс] // Centre on Constitutional Change. – 30 June 2014. – URL: https://www.centreonconstitutionalchange.ac.uk/opinions/attitudes-gaelic-and-scottish-autonomy (дата обращения: 12.05.21).

Создатели The National публично обозначили политическую позицию газеты, при этом подчеркнув, что издание независимо от правящей партией SNP, то есть не является средством пропаганды власти. При этом интересно, что о выходе в свет этой газеты было объявлено именно на партийном собрании SNP. Без учета подписки на электронную версию газеты средние продажи в день первого номера составили 50000 копий[365], однако со временем показатели продаж падали, и в 2017 году в день продавалось около 7700 копий[366].

Среди инструментов «мягкой силы» борющейся за отделение от Великобритании стороны конфликта представлено и телевидение. Шотландский телевизионный канал STV неоднократно подвергался критике за тесное, по мнению некоторых оппонентов нынешней власти, сотрудничество с шотландским правительством и утверждение выгодной ему повестки дня. Поводом для поиска связи канала с властными органами среди прочего может быть трансляция большого количества рекламных роликов, оплачиваемых Правительством Шотландии. Так, STV занимает первое место среди СМИ по сумме, полученной от правительства за рекламу в 2015–2020 гг., – 3348011 фунтов стерлингов[367]. Однако влияние на общественное мнение оказывается не только через указанный канал. Например, рейтинг шотландской власти и конкретно Николы Стерджен значительно вырос благодаря ежедневным брифингам по ситуации в стране с COVID-19, транслируемых на BBC One Scotland и BBC Scotland.

Итак, как уже было сказано, описанное выше разностороннее воздействие средствами «мягкой силы» правительства и других субъектов на население укрепляет у него шотландскую идентичность, что, в свою очередь,

---

[365] Sweney M. Scotland's National newspaper is here to stay [Электронный ресурс] // The Guardian. – 27 November 2014. – URL: https://www.theguardian.com/media/2014/nov/27/scotland-national-newspaper-here-to-stay (дата обращения: 12.05.21).

[366] The National. January to December 2017 [Электронный ресурс] / ABC. – 2018. – URL: https://www.abc.org.uk/Certificates/48747367.pdf (дата обращения: 17.05.21). – P. 2.

[367] Online, digital and radio advertising spend: FOI release [Электронный ресурс] / The Scottish Government. Communications and Ministerial Support Directorate. – 2020. – URL: https://www.gov.scot/publications/foi-202000018487/ (дата обращения: 17.05.21).

во многом способствует росту сепаратистских настроений. По результатам опроса Ipsos MORI, проведенного за день до референдума Шотландии 2014 года, 81% считающих себя исключительно шотландцами и 58% считающих себя в большей степени шотландцами, чем британцами намеревались поддержать независимость Шотландии, в то время как против независимости собирались проголосовать 81% идентифицирующих себя как британцев, 82% чувствующих себя больше британцами, чем шотландцами и 69% считающих себя в равной степени шотландцами и британцами[368]. Согласно уже упомянутому исследованию Scottish Social Attitudes Survey, в 2020 году 29% шотландцев чувствовали себя исключительно шотландцами, 26% – больше шотландцами, чем британцами, 26% – в равной степени шотландцами и британцами, 4% – больше британцами, чем шотландцами, и 5% – только британцами[369].

Таким образом, на региональном уровне «мягкая сила» сторонников независимости Шотландии базируется в основном на отсылках к шотландскому мифу, шотландском образовании, имеющем прямое отношение к содержанию мифа, сильной политической и управленческой элите и культуре.

Переходя ко второй стороне конфликта, стоит сказать, что на региональном уровне в своих действиях Лондон и поддерживающие его субъекты чаще прибегают к «жесткой силе»: запугиванию и подкупу. Неслучайно официальную кампанию в поддержку единства Великобритании перед референдумом 2014 года СМИ окрестили «проектом “Страх”» («Project Fear»). Кампания делала акцент на экономических и политических рисках выхода Шотландии из Соединенного Королевства и говорила о туманном будущем независимой Шотландии. А одним из решающих аргументом в пользу отказа от независимости для многих голосующих стало обещание

---

[368] Independence Referendum [Электронный ресурс] / Ipsos MORI. – 2014. – 42 p. – URL: https://web.archive.org/web/20140924042744/http://www.ipsos-mori.com/Assets/Docs/Polls/scotland-referendum-18-september-tables.pdf (дата обращения: 17.05.21). – P. 3.

[369] ‘Moreno’ national identity / What Scotland Thinks. – URL: https://whatscotlandthinks.org/questions/moreno-national-identity-5/ (дата обращения: 17.05.21).

расширить полномочия Парламента Шотландии. Так, по результатам независимого опроса общественного мнения Майкла Эшкрофта, выбирая из трех предложенных причин, 25% проголосовавших против независимости поставили будущее расширение полномочий шотландского парламента на первое место по степени значимости, 38% – на второе, 36% – на третье[370].

Тем не менее центральная британская власть использовала и «мягкую силу» для сохранения единства королевства, особенно в период перед референдумом и в течение пары лет после него. Речь идет в первую очередь о ведении политики диалога с шотландскими органами управления, нацеленными на получение независимости. Эдинбургское соглашение 2012 года между Правительством Великобритании и Правительством Шотландии, по которому Шотландии передавались необходимые для организации референдума полномочия, ознаменовало согласие Лондона на его проведение и принятие им любого результата. После референдума обещание о дальнейшей шотландской деволюции было сдержано. По этому вопросу была создана Комиссия Смита (Smith Commission), рекомендации которой позже были выполнены в Акте о Шотландии 2016 года. Такие действия Лондона, демонстрирующие уважение к Эдинбургу как равному партнеру и готовность вести переговоры, значительно укрепили «мягкую силу» Великобритании в контексте этнополитического конфликта, причем не только на региональном, а на всех уровнях.

Однако со временем ситуация изменилась. Покинувший в сентябре 2022 года пост премьер-министра Великобритании Борис Джонсон особо подчеркивал свою приверженность единству Соединенного Королевства. В этой связи в 2019 году он даже создал должность министра по делам Союза (Minister for the Union) и стал первым человеком на этом посту. Борис Джонсон неоднократно заявлял, что не даст свое согласие на проведение нового референдума о независимости Шотландии, и демонстрировал

[370] Scottish Referendum Poll [Электронный ресурс] / Lord Ashcroft Polls. – 2014. – URL: https://lordashcroftpolls.com/wp-content/uploads/2014/11/LORD-ASHCROFT-POLLS-Post-referendum-poll-tables-Sept-2014.pdf (дата обращения: 17.05.21). – P. 17–22.

нежелание искать какой-либо компромисс с шотландской властью. Позицию Джонсона по шотландскому вопросу можно оценить благодаря его многочисленным высказываниям на эту тему. Например, широкий общественный резонанс вызвали его слова о шотландской деволюции, которую он назвал «катастрофой» и «самой большой ошибкой» Тони Блэра[371]. Таким образом, в настоящее время Лондон ушел от политики диалога, что значительно ослабило его «мягкое» воздействие на шотландцев.

Еще одним источником «мягкой силы» сторонников государственного единства на региональном уровне конфликта является разделяемые Шотландией и Великобританией история и культура. Эта связь Шотландии и Соединенного Королевства также была одной из причин отказа от независимости для голосовавших на референдуме. Хотя ее влияние на выбор не было определяющим – все в том же опросе лорда Эшкрофта 43% опрошенных, проголосовавших против шотландской независимости, поставили эту причину на третье место из трех по степени важности[372]. Тем не менее именно к этой культурно-исторической, во многом эмоциональной составляющей обращаются британские политики в тех редких выступлениях, когда для борьбы с сепаратистскими настроениями упоминается что-то помимо предполагаемых негативных последствий отделения Шотландии. Так, бывший премьер-министр Великобритании Гордон Браун на митинге в последний день перед референдумом страстно напоминал о том, что шотландцы и другие нации Соединенного Королевства «вместе сражались и выиграли войну против фашизма», а после «вместе построили мир» и «создали государство всеобщего благосостояния»[373].

---

[371] Boris Johnson 'called Scottish devolution disaster' [Электронный ресурс] // BBC. – 17 November 2020. – URL: https://www.bbc.com/news/uk-politics-54965585 (дата обращения: 19.05.21).

[372] Scottish Referendum Poll [Электронный ресурс] / Lord Ashcroft Polls. – 2014. – URL: https://lordashcroftpolls.com/wp-content/uploads/2014/11/LORD-ASHCROFT-POLLS-Post-referendum-poll-tables-Sept-2014.pdf (дата обращения: 17.05.21). – P. 21–22.

[373] Gordon Brown's speech at the "Love Scotland Vote No" rally in Glasgow [Электронный ресурс] // The Office of Gordon and Sarah Brown. – 17 September 2014. – URL: https://gordonandsarahbrown.com/2014/09/gordon-browns-speech-at-the-love-scotland-vote-no-rally-in-glasgow/ (дата обращения: 19.05.21).

Среди факторов, способствующих наращиванию «мягкой силы» этой стороны конфликта, помимо упомянутого ранее религиозного, можно выделить экономико-географический фактор. По данным 2018 года 60% всего экспорта Шотландии приходится на другие части Великобритании[374]. Статус же независимого государства может сильно пошатнуть существующие торговые отношения, а особенности географического положения Шотландии теоретически осложняют быстрое построение аналогичных с другими странами на таких же выгодных условиях. Однако стоит заметить, что международный экспорт Шотландии постепенно набирает обороты – за 2018 год он вырос на 3,4%, при этом экспорт конкретно в страны ЕС увеличился на 4,5%[375].

Итак, на региональном уровне конфликта между Эдинбургом и Лондоном «мягкая сила» последнего опирается на политику ведения диалога с борцами за шотландскую независимость и общую историю и культуру. Однако в последние годы центральная британская власть не развивает потенциал первого из указанных направлений. Кроме того, есть ряд факторов, естественным образом способствующих наращиванию «мягкой силы» сторонников единства Великобритании.

Следующим уровнем рассмотрения этнополитического конфликта между Великобританией и Шотландией является национальный. На этом уровне, как и на международном, «мягкая сила» субъектов, поддерживающих независимость Шотландии, во многом обусловлена продвигаемым ими имиджем. Они предстают борцами за реализацию законного права на самоопределение, которые используют мирные и правомерные методы. Основными их аргументами являются тезисы о том, что Великобритания – это добровольное объединение народов, и важные решения, напрямую

---

[374] Export Statistics Scotland 2018 [Электронный ресурс] / The Scottish Government. National Statistics. – 2020. – URL: https://www.gov.scot/binaries/content/documents/govscot/publications/statistics/2020/01/export-statistics-scotland-2018/documents/export-statistics-scotland-2018---publication/export-statistics-scotland-2018---publication/govscot%3Adocument/Export%2BStatistics%2BScotland%2B2018%2B-%2BPublication.pdf (дата обращения: 19.05.21). – P. 2.

[375] Ibid. – P. 1.

влияющие на жизнь всей нации, должны принимать сами шотландцы. В представлении сторонников шотландской независимости центральная власть Великобритании на протяжении долгого времени игнорировала мнение шотландцев по многим вопросам и не давала им создать государство в соответствии с разделяемыми нацией ценностями и принципами. Существенную роль здесь играет наличие у шотландцев сильной национальной идеи, связанной с описанным ранее эгалитаристским мифом. Особенно с учетом того, что таковая у Великобритании давно устарела, о чем речь пойдет ниже.

Говоря о законности действий стремящейся к выходу из состава Соединенного Королевства стороны, отметим, что изначально в SNP говорили, что референдум о независимости обязательно будет согласован с Лондоном. Однако позже, ввиду эскалации конфликта на фоне решительных требований шотландской власти о проведении второго референдума и отказа в этом со стороны центральной власти, в SNP стали говорить и о другом сценарии. Так, Никола Стерджен заявила, что, несмотря на отсутствие согласия Лондона, подготовка к организации нового референдума продолжится, а премьер-министр в будущем должен быть готов оспаривать в суде закон шотландского парламента о проведении референдума. То есть можно заметить, что даже в изменившихся условиях Стерджен ссылалась на правомерность процедуры проведения референдума и законные методы борьбы.

Созданный образ, наравне с другими факторами, повлиял на восприятие проблемы шотландской независимости населением других частей Великобритании. Согласно опросу британской газеты The Telegraph, проведенному компанией Savanta ComRes в Англии в мае 2021 года, 42% англичан старше 18 лет считают, что независимость Шотландии – дело исключительно самих шотландцев, в то время как только 32% хотели бы

иметь право голоса[376]. Показательным является и опрос общественного мнения Ipsos MORI апреля того же года, респондентами которого стали жители всех частей Великобритании. В таблице 2[377] представлена статистика ответов населения Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии на вопрос о том, должно ли британское правительство разрешить второй референдум о независимости Шотландии.

Таблица 2 – Статистика ответов на вопрос «Если Шотландская национальная партия получит большинство мест на выборах в шотландский парламент в 2021 году, Вы считаете, что правительство Великобритании должно или не должно позволить им провести еще один референдум о независимости в течение следующих пяти лет?»

Варианты ответов	Административно-территориальная часть Великобритании			
	Англия	Шотландия	Уэльс	Северная Ирландия
Определенно должно	20%	42%	17%	43%
Наверное, должно	31%	14%	34%	23%
Наверное, не должно	18%	10%	18%	10%
Определенно не должно	23%	31%	24%	17%
Не знаю	9%	3%	7%	7%

Результаты опроса показывают, что большинство жителей каждой из частей Великобритании поддерживают идею о проведении нового референдума в Шотландии. В Северной Ирландии шотландский референдум одобряют рекордные 69% населения, и даже в Уэльсе, где уровень

[376] Tominey C. Exclusive: Only a fifth of English voters oppose Scottish independence, Telegraph poll reveals [Электронный ресурс] // The Telegraph. – 28 May 2021. – URL: https://www.telegraph.co.uk/politics/2021/05/28/exclusive-fifth-english-voters-oppose-scottish-independence/ (дата обращения: 5.06.21).

[377] KnowledgePanel UK: Wave 11 Survey - State of the Union [Электронный ресурс] / Ipsos MORI. – 2021. – URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-04/scotland-future-of-the-union-tables-april-2021.pdf (дата обращения: 5.06.21). – P. 2.

поддержки собственных сепаратистских настроений традиционно самый низкий, это делает 51% населения.

Можно предположить, что определенную роль в формировании такого отношения жителей Северной Ирландии и Уэльса к вопросу независимости Шотландии сыграла разделяемая ими кельтская культура.

Территории современной Европы, на которых сохранились кельтские культура и языки, называют кельтскими нациями (Celtic nations) или кельтскими регионами. К кельтским нациям обычно относят шесть территорий: Бретань, Корнуолл, Ирландия, Остров Мэн, Шотландия и Уэльс. Во всех этих регионах (в случае Ирландии – в Северной Ирландии) присутствуют более или менее популярные среди населения движения, выступающие за независимость, которые уверенно подкрепляют влияние общей кельтской культуры в вопросе одобрения шотландского стремления к независимости.

Принадлежность Острова Мэн (коронное владение Великобритании), Бретани (Франция) и Республики Ирландия к этому культурному региону позволяет говорить о том, что кельтская культура является ресурсом «мягкой силы» сторонников шотландской независимости как на национальном, так и на международном уровне, однако, ввиду ее небольшого влияния на достижение конечной цель в мировом масштабе, этот ресурс будет рассмотрен в настоящей части, посвященной национальному уровню конфликта.

Перечисленные нации стали называть кельтскими на основании лингвистических исследований шотландского историка и гуманиста XVI века Джорджа Бьюкенена и валлийского энциклопедиста XVII века Эдварда Ллуйда. Этими учеными было обнаружено сходство языков данных территорий. Языки, названные кельтскими, были разделены на две группы: бриттские (валлийский, бретонский, корнский) и гойдельские (ираландский, мэнский и шотландский). Народы, проживающие в зонах распространения этих языков, также стали называть кельтскими. Кроме того, считается, что

именно в исследовании Джорджа Бьюкенена зародилась идея союза кельтских народов.

Крупнейшими организациями, занимающимися укреплением отношений между кельтскими нациями в различных сферах, являются Кельтский конгресс (The Celtic Congress) и Кельтская лига (The Celtic League). Кельтский конгресс, представляющий собой неполитическую культурную организацию, был основан в 1902 году. Согласно Конституции Кельтского конгресса, он стремится «сохранить культуры, идеалы и языки кельтских народов, защитить их наследие и поддерживать интеллектуальные контакты и тесное сотрудничество между соответствующими кельтскими общинами»[378]. Для достижения поставленных целей шесть национальных филиалов ежегодно встречаются на международном конгрессе в одном из шести кельтских регионов, согласно установленному порядку. Ежегодная конференция, помимо лекций по выбранной тематике, включает обширную культурную программу.

Кельтская лига была образована в 1961 году членами других панкельтских организаций, в частности Кельтского конгресса, которые решили преследовать еще и политические цели. Основной целью Лиги является содействие мирными методами шести кельтским нациям в их стремлении к укреплению или завоеванию политических, культурных, социальных и экономических свобод. Среди задач, выдвигаемых организацией для достижения цели, стоит выделить развитие солидарности между кельтскими нациями, распространение информации об обозначенных национальных усилиях за рубежом, а также «проведение кампаний в поддержку официального объединения кельтских наций, когда две или более из них достигнут самоуправления»[379]. Кельтская лига, как и Конгресс, проводит ежегодные собрания в одном из шести кельтских регионов. Лига,

[378] About the Celtic Congress [Электронный ресурс] / International Celtic Congress. – URL: https://internationalcelticcongress.org/en/home/about-us/ (дата обращения: 5.06.21).

[379] Aims and objectives [Электронный ресурс] / The Celtic League. – URL: https://www.celticleague.net/aims-and-objectives/ (дата обращения: 5.06.21).

помимо шести основных национальных филиалов, включает международные филиалы, созданные кельтскими диаспорами в других странах. Кроме того, Кельтская лига издает журнал CARN, выходящий трижды в год, который освещает, помимо прочего, актуальные вопросы национальных движений за независимость в кельтских регионах. В соответствии со своими ценностями организация поддерживает борьбу шотландцев за создание суверенного государства.

Тезисы о политическом объединении всех кельтских наций в настоящее время не имеют серьезной поддержки у общественности, однако, в том числе благодаря деятельности описанных организаций, между кельтскими регионами поддерживаются связи в таких сферах, как политика, культура, язык и спорт. Например, широкую известность получили фестивали кельтских культур (Interceltique de Lorient, Pan Celtic Festival и др.). В целом панкельтское движение способствует повышению осведомленности о конфликте между Шотландией и Великобританией, а также росту числа сочувствующих шотландским борцам за независимость.

Некоторые националистические партии из других кельтских регионов открыто выражают поддержку SNP в ее противостоянии Лондону. Одной из таких партий является Plaid Cymru – Партия Уэльса (Plaid Cymru – the Party of Wales, Plaid), выступающая за независимость Уэльса от Великобритании. Эта партия стремится перенять опыт прихода к власти SNP и усилить взаимодействие между партиями. В 2018 году лидер Plaid Адам Прайс говорил, что в случае победы его партии на выборах в 2021 году «две братские кельтские страны» смогут защитить свои интересы перед британской властью[380]. В 2021 году на выборах в уэльский парламент Plaid получила 13 из 60 мест, набрав как по одномандатным округам, так и по

[380] Plaid Cymru call for alliance with SNP to break up the UK [Электронный ресурс] // The Scotsman. – 7 October 2018. – URL: https://www.scotsman.com/news/politics/plaid-cymru-call-alliance-snp-break-uk-245521 (дата обращения: 5.06.21).

партийным спискам чуть больше 20% голосов избирателей Уэльса[381]. Можно полагать, что часть людей, поддержавших эту партию на выборах, разделяет ее воззрения о шотландской независимости.

Итак, на национальном уровне «мягкая сила» тех, кто выступает за независимость Шотландии, основывается на их имидже справедливых борцов за независимость, использующих законные методы, наличии у Шотландии очевидной для многих национальной идеи, а также на принадлежности шотландкой культуры кельтской.

Конечно, центральные органы управления Великобритании крайне обеспокоены ростом сепаратистских настроений в стране, особенно настолько стремительным в Шотландии. В конце 2019 года в СМИ впервые появилась информация о планах британского правительства сформировать специальное подразделение по вопросам Союза (Union Unit) для того, чтобы предотвратить выход Шотландии из состава Великобритании. О деятельности этого подразделения, создание которого было сразу же раскритиковано шотландскими сторонниками независимости, известно немного. На смену известиям об изменениях в его руководстве в феврале 2021 пришла новость о прекращении его существования и будущей реорганизации в виде стратегического комитета. По мнению политических оппонентов Лондона, очередная попытка остановить Шотландию в ее стремлении к независимости потерпела крах. Кроме того, в британском правительстве с лета 2020 года функционирует Комитет по реализации политики Союза (Union Policy Implementation committee) под председательством Канцлера герцогства Ланкастерского, шотландца по происхождению, противника независимости Шотландии Майкла Гоува. Деятельность этого комитета также получила ряд негативных оценок.

Основная критика[382] действий центральных властей по предотвращению отделения Шотландии сводится к тому, что

[381] Election results [Электронный ресурс] / Senedd Cymru. – URL: https://business.senedd.wales/mgManageElectionResults.aspx (дата обращения: 5.06.21).

предпринимаемые меры не являются реальным ответом на рост националистических настроений. Критики считают, что дело в том, что британское правительство не понимает, что и почему на самом деле происходит в Шотландии. Так, унионизм нынешней власти прозвали «мускулистым» («muscular unionism»), в том числе потому что большинство планируемых шагов Лондона по сохранению Союза представляют собой лишь крупные инвестиции в инфраструктуру автономных частей Великобритании. Вывод о такой направленности политики властей можно также сделать, ознакомившись с докладом «Модернизация Соединенного Королевства» (Modernising the United Kingdom)[383] 2019 года британского аналитического центра Policy Exchange, чьи работы нередко рассматриваются как информирование о правительственном курсе. Многие эксперты уверены, что вложение средств в строительство зданий и транспортных путей в Шотландии с символикой Соединенного Королевства на них не решает проблему роста сепаратистских настроений. Центральная власть не приводит стоящих нематериальных доводов в пользу государственного единства и не предлагает ничего сравнимого с притягательностью идеи сторонников шотландской независимости о государстве всеобщего благосостояния, которое будет управляться самими шотландцами, а не кем-то из Лондона. Все это говорит о том, что на национальном уровне конфликта между Великобританией и Шотландией центральные органы управления отводят «мягкой силе» второстепенную роль.

---

[382] См., например: Small M. Reporting on the Union Policy Implementation Committee [Электронный ресурс] // Bella Caledonia. – 25 January 2021. – URL: https://bellacaledonia.org.uk/2021/01/25/reporting-on-the-union-policy-implementation-committee/ (дата обращения: 5.06.21); Jackson B. Scottish independence: denial is no way to ward off divorce [Электронный ресурс] // Prospect. – 14 July 2020. – URL: https://www.prospectmagazine.co.uk/politics/scottish-independence-denial-is-no-way-to-ward-off-divorce-union-snp-sturgeon-nationalism (дата обращения: 5.06.21).

[383] Modernising the United Kingdom: Unleashing the Power of the Union – Ideas for New Leadership [Электронный ресурс] / J. Airey, G. Elefteriu, S. Laws, W. Lightfoot, B. McAleenan, R. Reid, J. Zeber. – 2019. – 76 p. – URL: https://policyexchange.org.uk/wp-content/uploads/2019/08/Modernising-the-UK.pdf (дата обращения: 7.06.21).

Привлекательная национальная идея Великобритании, эмоционально объединяющая все ее части, могла бы стать мощным ресурсом «мягкой силы» Лондона. Однако, представляется, что когда-то действенная имперская идея уже устарела и имеет влияние лишь на людей старшего поколения, а новая, чье создание, по мнению экспертов[384], необходимо для сохранения Союза, никак не возникнет. Соответственно, и имидж защитников единого процветающего многонационального государства, продвигаемый противниками шотландской независимости, имеет ограниченное действие.

То, что в настоящее время у многих жителей Соединенного Королевства нет веры в единство государства, подтверждается результатами ранее упомянутого опроса общественного мнения Ipsos MORI, проведенного в апреле 2021 года. 35% британцев считают, что Великобритания не будет существовать в своей актуальной форме через 5 лет, 53% – через 10 лет, 58% – через 20 лет. Интерес также представляют отдельно ответы жителей Шотландии: 45% шотландцев уверены, что нынешней Великобритании не будет через 5 лет, 61% – через 10 лет, 66% – через 20 лет[385].

Особого внимания заслуживает и то, что 28% британцев вообще все равно, проголосуют ли шотландцы за статус-кво или за независимость. Среди тех, кто хотел бы, чтобы шотландцы предпочли остаться в Союзе, высока доля людей пожилого и преклонного возраста. Так, 65% жителей Великобритании в возрасте 65–74 лет и 76% жителей старше 75 лет хотели бы, чтобы жители Шотландии проголосовали против независимости, в то время как того же желают только 40% британцев 16–24 лет и 38% – 25–34 лет[386]. На вопрос о чувствах, которые испытают респонденты в случае выхода Шотландии из состава Великобритании, 38% участников опроса из Англии, Уэльса и Северной Ирландии ответили, что это событие их и не

---

[384] См., например, Shaw K. To save the Union, we need a new progressive national story [Электронный ресурс] // The New Statesman. – 28 February 2020. – URL: https://www.newstatesman.com/politics/uk-politics/2020/02/save-union-we-need-new-progressive-national-story (дата обращения: 7.06.21).

[385] KnowledgePanel UK: Wave 11 Survey - State of the Union [Электронный ресурс] / Ipsos MORI. – 2021. – URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-04/scotland-future-of-the-union-tables-april-2021.pdf (дата обращения: 5.06.21). – P. 10–22.

[386] Ibid. – P. 4.

огорчит, и не обрадует. Среди 41% ответивших, что они будут расстроены таковым стечением обстоятельств, вновь преобладают люди старших поколений: 54% британцев в возрасте 65–74 лет и 61% британцев старше 75 лет будут огорчены, если шотландцы предпочтут независимость, те же чувства испытают лишь 22% опрошенных в возрасте 16–24 лет и 32% – 25–34 лет[387].

Наращиванию «мягкой силы» сторонников единства Соединенного королевства на национальном уровне способствует деятельность британских общенациональных культурных институтов – в частности, BBC и Британского Совета, роль которых в «мягкой силе» Великобритании в целом была обозначена во второй главе работы. Именно эти учреждения демонстрируют значимость и ценность всех национальных культур, соседствующих в британском государстве, стремятся к их продвижению, в том числе за рубежом, тем самым объединяют население отдельных частей Соединенного Королевства и улучшают их отношение к Союзу.

Так, одной из пяти общественных целей BBC является «отражение, представление и служение разнообразным сообществам всех наций и регионов Соединенного Королевства». В соответствии с этой целью организация намерена «повышать осведомленность о различных культурах и альтернативных точках зрения», составляющих британское общество, а также «объединять людей для обмена опытом и способствовать социальной сплоченности и благополучию Соединенного Королевства»[388]. А среди целей, которым должен служить Британский Совет, первой в списке идет «поощрение культурных отношений и понимания различных культур между людьми и народами Соединенного Королевства и других стран»[389]. Совет заявляет, что способствует достижению международных целей Великобритании, «служа всем частям Соединенного Королевства, а также

---

[387] Ibid. – P. 7.

[388] Broadcasting. Copy of Royal Charter for the Continuance of the British Broadcasting Corporation / Secretary of State for Culture, Media and Sport. – London: Williams Lea Group, 2016. – P. 5–6.

[389] Royal Charter and Bye-laws 1993 [Электронный ресурс] / British Council. – 2011. – URL: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/royalcharter.pdf (дата обращения: 9.06.21). – P. 3.

особым интересам Англии, Северной Ирландии, Шотландии и Уэльса», и хочет, чтобы его подход в работе «отражал» культурное разнообразие Великобритании, «основывался» на нем и «служил» ему[390].

Говоря о действиях этих учреждений по продвижению конкретно шотландской культуры и действительности, а также в целом представлению интересов Шотландии, в случае BBC стоит выделить создание и функционирование телевизионных каналов (BBC Scotland и BBC Alba) и радиостанций (BBC Radio Scotland и BBC Radio nan Gaidheal) с местной спецификой как по форме, так и по содержанию. Что касается деятельности Британского Совета, то этот институт активно включает шотландские организации и учреждения культурной сферы в свои проекты и программы, поощряющие продвижение национальных культур и международный культурный обмен, а также поддерживает проведение в Шотландии международных культурных мероприятий. В своей работе шотландское подразделение Британского Совета руководствуется как общенациональными, так и региональными стратегиями и учитывает приоритеты шотландского правительства в соответствующих сферах. Усилия BBC и Британского Совета демонстрируют шотландцам их значимое место в культурном поле Соединенного Королевства и способствуют формированию чувства принадлежности к единому целому.

Во второй главе настоящей работы было обозначено, что британская Корона является важным элементом «мягкой силы» Великобритании в мире. Ее роль в условиях этнополитического конфликта не так однозначна. С одной стороны, безусловно, монарх и королевская семья в целом являются для британцев символом традиции, устойчивости, стабильности и национального единства, что играет на руку сторонникам статуса-кво в противостоянии Лондона и Эдинбурга. Несмотря на целый ряд скандалов с участием членов королевской семьи, институт монархии продолжает

[390] Submission from Brtish Council Scotland [Электронный ресурс] / The Scottish Parliament. – URL: https://archive2021.parliament.scot/S5_European/Inquiries/CTEEA_S5_19_EA_12.pdf (дата обращения: 12.06.21). – P. 1.

поддерживаться большей частью населения, а авторитет царствовавшей до сентября 2022 года королевы, лично не замешанной ни в одном из них, остался непререкаем. В 2016 году опрос Ipsos MORI показал, что 76% британцев предпочитают видеть Великобританию монархией, при этом 75% респондентов ответили, что монархия играет важную роль в будущем государства[391]. Согласно результатам опроса YouGov, проведенного в марте 2021, 80% населения Великобритании положительно относились к Елизавете II, среди конкретно шотландцев этот показатель также высок – 70%[392].

Монарх придерживается политической нейтральности и никогда открыто не вмешивается во внутренние политические конфликты. Случай Шотландии не стал исключением. Хотя попытки втянуть королеву Елизавету II в рассматриваемый конфликт были. Бывший премьер-министр Дэвид Кэмерон признался, что незадолго до референдума в Шотландии в 2014 году, увидев результаты опроса, согласно которым сторонники независимости лидировали, он обратился к окружению королевы, чтобы она как-то повлияла на ход событий. Тем не менее Елизавета II не стала занимать ничью сторону, и ее комментарии по теме ограничились лишь словами о том, что шотландцам следует «очень хорошо подумать о будущем», прежде чем голосовать, которые она сказала в разговоре с одним из пришедших поприветствовать ее граждан у церкви недалеко от королевской резиденции в Шотландии[393]. Многими это было воспринято как жест в поддержку единства страны, однако Букингемский дворец тогда заявил, что у этой фразы не было политической подоплеки и королева беспристрастна в политических вопросах. Таким образом, по большому счету сторонники государственно-

---

[391] Ipsos MORI survey for King's College London Polling Club [Электронный ресурс] / Ipsos MORI. – 2016. – URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/migrations/en-uk/files/Assets/Docs/Polls/monarchy-kings-polling-club-2016-topline.pdf (дата обращения: 12.06.21). – P. 1.

[392] YouGov Survey Results [Электронный ресурс] / YouGov. – 2021. – URL: https://docs.cdn.yougov.com/dkq32ft8nv/Royal%20favourability%2011%20March.pdf (дата обращения: 12.06.21). – P. 1.

[393] Green C. Scottish independence: The Queen breaks silence on referendum debate – as think tank warns of £14bn black hole if Scotland votes Yes [Электронный ресурс] // The Independent. – 15 September 2014. – URL: https://www.independent.co.uk/news/uk/scottish-independence/scottish-independence-queen-breaks-silence-referendum-debate-9732198.html (дата обращения: 17.06.21).

территориально единства выигрывают лишь от символической значимости монарха. Кроме того, связанное с институтом монархии влияние на британцев в целом и на шотландцев в частности в контексте конфликта частично ослабляется тем фактом, что шотландские борцы за независимость не являются сторонниками республиканских идей. Они заявляют, в том числе в упомянутой ранее белой книге «Будущее Шотландии», что независимая Шотландия станет конституционной монархией, она останется в Союзе корон (Union of the Crowns) 1603 года, то есть монарх продолжит быть главой государства.

Итак, на национальном уровне конфликта между Великобританией и Шотландией «мягкая сила» сторонников государственно-территориального единства наращивается благодаря деятельности общенациональных культурных институтов, символизму популярной среди населения британской монархии, а также благодаря имиджу защитников могущественного единого государства, который воздействует на британцев старших поколений.

Наконец, условным третьим уровнем конфликта является международный. На нем «мягкая сила» сторонников шотландской независимости обусловлена ценностями, транслируемыми Шотландией на международной арене, и основанном на них имидже. Важным моментом является то, что международная деятельность Шотландии соответствующего характера согласуется с ее внутренней политикой, является ее продолжением и, таким образом, вызывает доверие у других акторов. В первую очередь речь идет об активной защите и поощрении прав человека. Это является одним из приоритетных направлений нынешней шотландской парадипломатии и, согласно планам SNP, будет являться таковым в дипломатии независимой Шотландии. Партия намерена сделать Шотландию одним из мировых лидеров в данной области. К настоящему моменту шотландский парламент единодушно поддержал включение Конвенции о правах ребенка ООН в национальное законодательство Шотландии, а в своей предвыборной

программе («manifesto») на выборах мая 2021 года SNP заявляет о намерении включить в него еще четыре конвенции ООН, касающиеся прав человека[394]. Работу шотландской власти по развитию законодательства по защите прав человека высоко оценила международная неправительственная организация Amnesty International[395]. Среди конкретных инициатив по поощрению прав человека можно назвать учреждение в 2018 году программы для поддержки тех, кто, рискуя собой, защищает права человека в разных частях мира, – Scottish Human Rights Defenders Fellowship.

Важной частью такой деятельности, поднимающей престиж Шотландии в глазах международной общественности, является миграционная политика. Ранее было упомянуто о том, что шотландская власть на контрасте с Великобританией стремится создать образ Шотландии как гостеприимной страны, признающей право каждого начать новую жизнь и готовой помочь в этом. Правящая партия утверждает, что с получением независимости она сможет построить иммиграционную систему, «основанную на справедливости и правах человека». Все в той же предвыборной программе партия обязуется включить Глазго в сеть городов, принимающих писателей и других деятелей искусства, ищущих убежище[396].

Необходимо также сказать конкретно о шотландском содействии международному развитию. В 2005 году Шотландия учредила специальный Фонд международного развития (International Development Fund), с помощью которого финансирует свою деятельность в целях достижения устойчивого развития и борьбы с бедностью, неравенством и несправедливостью в мире. Основными странами, которым оказывается такого рода помощь, являются Малави, Руанда, Замбия и Пакистан. В настоящее время размер фонда

---

[394] Scotland's Future. SNP Manifesto 2021 [Электронный ресурс] / SNP. – URL: https://issuu.com/hinksbrandwise/docs/04_15_snp_manifesto_2021___a4_document?mode=window (дата обращения: 3.11.21). – P. 13.

[395] Mason R. Scotland has chance to become 'world leader' on human rights, Amnesty says [Электронный ресурс] // The National. – 13 March 2021. – URL: https://www.thenational.scot/news/19158176.scotland-chance-become-world-leader-human-rights-amnesty-says/ (дата обращения: 17.06.21).

[396] Scotland's Future. SNP Manifesto 2021 [Электронный ресурс] / SNP. – URL: https://issuu.com/hinksbrandwise/docs/04_15_snp_manifesto_2021___a4_document?mode=window (дата обращения: 3.11.21). – P. 72–73.

составляет 10 млн евро ежегодно, однако SNP объявило о его будущем увеличении до 15 млн евро[397]. Кроме того, Шотландия помогает бороться с последствиями гуманитарных кризисов по всему миру с помощью своего ежегодного Фонда помощи в чрезвычайных гуманитарных ситуациях (Humanitarian Emergency Fund) размером 1 млн евро. Приоритеты Шотландии в ее стремлении внести вклад в международное сообщество обозначены в документе, опубликованном шотландским правительством в 2016 году, – «Глобальное гражданство: Стратегия международного развития Шотландии» (Global Citizenship: Scotland's International Development Strategy). Позже Стратегия пересматривалась в свете пандемии COVID-19.

Шотландское правительство также располагает ежегодным Фондом климатической справедливости (Climate Justice Fund), который был создан в 2012 году в размере 3 млн евро. В планах SNP увеличить его до 24 млн евро в течение четырех лет[398]. Назначением Фонда, запущенного в 2012 году, является борьба с последствиями изменения климата в наименее развитых странах. Шотландия заявляет, что это несправедливо, что бедные страны, будучи наиболее уязвимыми перед климатическими изменениями, страдают больше развитых, несмотря на то, что как раз деятельность последних во многом спровоцировала возникновение этих проблем. Борьба с изменением климата занимает важнейшее место и во внутренней политике. Шотландские органы власти намерены сделать Шотландию лидером в области климатических вопросов, для чего принимается целый спектр различных мер. Среди намеченных целей в этой сфере – к 2030 году 50% потребляемой энергии получать от возобновляемых источников и к 2045 году прийти к углеродной нейтральности. Заслуживает внимания тот факт, что правительство не просто осуществляет переход к новому этапу в экологическом аспекте, но и обязуется сделать этот переход справедливым («just transition»): учитывается, например, то, что некоторые люди могут

[397] Ibid. – P. 74.
[398] Ibid. – P. 68.

потерять работу в связи со структурными изменениями в экономике и пр. Причем заявляется, что Шотландия готова делиться таким ценным опытом с другими странами. Неслучайно местом проведения Конференции ООН по изменению климата 2021 года (COP26) стал Глазго.

Еще одним примером международной деятельности Шотландии, продолжающей внутреннюю политику, является поддержка ядерного разоружения. SNP заявляет о необходимости ликвидировать ядерное оружие на территории Шотландии, называя это одной из веских причин для получения независимости от Великобритании. На международной арене Шотландией также поощряются идеи разоружения и мирного разрешения конфликтов.

Описанные выше идеи и ценности, продвигаемые на международной арене шотландским правительством, большая часть которого – сторонники независимости, создают независимой Шотландии имидж малого государства, вносящегося значительный вклад в международные усилия по многим вопросам. Привлекательный образ ответственного, справедливого и активного международного актора создается в глазах как правительств, так и населения других стран. Причем нетрудно заметить, что через такую деятельность мировой общественности транслируется сильная и очевидная национальная идея Шотландии о равенстве и справедливости, о которой говорилось ранее.

Огромное значение для формирования благосклонного отношения к шотландской независимости у мировой общественности имеет проевропейская позиция сторонников выхода из состава Великобритании. Главным поводом для поднятия ими вопроса о новом референдуме о независимости стало решение Великобритании выйти из Европейского союза. Как известно, на референдуме 2016 года о членстве Великобритании в ЕС победили сторонники брексита, однако 62% населения Шотландии, принявшегося участие в референдуме, проголосовали за то, чтобы остаться в Союзе. В своих программных документах и выступлениях SNP настойчиво

подчеркивает приверженность европейским ценностям, важность крепких отношений между Шотландией и ЕС, а также намерение как можно раньше вступить в ЕС после достижения независимости. В настоящее время шотландское правительство направляет много усилий на поддержание отношений с ЕС и ослабление негативных эффектов брексита. Все это наращивает «мягкую силу» сторонников шотландской независимости на международной арене. Согласно мнению экспертов, есть основания полагать, что Европейский Союз тепло встретит заявку независимой Шотландии на вступление[399]. Однако для ЕС важно, чтобы процесс получения независимости нового государства был полностью законным и легитимным, в том числе признанным самой Великобританией. Сторонники выхода из состава Великобритании это понимают, и именно поэтому так заботятся о своем имидже мирных борцов за независимость, использующих лишь законные методы, о чем было сказано ранее.

Силы, выступающие за получение Шотландией независимости, понимают, насколько значимо мнение международной общественности для достижения их цели. Неслучайно в предвыборной программе как SNP, так и другой партии, поддерживающей независимость Шотландии, – Шотландской партии зеленых (Scottish Greens, Scottish Green Party) – довольно большое внимание уделяется парадипломатии, роли Шотландии в международном сообществе и вкладу в него. Партии-противники шотландской независимости, несмотря на присутствие тематических положений в своих программах, не склонны придавать настолько важное значение международной деятельности Шотландии.

Говоря о нынешней парадипломатии Шотландии, отметим, что существует восемь международных представительств Шотландии: в Берлине, Брюсселе, Вашингтоне, Дублине, Лондоне, Оттаве, Париже и Пекине. Пять из них были открыты в 2016–2018 гг. Первой среди стратегических целей

[399] 'Empathy' for independent Scotland joining the EU says Tusk [Электронный ресурс] // BBC. – 2 February 2020. – URL: https://www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-51342714 (дата обращения: 19.06.21).

сети представительств приводится «улучшение международного авторитета Шотландии»[400]. С помощью этих учреждений Шотландия не только улучшает отношения со странами присутствия и, в случае представительства в Брюсселе, с ЕС, но и в целом продвигает ключевые для нее ценности и соответствующий позитивный имидж. Кроме того, Шотландия располагает правительственным агентством Scottish Development International, занимающимся привлечением иностранных инвестиций в Шотландию и оказанием помощи шотландскому бизнесу на международном рыке. Агентство имеет более 30 филиалов по всему миру и, занимаясь экономической дипломатией, дополняет работу правительства в других сферах для достижения установленных целей. Например, часть данных торговых представительств в Европе были открыты в ответ на решение Великобритании выйти из ЕС[401].

Фактором «мягкой силы» сторонников независимости Шотландии на международном уровне можно назвать многочисленную шотландскую диаспору в мире, появившуюся в результате двухвекового периода активной эмиграции в истории Шотландии. Наибольшее количество людей, которые сами родились или чьи предки родились в Шотландии, проживают в США, Канаде, Австралии, Англии, Новой Зеландии и Ирландии. Достоверных данных о численности шотландской диаспоры в мире нет, да и вопрос, насколько близкими должны быть связи человека с Шотландией, чтобы он был включен в ее число, вызывает немало споров. Если брать в расчет тех, чье шотландское происхождение основывается на далеко не самых близких родственных связях, то шотландская диаспора может быть оценена в более

[400] International offices: strategic objectives [Электронный ресурс] / The Scottish Government. External Affairs Directorate. – 2019. – URL: https://www.gov.scot/publications/international-offices-strategic-objectives/pages/introduction/ (дата обращения: 19.06.21).

[401] Donald C. Revealed: The six European countries where Scotland will set up trade offices [Электронный ресурс] // Insider.co.uk. – 19 February 2018. – URL: https://www.insider.co.uk/news/scottish-development-international-jobs-offices-12047521 (дата обращения: 19.06.21).

чем 30 млн человек[402]. С точки зрения культуры и экономики влияние диаспоры на статус Шотландии в мире не вызывает сомнений, однако ее роль в движении за шотландскую независимость напрямую оценить тяжело. Тем не менее можно полагать, что часть проживающих в других странах людей с шотландскими корнями сочувствует цели борцов за независимость. Так, например, как уже было сказано, Кельтская лига, поддерживающая независимость Шотландии, располагает международными филиалами, членами которых являются в том числе представители шотландской диаспоры в разных странах. Независимая Шотландия может быть привлекательна для этой группы людей еще и тем, что, согласно неоднократно упомянутому правительственному документу о независимости «Будущее Шотландии», в планах шотландских властей, выступающих за выход из Великобритании, после получения независимости дать возможность подать на гражданство Шотландии тем, чьи мать, отец, бабушка или дедушка имеют право на шотландское гражданство[403].

Таким образом, на международном уровне конфликта сторонники шотландской независимости обладают «мягкой силой» благодаря транслируемым Шотландией привлекательным ценностям, которые при этом отражают национальную идею шотландцев. Большое значение имеет также проевропейская позиция шотландских властей. Кроме того, определенное влияние оказывает многочисленная шотландская диаспора в мире.

«Мягкая сила» второй стороны конфликта на рассматриваемом уровне объясняется имиджем и авторитетом Великобритании на международной арене. Сторонники государственно-территориального единства продвигают образ Соединенного Королевства как демократического государства, где уважаются права и свободы каждого, в том числе всех наций в составе государства. Согласие Лондона на проведение референдума о независимости

---

[402] McNeil R. The Scottish diaspora and Scottish independence [Электронный ресурс] // The Migration Observatory. – 2014. – URL: https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/commentaries/the-scottish-diaspora-and-scottish-independence/ (дата обращения: 20.06.21).

[403] Scotland's Future: Your Guide to an Independent Scotland / The Scottish Government. – Edinburg: The Scottish Government, 2013. – P. 271–272.

2014 года, а также его готовность принять любой результат волеизъявления населения Шотландии привнесли огромный вклад в укрепление такого имиджа. Именно о торжестве демократии было упомянуто во многих зарубежных комментариях по результатам референдума. Так, например, в то время президент США Барак Обама в своем официальном заявлении сказал о «полном и энергичном осуществлении демократии»[404], а на тот момент министр иностранных дел Германии Франк-Вальтер Штайнмайер заявил об уважении к «образцовой демократической культуре, которая нашла свое выражение в референдуме»[405]. При этом перед референдумом почти все страны, официально обозначившие свое отношение, заняли позицию невмешательства, отнеся референдум ко внутренним делам Великобритании.

Что касается авторитета Соединенного Королевства, то роль и значение этого государства в международных делах осознается всеми акторами мировой политики. Выход Шотландии из состава Великобритании может ослабить британскую силу, причем как «жесткую», так и «мягкую». А это, по мнению некоторых экспертов[406], может привести к пересмотру позиции этого государства в мире и нарушить баланс сил, по крайней мере в Европе. К такому выводу можно прийти, если рассмотреть, например, возможные изменения в организации безопасности на данной территории. То есть в случае Шотландии речь идет далеко не только о вероятной активизации сепаратистских движений в других странах, вдохновленных примером шотландцев, но и о более серьезных политических последствиях на

---

[404] Statement on the Results of the Scottish Independence Referendum independence [Электронный ресурс] / Administration of Barack Obama. – 19 September 2014. – URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-201400682/pdf/DCPD-201400682.pdf (дата обращения: 20.06.21).

[405] European leaders welcome Scottish vote for united UK [Электронный ресурс] // The Economic Times. – 20 September 2014. – URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/european-leaders-welcome-scottish-vote-for-united-uk/articleshow/42988270.cms (дата обращения: 22.06.21).

[406] См, например, Hemmings J. Scottish independence would have a negative impact on security [Электронный ресурс] // LSE. – 17 September 2014. – URL: https://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/scottish-independence-would-have-a-negative-impact-on-security/ (дата обращения: 22.06.21); Scottish independence will impact the UK's global role [Электронный ресурс] // Chatham House. – 10 May 2021. – URL: https://www.chathamhouse.org/2021/05/scottish-independence-will-impact-uks-global-role (дата обращения: 22.06.21).

глобальном уровне. Все это способствует тому, что на международном уровне многими поддерживается идея единства Великобритании.

Сопутствующими механизмами «мягкой силы» Великобритании в контексте конфликта с Шотландией является ее членство в международных организациях, участие во влиятельных форумах, крепкие двусторонние отношения со многими странами и пр. Благодаря им Великобритания укрепляет необходимый имидж и авторитет. В этом контексте отметим, что выход Великобритании из ЕС сильно ударил по ее «мягкой силе», поставив под вопрос многие британские ценности, приверженность к которым Соединенное Королевство доказывало ранее миру.

Фактором, игравшим какое-то время в пользу сторонников государственно-территориального единства, являлась пандемия коронавируса. Все страны мира были озабочены борьбой с COVID-19 и последствиями санитарного кризиса, и другие вопросы и проблемы выглядели менее значимыми. Этим пользовались противники шотландской независимости, заявляя, что последние выбрали неподходящий момент для обсуждения нового референдума. Так, в мае 2021 Борис Джонсон в своем интервью газете The Daily Telegraph назвал референдум в тогдашних условиях «безответственным и безрассудным»[407].

Итак, «мягкая сила» сторонников британского единства на международном уровне основывается в первую очередь на имидже Великобритании как демократического государства и ее статусе и роли в мире, которые делают других субъектов заинтересованными в единстве Соединенного Королевства.

Таким образом, обе стороны проанализированного этнополитического конфликта обладают «мягкой силой» и пользуются ей как политтехнологическим инструментом на всех трех уровнях конфликта. На каждом из них используются различные ресурсы и механизмы «мягкой

[407] Brooks L. Scottish independence: Boris Johnson pushes back against IndyRef2 [Электронный ресурс] // The Guardian. – 8 May 2021. – URL: https://www.theguardian.com/politics/2021/may/08/scottish-independence-referendum-boris-johnson-pushes-back-against-indyref2 (дата обращения: 22.06.21).

силы», однако как у «мягкой силы» всего государства, так и у таковой его части имеются определенные закономерности. Во многом «мягкая сила» сторонников независимости Шотландии обусловлена сильной национальной идеей шотландцев. «Мягкая сила» тех, кто выступает за британское единство, по большей части связана с имиджем Великобритании как демократического государства. Развитием «мягкой силой» активнее занимаются сторонники независимости. В целом «мягкая сила» играет важную роль в развитии рассматриваемого конфликта. Все это доказывает жизнеспособность и целесообразность дальнейшего исследования «мягкой силы» как политтехнологического инструмента борьбы за национально-территориальное самоопределение.

3.3 Применение инструмента «мягкой силы» в борьбе за национально-территориальное самоопределение Каталонии и Шотландии: общее и особенное

Анализ ресурсов, механизмов, стратегий и факторов «мягкой силы», задействованных в противостоянии между Мадридом и Барселоной и между Лондоном и Эдинбургом позволяет выделить ряд характеристик, свойственных обоим этнополитическим конфликтам, а также привести особенности каждого из них в данном аспекте.

Можно заметить, что намеренно развитием своей «мягкой силы» как политтехнологического инструмента в обоих конфликтах значительно энергичнее занимаются борцы за образование суверенных государств, в то время как сторонники сохранения статуса-кво, несмотря на предпринимаемые шаги в этой сфере, нередко полагаются на естественные факторы или производные от них. Представляется, что это происходит потому, что ключевые сторонники государственно-территориального единства – центральные органы управления Испании и Великобритании –

располагают множеством рычагов давления как на региональные органы власти, так и на другие субъекты отдельных частей государств, то есть имеют целый арсенал «жестких» ресурсов и порой пренебрегают использованием «мягких». Органы управления территорий, стремящихся к отделению, в свою очередь, вполне логично стремятся нивелировать нехватку «жесткой силы» наращиванием «мягкой».

При этом, как и в любых других конфликтах, баланс сил в этнополитических конфликтах непостоянен. Внутренняя, да иногда и международная, политическая конъюнктура влияет на соотношение сил сторон конфликтов, причем как «жестких», так и «мягких». Например, описанная в первом пункте настоящей главы внутренняя политическая ситуация в Испании позволила сторонникам каталонской независимости получить важнейших для них рычаг давления – необходимость правительству меньшинства Педро Санчеса при проведении решений в парламенте заручаться поддержкой партий, поддерживающих каталонскую независимость. Так у Мадрида возникла необходимость активнее развивать свою «мягкую силу». После выхода из Европейского союза сторонники британского единства потеряли значительный ресурс «мягкой силы», а борцы за независимость Шотландии со своей проевропейской позицией, напротив, его приобрели.

Как уже было сказано, большую часть усилий в контексте «мягкой силы» сторонники независимости, в первую очередь на условно выделенном региональном уровне, направляют на укрепление у населения территории идентичности, отличной от идентичностей остальной части государства. Особенности этой идентичности определяют, какие именно «мягкие» ресурсы ими задействуются более интенсивно. Так, каталонская идентичность основана по большей части на этнических аспектах, поэтому основной ресурс «мягкой силы» сторонников независимости – язык и культура Каталонии, используя их, особенно каталанский язык, они стремятся показать населению Каталонии, насколько сильно оно отличается

от жителей других частей Испании. Центральное место в шотландской идентичности принадлежит социально-политическим, или гражданским, феноменам. Поэтому описанный шотландский миф равенства и соответствующая национальная идея – база для продвижения идеи независимости Шотландии. Сторонники шотландской независимости, которые, как считается, продвигают гражданский национализм, в своей работе с населением делают упор на то, насколько по-разному видят идеальное государственное устройство Эдинбург и Лондон. Именно это отличие, а не разница в культуре является здесь камнем преткновения. Таким образом, можно говорить о четко выраженных социокультурных основаниях развития и применения «мягкой силы» в рассматриваемых конфликтах, что соотносится с аналогичными выводами, сделанными при анализе «мягкой силы» предметов исследования в целом по отношению к внешнему миру.

Закономерно, что в предвыборных программах всех основных партий, представленных на выборах в каталонский парламент в феврале 2021 года, есть положения, касающиеся языковой политики. Партии, поддерживающие независимость Каталонии, предлагают шаги для дальнейшего укрепления позиций каталанского языка в образовании, в сфере государственной службы и культуры, а также для признания за ним статуса официального в Европе. В свою очередь партии, не признающие за Каталонией «право решать», напротив, планируют действия, направленные на улучшение положения испанского языка в сфере образования и бизнеса в Каталонии. Знакомство же с предвыборными программами основных партий, чьи кандидатуры были представлены на шотландских выборах мая 2021 года, позволяет сделать выводы о том, что поддержка гэльского языка, во-первых, не является приоритетной политикой, так как некоторые партии вообще не упоминают об этом или делают это весьма кратко, и, во-вторых, не имеет идеологического подтекста, так как соответствующие положения есть как у партий, поддерживающих независимость Шотландии, так и у партий, выступающих за единство Великобритании. Лишь партия «All for Unity», главным тезисом

которой является сохранение статуса-кво, в своей программе, заявляя о поддержке вещания на гэльском языке в целом, говорит о ненужности отдельного телевизионного канала и дорожных знаков на этом языке[408]. Язык скотс упоминается вскользь лишь в программах SNP и Шотландской партии зеленых.

Не только баланс сил борющихся сторон зависит от внутренней (как внутри самого региона, так и на уровне государства) политической обстановки, от нее также зависят и в целом особенности «мягкой силы» и ее использования. В Шотландии наличие сильной и стабильной политической и управленческой элиты объясняет тот факт, что ее наращиванию способствуют в основном действия органов управления этой автономной территории. В Каталонии же в настоящее время сепаратистские идеи продвигаются сразу несколькими партиями, мнение которых по многим вопросам разнится, а их уровень электоральной поддержки постоянно меняется. Этим можно объяснить активное участие негосударственных субъектов в «мягком» продвижении идеи независимости Каталонии.

На национальном и особенно на международном уровнях исследуемых конфликтов важнейшую роль играют имиджи. Причем их сущность одинакова: сторонники отделения стремятся создать образ справедливых борцов за независимое государство, которое, будучи частью другого, столетиями им угнеталось, а их оппоненты хотят предстать в глазах общественности верными защитниками многовекового крепкого союза и хранителями ценностей единства и сплоченности. Отличия в образах объясняются спецификой каждого из случаев. Например, законодательство Испании, не предусматривающее возможность проведения референдума в отдельном автономном сообществе, придает Мадриду еще и ореол законности. А сильная национальная идея шотландцев дает имиджевое

[408] A Manifesto for Change // All for Unity. – 13 p. – URL: https://www.alliance4unity.uk/download/5801/ (дата обращения: 22.06.21). – P. 12.

преимущество сторонникам шотландской независимости даже на международном уровне.

Набор ресурсов и инструментов «мягкой силы» в условиях национально-территориального самоопределения схож. В обоих случаях нами были упомянуты культура, образование, институт монархии, общее историко-культурное наследие, транслируемые идеи и ценности, сотрудничество в культурной сфере и СМИ. Ресурсы, характерные лишь для одного из конфликтов, указывают на наличие местных социальных, культурных или политических феноменов. В Каталонии, к примеру, к таковым можно отнести ФК «Барселона». Однако условно одинаковые ресурсы и инструменты имеют в британском и испанском конфликтах разную степень значимости и свои особенности использования. Например, СМИ намного активнее задействуются, причем обеими сторонами, в противостоянии Каталонии и Испании, чем Шотландии и Великобритании. А такой элемент «мягкой силы» как монархия в лице действующего монарха работает по-разному. В случае до недавнего времени правящей Елизаветы II, например, речь шла о символизме, олицетворении постоянства и единства Соединенного Королевства. Что касается Филиппа VI, хотя здесь также имеет место символический аспект, большую роль играет высказанное им, для многих авторитетное, мнение.

Вообще, можно заметить, что испанский король в контексте конфликта с Барселоной следует линии центральных властей государства, делая, как и они, акцент на незаконности действий каталонских сторонников независимости. Это подтверждает когнитивное картирование упомянутой ранее речи монарха от 3 октября 2017 года[409], итоговая схема связей категорий которой представлена на рисунке 6.

[409] Mensaje de Su Majestad el Rey [Электронный ресурс] / Casa de Su Majestad el Rey. – 03.10.2017. – URL: https://www.casareal.es/EN/Actividades/Paginas/actividades_discursos_detalle.aspx?data=5716 (дата обращения: 25.03.21).

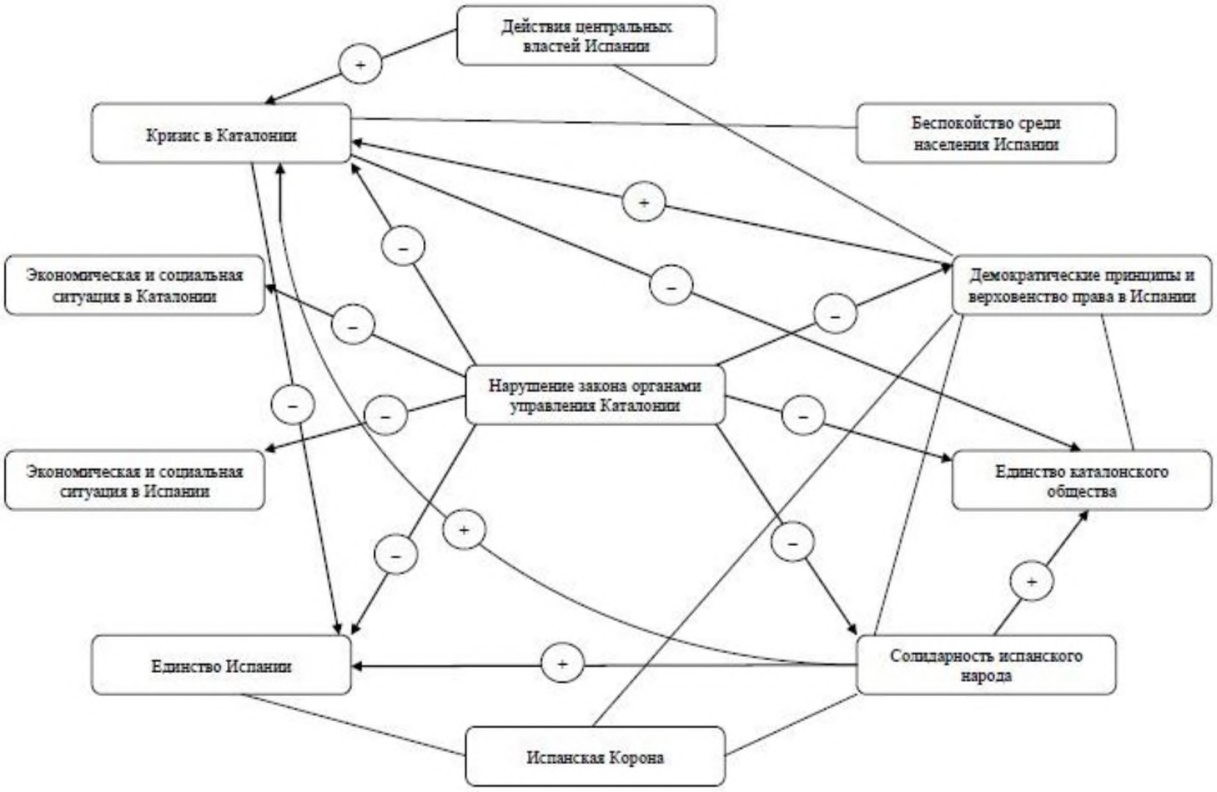

Рисунок 6 – Схема связей категорий в когнитивном картировании речи Короля Испании Филиппа VI

На схеме можно увидеть, что центральное место в его выступлении отдается факту нарушения закона органами управления Каталонии, а между категориями, которыми оперирует Филипп VI, преобладают «отрицательные» связи. Другими словами, рассматриваемая речь, несмотря на положения о солидарности испанского народа и демократических принципах, не представляет собой сентиментальный призыв к единству, который можно было бы ожидать от монарха. В выступлениях представителей центральных органов управления испанского государства тезис о незаконности действий сторонников независимости звучит еще настойчивее.

Что касается главных аргументов Лондона в конфликте с Эдинбургом, как уже было отмечено, ключевую роль здесь играют предполагаемые негативные для Шотландии последствия получения независимости. Для сравнения было проведено когнитивное картирование одного из наиболее

эмоциональных обращений к шотландцам от Дэвида Кэмерона накануне референдума о независимости 2014 года, в котором он называет Великобританию «лучшей семьей наций в мире»[410]. На рисунке 7 приведена упрощенная схема связей категорий этого выступления. На схеме заметно, что даже в этом обращении с весомой сентиментальной составляющей на тот момент премьер-министр Великобритании, противопоставляя такие темы, как единое британское государство и потенциально независимая Шотландия, особое место отводит описанию негативных эффектов шотландской независимости: отказ от стабильных систем соцобеспечения и здравоохранения Великобритании, появление границы между Шотландией и Великобританией, потеря британского гражданства и пр. Все это еще раз доказывает, что, несмотря на наличие и периодическое использование «мягкой силы» сторонниками государственно-территориального единства в обоих конфликтах, эта сторона имеет склонность к применению «жесткой силы».

Грань между «мягкой» и «жесткой» силой не всегда четкая, что было обозначено в первой главе настоящего диссертационного исследования. Соседство этих сил характерно и для их применения в конфликтах этнополитического характера. Речь идет в первую очередь о борьбе Испании и Каталонии. Особенно это прослеживается в действиях стремящейся к отделению стороны. Так, «мягкое» использование каталанского языка сводится к «жестким» языковым законам с положениями об его обязательности, а участие образовательной системы в стратегии «мягкой силы» сторонников каталонской независимости в отдельных случаях граничит с идеологической обработкой учеников, типичной для «жесткой силы». В британском конфликте условные границы «мягкой» и «жесткой силы» более заметны.

[410] Dearden L. Scottish independence: Full text of David Cameron's 'no going back' speech // The Independent. – 16 September 2014. – URL: https://www.independent.co.uk/news/uk/scottish-independence/scottish-independence-full-text-david-cameron-s-no-going-back-speech-9735902.html (дата обращения: 25.06.21).

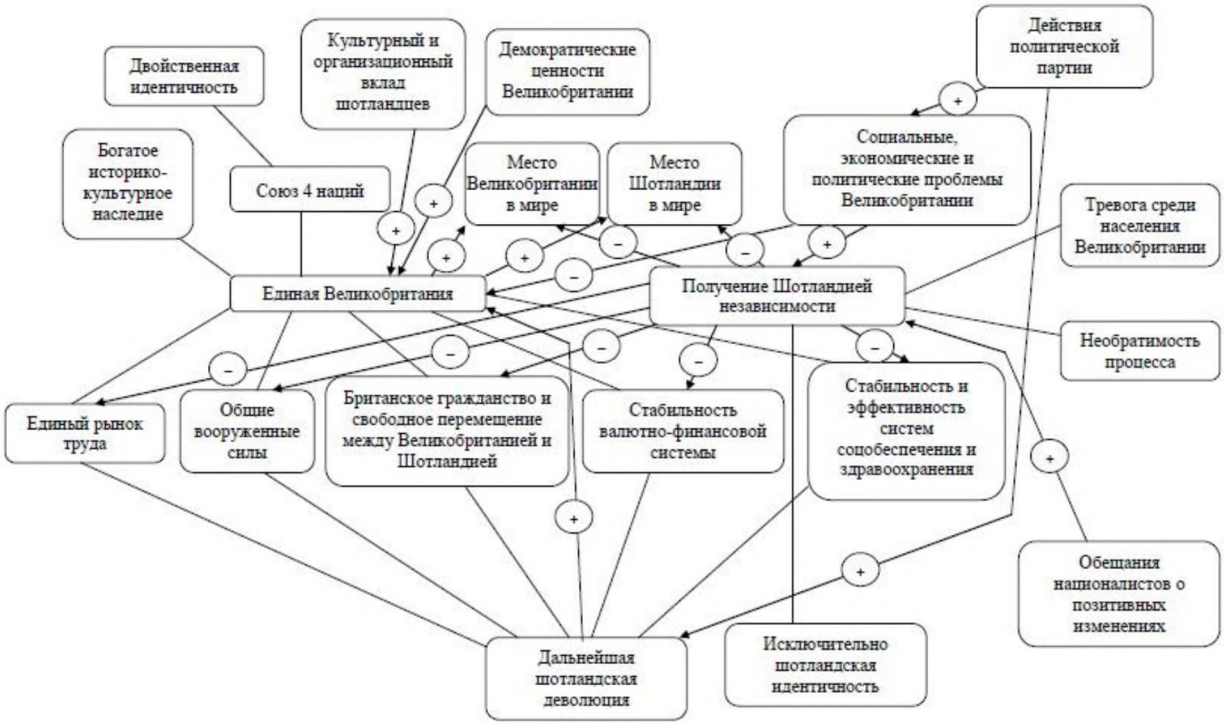

Рисунок 7 – Схема связей категорий в когнитивном картировании выступления Дэвид Кэмерона

Продолжая тему отличий «мягкой силы» в исследуемых конфликтах, стоит сказать о международных стратегиях тех, кто продвигают идею образования независимого государства. Каталонские активисты направляют большую часть своих усилий конкретно на получение признания независимости Каталонии другими государствами, нередко открыто говоря о своей цели. Шотландские же борцы за независимость своими действиями, ориентированными на решение глобальных проблем, в первую очередь стремятся показать, насколько независимая Шотландия будет надежным и полезным партнером, одновременно очерчивая ее место в мире как малого государства с весомой международной проекцией. Конечно, во многом выбор каталонцами обозначенной стратегии определен юридическими препятствиями их признания ввиду положений испанского законодательства, в шотландском случае такой проблемы нет.

Таким образом, существуют характеристики «мягкой силы» как политтехнологического инструмента, проявляющиеся в обоих

рассматриваемых этнополитических конфликтах. Наращиванием «мягкой силы» в условиях национально-территориального самоопределения активнее занимаются борцы за независимость, чем сторонники статуса-кво. Баланс сил, в том числе в их «мягком» аспекте, в этнополитических конфликтах может меняться под воздействием политических процессов внутри страны и на международной арене. На условных международном и национальном уровнях исследуемых конфликтов важное значение имеют имиджи. Кроме того, в испанском и британском конфликтах задействован схожий набор ресурсов и механизмов «мягкой силы».

При этом «мягкая сила» как в борьбе Каталонии с Испанией, так и в противостоянии Шотландии и Великобритании имеет и свои отличительные черты, объясняемые в большинстве случаев социокультурными и политическими явлениями. «Мягкая сила» сторонников независимости, особенно на условном региональном уровне, в обоих конфликтах по большей части направлена на укрепление региональной идентичности, отличной от идентичностей населения остальных частей государства, при этом особенности этой идентичности определяют, какие именно ресурсы и инструменты «мягкой силы» используются ими более интенсивно. Кроме того, в условиях национально-территориального самоопределения сторонники образования суверенного государства используют разные стратегии «мягкой силы» на международном уровне. Исследование «мягкой силы» как политтехнологического инструмента в этнополитическом конфликте имеет значительный потенциал, раскрытие которого позволит всесторонне оценить проблему национально-территориального самоопределения.

Заключение

В своей концепции «мягкой силы» Дж. Най теоретически оформил вековой опыт государств в достижении своих целей путем оказания непрямого давления – через привлекательность и убеждение. Несмотря на сложности применения концепции, объясняемые по большей части самой природой «мягкой силы», она получила мировое признание как у теоретиков, так и у практиков политической сферы. «Мягкая сила» – способность субъекта в долгосрочной перспективе добиваться поставленных целей, причем не только внешнеполитических, без использования методов прямого давления благодаря тому, что у объектов ее применения формируется благосклонное к нему отношение и/или представление, что эти цели либо отвечают, либо по крайней мере не несут угрозу их собственным. Рассмотрение теоретико-методологических аспектов научного осмысления концепции показало, что «мягкая сила» – удобный теоретический инструмент для оценки своего рода альтернативной стороны мощи отдельно взятого актора, в том числе при борьбе за национально-территориальное самоопределение в условиях этнополитического конфликта.

При анализе наиболее известных исследований и рейтингов «мягкой силы» было выявлено, что к ее основным элементам наиболее часто относят культуру, образование, спорт, науку, государственное управление, международную деятельность, туризм, коммуникации, образ жизни и нрав населения. При этом в существующих работах по теме измерения «мягкой силы» в основном применяются два подхода: ресурсно-инструментальный и репутационный. Для решения определенных исследовательский задач была доказана целесообразность применения нового подхода – конфликтного, при котором «мягкая сила» предстает политтехнологическим инструментом этнополитического конфликта.

Субъектом «мягкой силы» в абсолютном большинстве тематических работ отечественных и зарубежных исследователей выступает государство. Тем не менее в литературе также признается, что другие акторы, например организации, фонды, объединения, также могут обладать «мягкой силой». Для настоящей диссертационной работы особо значение имели труды, посвященные такой силе субгосударственных субъектов. Большая часть этих немногочисленных трудов рассматривает «мягкую силу» субгосударственного актора лишь как средство для наращивания «мягкой силы» государства в целом. При этом даже в тех работах, где «мягкое» влияние государственных территорий анализируется независимо, «мягкая сила» почти всегда рассматривается исключительно в традиционном контексте – по отношению к зарубежной публике.

Природа и основные характеристики «мягкой силы» делают возможным ее применение для исследования взаимодействия акторов на внутригосударственном уровне, что позволяет рассматривать «мягкую силу» как политтехнологический инструмент борьбы за национально-территориального самоопределение в условиях этнополитического конфликта. В настоящей работе «мягкая сила» Испании и Каталонии, а также Великобритании и Шотландии была рассмотрена как в классическом понимании – в зарубежном контексте, так и на уровне одного государства – по отношению к населению самой страны в контексте национально-территориального самоопределения, что поспособствовало составлению более комплексной картины конфликтной ситуации.

В ходе проведении исследования было выявлено, что за рубежом Испания располагает значительным потенциалом «мягкой силы». Основой ее «мягкой силы» являются культура, туризм и естественные благоприятствующие феномены. «Мягкая сила» Каталонии также опирается на богатую культуру и туризм, большое значение имеют также действия каталонских государственных и негосударственных учреждений на международной арене. Анализ «мягкой силы» Испании и Каталонии

позволил оценить потенциал «мягкой силы» сторон исследуемого этнополитического конфликта на международном уровне конфликта, что поспособствовало лучшему пониманию ее функционирования в качестве политтехнологического инструмента на указанном уровне.

Настоящее исследование показало, что Великобритания – одна из признанных сверхдержав по «мягкой силе». Британская мощь такого характера определяется в первую очередь ее ролью в международных делах, особенно в таких сферах, как помощь развивающимся странам и поиск решений глобальных проблем современности, известнейшей британской культурой, в том числе распространенностью английского языка, престижем британского образования, популярностью британской монархии и эффективным использованием СМИ. «Мягкая сила» Шотландии, в свою очередь, основывается на престиже шотландских высших учебных заведений, привлекательности бизнес- и инвестиционной среде, богатой культуре, продвигаемой с помощью всемирно известных культурных мероприятий и брендов, а также транслируемых миру шотландских ценностях, которые отражают ее позицию по международным вопросам. Полученные результаты исследования позволили оценить потенциал «мягкой силы» Великобритании и Шотландии на международном уровне их этнополитического конфликта и объяснить механизм ее применения как политтехнологического инструмента.

На основе анализа «мягкой силы» обозначенных государств и территорий на международной арене был сделан вывод, что «мягкая сила» субгосударственного актора является силой, которую не стоит рассматривать как просто слагаемое «мягкой силы» государства в целом. «Мягкая сила» отдельной территории может как вносить свой вклад в «мягкую» мощь государства, так и не влиять или даже препятствовать ее развитию. «Мягкая сила» региона может быть схожа с «мягкой силой» государства в целом, как в случае Каталонии и Испании, так и иметь собственный стиль, как в случае Шотландии и Великобритании. Это может объясняться, помимо влияния

прочих факторов, различиями в достигнутом уровне независимости региональной идентичности, что говорит о наличии социокультурных оснований развития «мягкой силы». Все это вновь продемонстрировало обоснованность использования «мягкой силы» как политтехнологического инструмента, особенно в условиях этнополитического конфликта.

Исследование «мягкой силы» как политтехнологического инструмента в условиях этнополитических конфликтов между Испанией и Каталонией и между Великобританией и Шотландией позволило по-новому посмотреть на противостояние сторон. На всех трех условно выделенных уровнях противостояния Испании и Каталонии «мягкая сила» каждой стороны имеет свои особенности. В конфликте задействованы разнообразные ресурсы, механизмы и стратегии «мягкой силы», при этом некоторые из них представляются ключевыми и применяются сразу на нескольких уровнях. В случае Каталонии таким ресурсом, бесспорно, является каталанский язык. Своей «мягкой силой» противоборствующие стороны обязаны не только государственным, но и частным субъектам. Немалое значение также имеют факторы, увеличивающие «мягкую силу» участников конфликта без усилий с их стороны. Особенно это характерно для сторонников государственного-территориального единства. Несмотря на применение «жесткой силы» и ее очевидную роль, влияние «мягкой силы» в условиях этнополитического конфликта в Испании весьма существенно, поэтому обе стороны, но особенно сторонники каталонской независимости, активно ее наращивают.

«Мягкая сила» играет важную роль и в развитии конфликта между Великобританией и Шотландией. Обе стороны также обладают «мягкой силой» на всех трех уровнях. Здесь тоже задействованы различные ресурсы и механизмы «мягкой силы», но можно выявить определенные закономерности. «Мягкая сила» стремящейся к отделению Шотландии во многом обусловлена ее сильной национальной идеей. Такая сила сторонников британского единства в значительной степени связана с имиджем Великобритании как сильного демократического государства.

Активнее развитием «мягкой силы» занимаются сторонники шотландской независимости.

Были определены черты «мягкой силы», проявляющиеся в обоих этнополитических конфликтах. И в противостоянии Испании и Каталонии, и в борьбе Великобритании и Шотландии мероприятия по наращиванию «мягкого» влияния в большем объеме реализуют сторонники независимости, чем их оппоненты, что объясняется наличием у последних ряда «жестких» рычагов давления. Баланс сил «мягкого» спектра, так же как и «жесткого», в этнополитических конфликтах может меняться под влиянием политической ситуации внутри страны и на международной арене. На условно выделенных международном и национальном уровнях конфликтов важную роль играют имиджи. Сторонники образования суверенного государства создают образ справедливых борцов за независимость, а их оппоненты – образ защитников ценностей единства и многовекового успешного союза. Кроме того, в испанском и британском конфликтах применяется схожий набор ресурсов и механизмов воздействия «мягкой силы»: культура, образование, интитут монархии, общее историко-культурное наследие, транслируемые идеи и ценности, сотрудничество в культурной сфере и СМИ. «Мягкая сила» сторонников независимости, особенно на региональном уровне, в обоих конфликтах во многом направлена на создание и укрепление региональной идентичности, отличной от идентичностей населения остальных частей государства.

Однако «мягка сила» в каждом из исследуемых конфликтов имеет и свои особенности, объясняемые в основном социокультурными и политическими явлениями. Так, особенности региональной идентичности определяют, какие именно ресурсы и инструменты «мягкой силы» используются более интенсивно. Каталонская идентичность, основанная в первую очередь на этнических аспектах, делает основным «мягким» ресурсом сторонников независимости каталанский язык и каталонскую культуру. А шотландская идентичность, характеризуемая социально-

политическим характером, располагает к тому, что базой для продвижения идеи независимости становятся шотландский миф равенства и соответствующая национальная идея. Это дает основание говорить о четких социокультурных основаниях развития и применения «мягкой силы» в условиях национально-территориального самоопределения. Кроме того, на международном уровне каталонские и шотландские сторонники независимости использует разные стратегии.

Проведенный анализ этнополитических конфликтов доказывает целесообразность и обоснованность рассмотрения «мягкой силы» как политтехнологического инструмента борьбы за национально-территориальное самоопределение в условиях этнополитического конфликта. Исследование борьбы конфликтующих сторон еще и средствами «мягкой силы» позволяет более четко оценить баланс сил в этнополитическом конфликте, рассмотреть многообразие задействованных в конфликте субъектов и определить отношение общественности к противоборствующим сторонам, что, в свою очередь, помогает составить более комплексную картину конфликта в условиях национально-территориального самоопределения.

Список использованных источников

Нормативные правовые акты

1. Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 49. – Ст. 6886. – С. 7191.

2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г.) [Электронный ресурс] // МИД РФ. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (дата обращения 9.11.2021).

3. Real Decreto 644/2020, de 7 de julio, por el que se desarrolla la estructura orgánica básica del Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, y se modifica el Real Decreto 139/2020, de 28 de enero, por el que se establece la estructura orgánica básica de los departamentos ministeriales // Boletín Oficial del Estado. – 2020. – №187. – P. 48631– 48658.

4. Ley 12/2009, de 10 de julio, de Educación // Boletín Oficial del Estado. – 2009. – №189. – P. 67041– 67134.

5. Ley 1/1998, de 7 de enero, de Política Lingüística // Boletín Oficial del Estado. – 1998. – №36. – P. 4809–4818.

6. Ley 7/1983, de 18 de abril, de normalización lingüística en Cataluña // Boletín Oficial del Estado. – 1983. – №112. – P. 13234–13237.

Книги

7. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – 267 с.

8. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: учеб. пособие. – М.: Дело, 2008. – 480 с.

9. Апрыщенко В.Ю. Уния и модернизация: становление шотландской идентичности в XVIII – первой половине XIX вв. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. – 288 с.

10. Апрыщенко В.Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. – СПб.: Алетейя, 2016. – 720 с.

11. Братерский М.В., Скриба А.С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – Т. 9, № 2. – С. 130–144.

12. Волкова Г.И. Испания: государство автономий и проблема территориальной целостности. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 328 с.

13. Грамши А. Избранные произведения в трех томах. Том 3. Тюремные тетради / Пер. с итал. В.С. Бондарчука, Э.Я. Егермана, И.Б. Левина. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 569 с.

14. Еремина Н.В. Деволюция в кельтских регионах Соединенного Королевства как модель государственного развития. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 238 с.

15. Иванов В.Г. «Charts power» – «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технологии использования и стратегии противодействия. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 188 с.

16. Казаков С.О. Деволюция в современном королевстве Великобритании и Северной Ирландии. – Саарбюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2013. – 72 с.

17. Коданева С.И. Британская конституционная реформа: Региональный аспект. Аналитический обзор. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – 112 с.

18. Коданева С.И Британский регионализм (конституционная реформа). – М.: Юристъ, 2004. – 140 с.

19. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. – М.: Дашков и К, 2018. – 272 с.

20. Орлов А.А. Национализм в истории Каталонии: прошлое и настоящее. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 550 с.

21. Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. – М.: РОССПЭН, 2011. – 230 с.

22. Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России / ИМИ МГИМО (У) МИД России, Центр глобальных проблем. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 37 с.

23. Политическая идентичность и политика идентичности. В двух томах. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: РОССПЭН, 2011. – 208 с.

24. Политическая идентичность и политика идентичности. В двух томах. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: РОССПЭН, 2012. – 471 с.

25. Прохоренко И.Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах-членах Европейского союза. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 93 с.

26. Публичная дипломатия: Теория и практика / Под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 272 с.

27. Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. – М.: Издательство Московского университета, 2011. – 376 с.

28. Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. – 212 с.

29. Харитонова Е.М. «Мягкая сила» Великобритании. – М: ИМЭМО РАН, 2018. – 139 с.

30. 30 years of language policy / Generalitat de Catalunya. Departament de Cultura. – Barcelona: Anglofort, SA, 2014. – 32 p.

31. Alcalá C. Claves históricas del independentismo catalán. – Madrid: Grafite Ediciones, 2006. – 246 p.

32. Arza Mondelo J.F., Coll Amargós J. Cataluña: El mito de la secesión. – Barcelona: Editorial Almuzara, 2014. – 304 p.

33. Bauman Z. Identity. Conversation with Benedetto Vecchi. – Cambridge, Malden: Polity Press, 2004. – 104 p.

34. Being Scottish: Personal Reflections on Scottish Identity Today / Ed. by T. M. Devine. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. – 300 p.

35. Bogdanor V. Devolution in the United Kingdom. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 352 p.

36. Borrell J., de Carreras F., López Burniol J.-J., Pique J. Escucha, Cataluña, Escucha, España: Cuatro voces a favor del entendimiento y contra la secesión. – Barcelona: Ediciones Península, 2017. – 336 p.

37. Broadcasting. Copy of Royal Charter for the Continuance of the British Broadcasting Corporation / Secretary of State for Culture, Media and Sport. – London: Williams Lea Group, 2016. – 40 p.

38. Carr E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations. – New York: Harper & Row, 1964. – 243 p.

39. Castells M. The Power of Identity. – Oxford, Malden: Blackwell Publishing, 2009. – 592 p.

40. Cordell K., Wolff S. Ethnic Conflict: Causes, Consequences, and Responses. – Cambridge, Malden: Polity, 2009. – 232 p.

41. Devine T.M. Independence or Union: Scotland's Past and Scotland's Present. – London: Penguin UK, 2017. – 320 p.

42. Díez Medrano J. Naciones divididas: Clase, política y nacionalismo en el País Vasco y Cataluña. – Madrid: Centro de Investigaciones Sociológicas, 1999. – 268 p.

43. El (des)encaje de Cataluña en España / Ed. por J. Ferri Durá. – Valencia: Tirant lo Blanch, 2021. – 225 p.

44. Fairer Scotland Action Plan / Scottish Government. – Edinburg: The Scottish Government, 2016. – 95 p.

45. Ferguson N. Colossus: The Rise and Fall of the American Empire. – London: Allen Lane, 2004. – 384 p.

46. Fidalgo Piña S. Tv3 el tamborilero del bruc del proces. – Barcelona: Ediciones HIldy, 2020. – 150 p.

47. Fuster J. Nosaltres, els valencians. – Barcelona: Edicions 62, 1996. – 236 p.

48. Guibernau M. Catalan Nationalism: Francoism, Transition and Democracy. – London: Routledge, 2004. – 216 p.

49. Gurr T.R. Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts. – Washington: US Institute of Peace Press, 1993. – 448 p.

50. Gurr T.R. Peoples Versus States: Minorities at Risk in the New Century. – Washington, D.C: US Institute of Peace Press, 2000. – 399 p.

51. Haynes J. Religious Transnational Actors and Soft Power. – London: Routledge, 2016. – 184 p.

52. Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. – Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 2001. – 720 p.

53. Hill C., Beadle S. The art of attraction: Soft power and the UK's role in the world / British Academy. – London: DG3, 2014. – 57 p.

54. Human Rights & Democracy. The 2020 Foreign, Commonwealth & Development Office Report / Foreign, Commonwealth & Development Office. – London: APS Group, 2021. – 69 p.

55. InformeCAT 2018. 50 dades sobre la llengua catalana / Plataforma per la Llengua. – Barcelona: Studium, 2018. – 54 p.

56. Keating M. The Government of Scotland: Policy-making after Devolution. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. – 304 p.

57. Keating M. The Independence of Scotland: Self-Government and the Shifting Politics of Union. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 320 p.

58. Kounalakis M., Simonyi A. The Hard Truth about Soft Power. – Los Angeles: Figueroa Press, 2011. – 49 p.

59. Leith M.S., Soule D.P.J. Political Discourse and National Identity in Scotland. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. – 192 p.

60. Lukes S. Power: A Radical View. – London: Bloomsbury Publishing PLC, 2004. – 192 p.

61. McCrone D. Understanding Scotland: The Sociology of a Nation. – London: Routledge, 2001. – 216 p.

62. McLeish H. Scotland. The Growing Divide: Old Nation, New Ideas / Ed. by Brown T. – Edinburgh: Luath Press Ltd., 2012. – 260 p.

63. Mitchell J. The Scottish Question. – Oxford: Oxford University press, 2014. – 320 p.

64. Moreno Fernández L. La federalización de España. Poder político y territorio. – Madrid: Siglo XXI de España Editores, 2008. – 203 p.

65. Morgenthau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. – New York: Alfred A. Knopf, 1948. – 489 p.

66. Norton A. Reflections on Political Identity. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1988. – 209 p.

67. Nye J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York: Basic Books, 1991. – 336 p.

68. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2005. – 191 p.

69. Nye J.S. The Future of Power. – New York: Public Affairs, 2011. – 320 p.

70. Persuasion and Power in the Modern World / Select Committee on Soft Power and the UK's Influence. House of Lords. – London: The Stationery Office Limited, 2014. – 155 p.

71. Requejo Coll F. Federalismo plurinacional y pluralismo de valores. El caso español. – Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2007. – 203 p.

72. Scotland's Future: Your Guide to an Independent Scotland / The Scottish Government. – Edinburg: The Scottish Government, 2013. – 649 p.

73. Tamames R. ¿Adónde vas, Cataluña? Cómo salir del laberinto independentista. – Barcelona: Ediciones Península, 2018. – 434 p.

74. The Battle for Hearts and Minds. Using Soft Power to Undermine Terrorist Networks / Ed. by A.T.J. Lennon. – London: MIT Press, 2003. – 392 p.

75. Tilly Ch. Stories, Identities, and Political Change. – Lanhan: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. – 257 p.

76. Trench A. Devolution and Power in the United Kingdom. – Manchester: Manchester University Press, 2007. – 320 p.

Статьи из научных сборников

77. Громыко Ал.А. Великобритания: новая политическая ситуация // Honoris causa: сборник научных статей, посвященный 70-летию профессора Виктора Владимировича Сергеева / Сост. и отв. ред. И.О. Дементьев. Балтийский федеральный университет им. И. Канта. – СПб: Нестор-История, 2016. – С. 63–71.

78. Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. – Вып.7. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 214–228.

79. Коваль Т.Б. Современная Испания: в лабиринте идентичностей // Культурная сложность современных наций / Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 57–77.

80. Переверзева О.В., Устинович Е.С. Проблема оценки «мягкой силы» государства // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых – 2019: сборник научных статей 8-й Международной молодежной научной конференции: в 6 т. – Т. 3 / Отв. ред. А.А. Горохов. – Курск: Университетская книга, 2019. – С. 75–79.

81. Перегудов С.П. Референдум о независимости Шотландии // Год планеты: ежегодник. Вып. 2014 г.: экономика, политика, безопасность / Гл. ред. В.Г. Барановский. – М.: Идея-Пресс, 2014. – С. 167–171.

82. Семененко И.С. Национальная идентичность // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Издательство «Весь мир», 2017. – С. 405–413.

83. Семененко И.С. Политическая идентичность // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Издательство «Весь мир», 2017. – С. 349–354.

84. Харитонова Е.М. «Мягкая сила» и идентичность // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Издательство «Весь мир», 2017. – С. 476–480.

85. Харичкин И.К. Политические институты гражданского общества как элемент «мягкой силы» // Стратегия «мягкой силы» в контексте информационных войн. Сборник материалов Международной научно-практической конференции / Ред. А.Я. Касюк, И.К. Харичкин. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2017. – С. 293–294.

86. Boix-Fuster E., Melià J., Montoya B. Policies Promoting the Use of Catalan in Oral Communications and to Improve Attitudes towards the Language // Democratic Policies for Language Revitalisation: the Case of Catalan / Ed. by M. Strubell M., E. Boix-Fuster. – London: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 150–181.

87. Changhe S. Soft Power // The Oxford Handbook of Modern Diplomacy / Ed. by Cooper A.F., Heine J., Thakur R. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 544–558.

88. Crilley R., Manor I. Un-nation Branding: The Cities of Tel Aviv and Jerusalem in Israeli Soft Power // City Diplomacy: Current Trends and Future Prospects / Ed. by S. Amiri, E. Sevin. – 2020. – P. 137-160.

89. Gómez Tavira P. Contribución de los inmigrantes en la construcción de la Marca España // Retos de nuestra acción exterior: Diplomacia Pública y Marca España / Ed. por R. Rubio, J.L. Manfredi Sánchez, G. Alonso. Escuela

Diplomática. – Madrid: Ministerio de Asuntos Exteriores y Cooperación, 2012. – P. 237-243.

90. Jarvie G. Sport, the 2014 Commonwealth Games and the Scottish Referendum // Routledge Handbook of Sport and Politic / Ed. by A. Bairner, J. Kelly, J.W. Lee. – London: Routledge, 2017. – P. 209–222.

91. Kaufman S.J. Ethnicity as a generator of conflict // Routledge Handbook of Ethnic Conflict / Ed. by K. Cordell, S. Wolff. – London: Routledge, 2011. – P. 91–102.

92. Kondo S. Wielding Soft Power: The Key Stages of Transmission and Reception // Soft Power Superpowers / Ed. by W. Yasushi and D.L. McConnell. – New York: M.E. Sharpe, 2008. – P. 191–206.

93. Lock E. Soft power and strategy: Developing a 'strategic' concept of power // Soft Power and US Foreign Policy / Ed. by I. Parmar, M. Cox. – London: Routledge, 2010. – P. 32–50.

94. McLean I. Challenging the Union // The Oxford Handbook of Modern Scottish History / Ed. by T.M. Devine, J. Wormald. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 635–651.

95. Priego Moreno A. Spanish soft power and its structural (NON-traditional) model of diplomacy // Contemporary Spanish Foreign Policy / Ed. por D. Garcia, R. Pacheco Pardo. – London: Routledge, 2014. – P. 48–63.

96. Reicher S., Hopkins N., Harrison K. Identity Matters: On the Importance of Scottish Identity for Scottish Society // National Identity, Nationalism and Constitutional Change / Ed. by F. Bechhofer, D. McCrone. – London: Palgrave Macmillan, 2009. – P. 17–40

97. Snow N. Rethinking Public Diplomacy // Routledge Handbook of Public Diplomacy / Ed. by N. Snow, Ph.M. Taylor. – New York: Routledge, 2008. – P. 3–11.

Статьи из журналов

98. Авилова А.В. Испания: новая модель отношений между центром и регионами // Проблемы теории и практики управления. – 1997. – № 3. – С. 23–26.

99. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 74–97.

100. Андреева Т.Н. Внутри- и внешнеполитические аспекты проблемы независимости Шотландии // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 6. – С. 65–74.

101. Аникеева Н.Е. Испания – государство автономий в объединенной Европе // Современная Европа. – 2007. – № 2. – С.91–102.

102. Артеев С.П. Внешняя политика России: «мягкая сила» регионов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2021. – Т. 13, № 1. – С. 32–57.

103. Астахов Е.М. К русскому восприятию испанского опыта «мягкой силы» // Ибероамериканские тетради. – 2013. – № 2. – С. 40–50.

104. Ачкасов В.А. Этнополитический конфликт как конфликт идентичностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 37–43.

105. Бахриев Б.Х., Рустамова Л.Р. «Мягкая сила» военной организации: публичная дипломатия НАТО в Центральной Азии // Вестник Томского Государственного Университета. – 2020. –№ 458. –С. 90–100.

106. Белов С.И. Проблемы и перспективы измерения «мягкой силы» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2018. – № 1. – С. 165–184.

107. Верников В.Л. Каталония – «замороженный конфликт» // Современная Европа. – 2018. – № 2. – С. 129–134.

108. Ворочков А.П. Институциональное измерение политики «мягкой силы»: методика анализа и российский опыт // Управленческое консультирование. – 2021. – № 7. – С. 80-96.

109. Гаджиев К.С. О грамшианских корнях идеи «мягкой силы» // Вопросы политологии. – 2021. – Т. 11, № 8 (72). – С. 2214–2224.

110. Гомелаури А.С. Субъект федерации как канал «мягкой силы» государства (на примере Санкт-Петербурга) // Via in Tempore. История. Политология. – 2020. – Т. 47, № 3. – С. 658–668.

111. Громыко А.А. «Мягкая сила» и сила права: к постановке проблемы // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 3. – С. 3–19.

112. Демидов А.В. О возможности использования фактора «мягкой силы» во внутренней и внешней политике России // Экономические стратегии. – 2014. – № 3. – С. 42–47.

113. Звягина Д.А. Культурное влияние как компонент «мягкой силы» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 11, Ч. 2. – С. 94–98.

114. Иванов В.Г. «Потенциальная мягкая сила» как ресурс внешнеполитического влияния // Вестник Российского университета дружбы народов, серия: Политология. – 2016. – № 4. – С. 101–104.

115. Иванов О.Б. «Мягкая сила» как катализатор социально-политических конфликтов // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2019. – Т. 6, № 3. – С. 167–176.

116. Кабицкий М.Е., Рудник С. М. «Каталонские страны»: концепт и его восприятие // Этнография. – 2020. – № 4 (10). – С. 159–173.

117. Кабицкий М.Е., Рудник С. М. Современный испанский автономизм: достижения, проблемы, перспективы // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2019. – № 1 (12). – С. 14–29.

118. Кагриманян А.С. Независимость Шотландии: Быть или не быть // Политика и общество. – 2014. – № 7 (115). – С. 745–752.

119. Казаринова Д.Б. Феномен «мягкой силы». Стратегии мягкой силы в политике государств-членов двадцатки // Свободная мысль. – 2011. – № 3. – С. 187–200.

120. Капицын В.М. Космополитизм - компоненты «мягкой силы» и глобального управления // Обозреватель. – 2009. – № 10. – С. 70–79.

121. Карданова М.Л., Эздекова Л.Б. Роль культурно-языкового фактора как инструмента «мягкой силы» во внешней политике Испании // Дискуссия. – 2015. – №8 (60). – С. 72–76.

122. Ковалевская Н.В. Роль испанского языка как «мягкой силы» во внешней политике Испании // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, № 5–2. – С. 141–145.

123. Косачев К.И. Не рыбу, а удочку. В чем состоит особенность «мягкой силы» России // Россия в глобальной политике. – 2012. – Т. 10, № 4. – С. 40–53.

124. Кривушин И.В. Парадоксы шотландской политики: референдум 2014 года // Новая и новейшая история. – 2015. – № 6. – С. 129–143.

125. Мехдиев Э.Т., Гулиев И.А. Понятие «мягкой силы» как инструмента глобальных политических технологий // Juvenis scientia. – 2016. – № 3. – С. 49–52.

126. Ланьшина Т.А. «Мягкая сила» Гете-Института // Вестник международных организаций. – 2015. – Т. 10, № 1. – С. 118–142.

127. Лапкин В.В. Метаморфозы идентичности в условиях глобализации // Политекс. – 2011. – Т. 7, № 2. – С. 25–41.

128. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО–Университета. – 2017. – № 3. – С. 212–223.

129. Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2015. – № 2. – С. 80–89.

130. Леонова О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2014. – № 3. – С. 18–28.

131. Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2013. – № 4. – С. 27–40.

132. Маковская Д.В, Бичаков С.А. Этнический аспект политики «мягкой силы» в реализации геополитических проектов в Большом Средиземноморье // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2019. – Т. 15, № 3. – С. 392–403.

133. Малинова О.Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности // Политическая наука. – 2005. – № 3. – С. 8–20.

134. Манойло А.В. «Мягкая сила» террористов // Россия и мусульманский мир. – 2017. – № 3. – С. 137–149.

135. Мудров С.А. Религиозный фактор в референдуме о независимости Шотландии // Социология. – 2016. – № 2. – С. 88–95.

136. Наумов А.О. «Мягкая сила» и «цветные революции» // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – Т. 3, № 1 (6). – С. 73–86.

137. Орлов А.А. Национализм в Каталонии – фактор риска для Испании // Обозреватель. – 2010. – № 11 (250). – С. 108–120.

138. Охошин О.В. Шотландия между Великобританией и ЕС на фоне брекзита // Современная Европа. – 2019. – № 6. – С. 57–67.

139. Панова Е.П. Высшее образование как потенциал мягкой власти государства // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 2 (17). – С. 157–161.

140. Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 4 (13). – С. 91–97.

141. Пантин В.И. Национально-цивилизационная идентичность: специфика России // Политекс. – 2011. – Т. 7, № 2. – С. 42–51.

142. Перегудов С.П., Семененко И.С. Референдум о независимости Шотландии и проблемы британской государственности // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 3. – С. 64–75.

143. Пермякова Л., Скрягина С. Социальная ответственность как «мягкая сила» транснациональных компаний // Дипломатическая служба. – 2013. – № 4. – С. 76–80.

144. Песцов С.К., Бобыло А.М. Мягкая сила в мировой политике: измерение неуловимой реальности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2014. – Т. 10, № 1. – С. 79–93.

145. Песцов С.К., Бобыло А.М. Мягкая сила в мировой политике: типология подходов к измерению и оценке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 3. – С. 42–53.

146. Понкин И.В. Технологии «мягкой силы» как средство дисфункционализации и разрушения государства // Право и образование. – 2014. – № 12. – С. 95–111.

147. Попов М.Е. Этнокультурная специфика конфликтов идентичностей в современном мире // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 3. – С. 26–29.

148. Прохоренко И.Л. Проблема национальной идентичности в условиях европейской интеграции: испанский случай // Ибероамериканские тетради. – 2016. – № 1 (11). – С. 49–55.

149. Прохоренко И.Л. Сецессионистский конфликт в Каталонии // Пути к миру и безопасности. – 2018. – № 2 (55). – С. 36–50.

150. Радиков И.В., Лексютина Я.В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 2. – С. 19–26.

151. Рудник С.М. Стратегия «мягкой силы» во внешнеполитической деятельности Женералитата Каталонии в начале XXI в // Клио. – 2017. – № 7 (127). – С. 141–145.

152. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2010. – № 10. – С. 173–192.

153. Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Дискурс-Пи. – 2017. – № 1. – С. 61–72.

154. Рустамова Л.Р. Механизм действия и пределы использования концепции «мягкая сила» // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2018. – № 1. – С. 145–154.

155. Семененко И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 8–28.

156. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 69–94.

157. Скворцов Н.Г. Деструктивные последствия политизации этничности в России: энтропийное измерение // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 4. – С. 63–70.

158. Столетов О.В., Чихарев И.А. Мягкая сила во внешней политике России // Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 36–49.

159. Сулейков А.А. Феномен «мягкой силы» как фактор сферы управленческих отношений // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – 2022. – № 21-1. – С. 226–233.

160. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 4 (25). – С. 85–93.

161. Тюрин Е.А. Влияние британской имперской государственности на шотландскую национальную идентичность: к вопросу о независимости Шотландии // Власть. – 2017. – № 8. – С. 178–182.

162. Тюрин Е.А. Особенности формирования шотландского национального самосознания в условиях развития британской государственности: социально-политические аспекты // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 116–124.

163. Устинович Е.С., Переверзева О.В. «Мягкая сила» Испании: потенциал и проблемы наращивания // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2020. – Т. 10, № 6. – С. 154–166.

164. Фадеева Л.А. Идентичность на пересечении интеграции и деволюции: шотландский кейс // Современная Европа. – 2015. – № 5. – С. 91–99.

165. Харкевич М.М. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2 (35) – С. 22–29.

166. Хенкин С.М. Каталонский конфликт вчера и сегодня // Актуальные проблемы Европы. – 2015. – № 1. – С. 117–138.

167. Хенкин С.М. Каталонский конфликт: Национальное и международное измерения // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 2. – С. 94 – 121.

168. Хенкин С.М. Политико-территориальная модель Испании: старые проблемы и новые вызовы // Журнал политической философии и социологии «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2018. – № 4. – С. 162–179.

169. Хенкин С.М. Сепаратизм по-каталонски // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 5. – С. 29-40.

170. Черкасова Е.Г. Почему невозможна независимость Каталонии // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 11. – С. 35–42.

171. Шеин С.А. «Деволюция – это процесс, а не событие». Деволюционная динамика в Шотландии и Уэльсе (1998–2018) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2018. – Т. 2, № 2. – С 194–199.

172. Юдин Н.В. Системное прочтение феномена мягкой силы // Международные процессы. – 2015. – Т. 13, № 2. – С. 96–105.

173. Юдин Н.В. Блеск и нищета рейтингов «мягкой силы» // Международная жизнь. – 2018. – № 7. – С. 112–123.

174. Юдин Н.В. Жесткий взгляд на «мягкую силу». Критический анализ монографии Дж.Ная «Будущее власти» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2013. – № 4. – С. 134–163.

175. Яковлев П.П. «Brexit по-испански»: причины и последствия каталонского кризиса // Перспективы. Электронный журнал. – 2017. – № 3 (11). – С. 36–51.

176. Яковлев П.П. Каталония: выборы состоялись, проблемы не решены // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2017. – № 47 (63). – С. 5–7.

177. Anholt S. Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations // Exchange: The Journal of Public Diplomacy. – 2011. – Vol. 2, № 1. – P. 6–12.

178. Añorve-Añorve D. Paradiplomacia, poder suave y la cooperación internacional municipal: el caso de Guanajuato // Convergencia Revista de Ciencias Sociales. – 2020. – Vol. 27, № 1. – P. 1–29.

179. Bachrach P., Baratz M.S. Decisions and Nondecisions: An Analytical Framework // The American Political Science Review. – 1963. – Vol. 57, № 3. – P. 632–642.

180. Bachrach P., Baratz M.S. Two Faces of Power // The American Political Science Review. – 1962. – Vol. 56, № 4. – P. 947–952.

181. Badillo Matos A. Las políticas públicas de acción cultural exterior de España // Revista del Real Instituto Elcano. – 2014. – №14. – P. 52– 91.

182. Becker M. Politicized identities and social movements // Latin American research review. – 2018. – № 53 (1). – P. 202–210.

183. Bohas A. The Paradox of Anti-Americanism: Reflection on the Shallow Concept of Soft Power // Global Society. – 2006. – Vol. 20, № 4. – P. 395–414.

184. Chan W.Y. The soft power and paradiplomacy of Hong Kong // Asian Education and Development Studies. – 2019. – Vol. 8, № 2. – P. 161–172.

185. Clots-Figueras I., Masella P. Education, Language and Identity // The Economic Journal. – 2013. – Vol. 123, № 570. – P. 332–357.

186. Fan Y. Soft power: Power of attraction or confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. – 2008. – Vol. 4, № 2. – P. 147–158.

187. Gallarotti G.M. Compound soft power: the BRICS and the multilateralization of soft power // Journal of Political Power. – 2016. – Vol. 9, № 3. – P. 467–490.

188. Gallarotti G.M. Soft power: what it is, why it's important, and the conditions for its effective use // Journal of Political Power. – 2011. – Vol. 4, № 1. – P. 25–47.

189. García C. Strategic communication applied to nation building in Spain: The experience of the Catalan Region // Public Relations Review. – 2013. – Vol. 39, № 5. – P. 558–562.

190. Gurr T.R. Why Minorities Rebel: A Global Analysis of Communal Mobilization and Conflict Since 1945 // International Political Science Review. – 1993. – Vol. 14, № 2. – P. 161–201.

191. Hall T. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics. – 2010. –Vol. 3, № 2. – P. 189–211.

192. Hayward K. The (Soft) Power of Commitment: The EU and Conflict Resolution in Northern Ireland // Ethnopolitics. – 2012. – Vol. 11, № 4. – P. 439–452.

193. Higher Education and the Referendum on Scottish Independence / Sh. Riddell, S. Minty, E. Weedon, L. Hunter Blackburn // The Political Quarterly. – 2015. – Vol. 86, № 2. – P. 240–248.

194. Jackson B. The Political Thought of Scottish Nationalism // The Political Quarterly. – 2014. – № 85 (1). – P. 50–56.

195. Johnson M.A. Culture as soft power: Digital branding by Catalonia, the Basque Country and Scotland // Catalan Journal of Communication & Cultural Studies. – 2018. – Vol. 10, № 1. – P. 115–123.

196. Juventeny Berdún S. Much 'more than a club': Football Club Barcelona's contribution to the rise of a national consciousness in Catalonia (2003–2014) // Soccer and Society. – 2017. – Vol. 20, № 1. – P. 103–122.

197. Kroenig M., McAdam M., Weber S. Taking Soft Power Seriously // Comparative Strategy. – 2010. – Vol. 29, № 5. – P. 412–431.

198. Kurlantzick J. China's Charm: Implications of Chinese Soft Power // Policy Brief. – 2006. – № 47. – P. 1–8.

199. Mason R.A. Dis-United Kingdoms? What Lies Behind Scotland's Referendum on Independence // Georgetown Journal of International Affairs. – 2013. – Vol. 14, № 2. – P. 139–146.

200. Mattern J.B. Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies. – 2005. – Vol. 33, № 3. – P. 583-612.

201. McCrone D. Scotland Out the Union? The Rise and Rise of the Nationalist Agenda // The Political Quarterly. – 2012. – № 83 (1). – P. 69–76.

202. Nye J.S. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs. – 2009. – Vol. 88, № 4. – P. 160–163.

203. Nye J.S. Soft Power and the Public Diplomacy Revisited // The Hague Journal of Diplomacy. – 2019. – №14. – P. 1–14.

204. Priego Moreno A. La Corona en la diplomacia (pública) española // Comillas Journal of International Relations. – 2014. – № 1. – P. 53–80.

205. Ridaura Martínez M.J. El proceso de independencia de Cataluña: su visión desde la Comunidad Valenciana // Teoria y Realidad Constitucional. – 2016. – № 37. – P. 381–404.

206. Romero González J. España inacabada. Organización territorial del Estado, autonomía política y reconocimiento de la diversidad nacional // Documents d'Anàlisi Geogràfica. – 2012. – № 58 (1). – P. 13–49.

207. Roselle L., Miskimmon A., O'Loughlin B. Strategic narrative: A new means to understand soft power // Media, War and Conflict. – 2014. – Vol. 7, № 1. – P. 70–84.

208. Ryabinin Y. Hungarian Exogenous Influence on the Separatism Movement in Transcarpathian Region // Strategic Priorities. – 2018. – № 1. – P. 79–83.

209. Sevin E. The missing link: cities and soft power of nations // International Journal of Diplomacy and Economy. – 2021. – Vol. 7, № 1. – P. 19–32.

210. Smout T.C. Perspectives on the Scottish identity // Scottish Affairs. – 1994. – № 6. – P. 101–113.

211. Soule D.P.J., Leith M.S., Steven M. Scottish devolution and national identity // National Identities. – 2012. – Vol. 14, № 1. – P. 1–10.

212. Steinberg G.M. Counter-terror and soft power: NGO claims to military and legal expertise and Israeli responses // Israel Affairs. – 2018. – Vol. 24, № 4. – P. 572–592.

213. Swiney C. The Urbanization of International Law and International Relations: The Rising Soft Power of Cities in Global Governance // Michigan Journal of International Law. – 2020. – Vol. 41, № 2. – P. 227–278.

214. Vuving A.L. How Soft Power Works // American Political Science Association annual meeting. – Toronto, September 3, 2009. – 20 p.

215. Whigham S. Nationalism, party political discourse and Scottish independence: comparing discursive visions of Scotland's constitutional status// Nations and Nationalism. – 2019. – Vol. 25, № 4. – P. 1212–1237.

216. Xifra J. Catalan public diplomacy, soft power, and noopolitik: A public relations approach to Catalonia's governance // Catalan Journal of Communication and Cultural Studies. – 2009. – Vol. 1, № 1. – P. 67–85.

217. Zhou X.H., Wang X.Y., Xie H.F. Study on Regional Soft Power and the General Evaluating System // Technology Economics. – 2007. – Vol. 26, № 6. – P. 58–89.

Диссертации

218. Еремина Н.В. Этнорегиональные сообщества в процессах трансформации политической системы современной Великобритании: на примере Шотландии и Уэльса: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.02. – СПб., 2012. – 572 с.

219. Ковба Д.М. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона: диссертация … кандидата политических наук: 23.00.02. – Екатеринбург, 2017. – 173 с.

220. Сухарев А.И. Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира: автореферат диссертации ... доктора полит. наук. – М., 2011. – 52 с.

221. Харитонова Е.М. «Мягкая сила» во внешней политике государства: опыт Великобритании (вторая половина 1990-х – 2010-е гг.): диссертация … кандидата политических наук: 23.00.04. – М., 2017. – 216 с.

222. Beggs C.S. Soft Power, Hard Times: Russian Influence in the Post-Soviet Space during Periods of Military Conflict: PhD thesis. – Manchester, 2020. – 356 p.

223. Chong Chia Siong A. Foreign policy in global information space: Actualising soft power: PhD thesis. – London, 2002. – 457 p.

224. Saleh L. Soft Power, NGOs, and the US War on Terror: dissertation. – Milwaukee, 2012. – 304 p.

Ресурсы удаленного доступа

225. Дежина И.Г. Российская наука как фактор мягкого влияния [Электронный ресурс] // РСМД. – 19 июня 2012. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-nauka-kak-faktor-myagkogo-vliyaniya/ (дата обращения: 19.01.2023).

226. ЛукьяновФ. Парадоксы российской «мягкой силы» [Электронный ресурс] // Франко-Российский аналитический центр Обсерво. – URL: https://obsfr.ru/analytics/blogs/10982/ (дата обращения: 25.01.2020).

227. Пономарева Е.Г. Железная хватка «мягкой силы» // Однако. – 2013. – № 6. – URL: http://www.odnako.org/magazine/material/zheleznaya-hvatka-myagkoy-sili/ (дата обращения: 9.01.2023).

228. Фененко А.В. Реальность и мифы «мягкой силы» [Электронный ресурс] // РСМД. – 27 января 2016. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/realnost-i-mify-myagkoy-sily/ (дата обращения: 27.01.2020).

229. Цыганков А.П. Всесильно, ибо верно? «Мягкая сила» и теория международных отношений // Россия в глобальной политике. – 16 декабря 2013. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/vsesilno-ibo-verno/ (дата обращения: 19.01.2023).

230. 2019 ASVA Annual Visitor Trend Report [Электронный ресурс] / ASVA. – 10 p. – URL: https://asva.co.uk/app/uploads/2021/02/ASVA-Annual-Visitor-Trends-Report-2019.pdf (дата обращения: 2.09.21).

231. 2019 snapshot [Электронный ресурс] / VisitBritain. – URL: https://www.visitbritain.org/2019-snapshot (дата обращения: 1.08.21).

232. 2020 UK Climate Finance Results [Электронный ресурс] / Department for International Development. – 2020. – 12 p. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attach

ment_data/file/911393/ICF-Results-Publication-2020.pdf (дата обращения: 2.09.21).

233. 2021 Academic Ranking of World Universities [Электронный ресурс] / ShanghaiRanking Consultancy. – URL: http://www.shanghairanking.com/rankings/arwu/2021 (дата обращения: 7.11.21).

234. A Manifesto for Change // All for Unity. – 13 p. – URL: https://www.alliance4unity.uk/download/5801/ (дата обращения: 22.06.21).

235. About Historic Environment Scotland [Электронный ресурс] / Historic Environment Scotland. – URL: https://www.historicenvironment.scot/about-us/who-we-are/about-historic-environment-scotland/ (дата обращения: 3.09.21).

236. About the Celtic Congress [Электронный ресурс] / International Celtic Congress. – URL: https://internationalcelticcongress.org/en/home/about-us/ (дата обращения: 5.06.21).

237. Achievement of Curriculum for Excellence (CfE) Levels 2018-19. Supporting documents [Электронный ресурс] / The Scottish Government. Learning Directorate. – URL: https://www.gov.scot/publications/achievement-curriculum-excellence-cfe-levels-2018-19/documents/ (дата обращения: 10.04.21).

238. Acuerdo de colaboración entre el Gobierno de España y el Ayuntamiento de Barcelona [Электронный ресурс] / Ayuntamiento de Barcelona. – 7 febrero 2020. – URL: https://ajuntament.barcelona.cat/premsa/wp-content/uploads/2020/02/AyuntamientoBarcelona.pdf (дата обращения: 25.03.21).

239. Aims and objectives [Электронный ресурс] / The Celtic League. – URL: https://www.celticleague.net/aims-and-objectives/ (дата обращения: 5.06.21).

240. Ajuts i subvencions atorgats [Электронный ресурс] / Generalitat de Catalunya. Departament de la Presidència. – URL:

https://presidencia.gencat.cat/ca/el_departament/transparencia/economia-i-finances/subvencions/ajuts-i-subvencions-atorgades/ (дата обращения: 25.03.21).

241. Annual Report and Accounts 2019–20 [Электронный ресурс] / British Council. – 2021. – 104 p. – URL: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/annual_report_2019-20.pdf(дата обращения: 2.11.21).

242. Annual Report and Statement of Accounts 2019/20 [Электронный ресурс] / MG ALBA. – 2020. – 99 p. – URL: https://mgalba.com/wp-content/uploads/2020/12/annual-report-19-20.pdf (дата обращения: 12.05.21).

243. Apoyo absoluto a las instituciones democráticas de Catalunya escogidas por sus ciudadanos [Электронный ресурс] / FC Barcelona. – 21 octubre 2017. – URL: https://www.fcbarcelona.es/es/club/noticias/738040/apoyo-absoluto-a-las-instituciones-democraticas-de-catalunya-escogidas-por-sus-ciudadanos (дата обращения: 15.03.21).

244. Armour R. Charity under fire amid claims it promotes Scots independence [Электронный ресурс] // Third Force News. – 5 October 2015. – URL: https://tfn.scot/news/charity-under-fire-amid-claims-it-promotes-scots-independence (дата обращения: 20.04.21).

245. Baròmetre d'opinió Enquesta encarregada per l'ldescat i Centre d'Estudis d'Opinió [Электронный ресурс] / Generalitat de Catalunya. Departament d'Economia i Finances. – 2004. – 55 p. – URL: http://upceo.ceo.gencat.cat/wsceop/287/Informe%20de%20resultats_a-287.pdf (дата обращения: 15.03.21).

246. Barómetro de mayo 2021. Estudio nº 3322 [Электронный ресурс] / Centro de Investigaciones Sociológicas. – 33 p. – URL: http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/3320_3339/3322/es3322mar.pdf (дата обращения: 22.07.21).

247. BBC Group Annual Report and Accounts 2019/20 [Электронный ресурс] / BBC. – 2020. – 262 p. – URL:

http://downloads.bbc.co.uk/aboutthebbc/reports/annualreport/2019-20.pdf (дата обращения: 12.05.21).

248. BBC Scotland COVID-19 Polling Wave 2 [Электронный ресурс] / Ipsos MORI. – 2020. – 25 p. – URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-11/ipsos-mori-bbc-scotland-tables-19-11-20.pdf (дата обращения: 15.04.21).

249. Benito R. Sánchez quiere imponer los indultos contra la opinión del 61% de los españoles [Электронный ресурс] // El Mundo. – 6 junio 2021. – URL: https://www.elmundo.es/espana/encuestas/2021/06/06/60bcecfae4d4d81a248b45e6.html (дата обращения: 20.08.21).

250. Boris Johnson 'called Scottish devolution disaster' [Электронный ресурс] // BBC. – 17 November 2020. – URL: https://www.bbc.com/news/uk-politics-54965585 (дата обращения: 19.05.21).

251. Brief Analysis of the 2011 Census Results [Электронный ресурс] / Scots Language Centre. – 2013. – 5 p. – URL: http://media.scotslanguage.com/library/document/SLC%20Analysis%20of%20Census%202011%20for%20Scots.pdf (дата обращения: 20.04.21).

252. Brooks L. Scottish independence: Boris Johnson pushes back against IndyRef2 [Электронный ресурс] // The Guardian. – 8 May 2021. – URL: https://www.theguardian.com/politics/2021/may/08/scottish-independence-referendum-boris-johnson-pushes-back-against-indyref2 (дата обращения: 22.06.21).

253. Coll J.M. Cities emerging soft power: 5 key advantages for improved global governance [Электронный ресурс] // Opinion CIDOB. – 2015. – № 332. – P. 1–3. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/191542/332_OPINION_JOSEP%20M%C2%AA%20COLL_ANG.pdf (дата обращения: 4.11.21).

254. Comunicado del FC Barcelona [Электронный ресурс] / FC Barcelona. – 20 septiembre 2017. – URL:

https://www.fcbarcelona.es/es/club/noticias/742650/comunicado-del-fc-barcelona (дата обращения: 15.03.21).

255. Concessions [Электронный ресурс] / Generalitat de Catalunya. Departament d'Economia i Hisenda. – URL: http://economia.gencat.cat/ca/ambits-actuacio/ajuts-subvencions/registre/concessions/ (дата обращения: 25.03.21).

256. Concluye el registro de Unipost tras desalojar los Mossos una protesta que impedía el paso a la comitiva judicial [Электронный ресурс] // La Vanguardia. – 19 septiembre 2017. – URL: https://www.lavanguardia.com/local/barcelona/20170919/431413037786/concluye-el-registro-de-unipost-tras-desalojar-los-mossos-una-protesta-que-impedia-el-paso-a-la-comitiva-judicial.html (дата обращения: 19.03.21).

257. Cuenta satélite del turismo de España [Электронный ресурс] / Instituto Nacional de Estadística. – URL: https://www.ine.es/jaxi/Datos.htm?path=/t35/p011/rev19/serie/&file=03001.px (дата обращения: 20.07.21).

258. Datos electorales – Elecciones Autonómicas: 2019 [Электронный ресурс] / Corts Valencianes. – URL: https://www.cortsvalencianes.es/es/composicion/resultados/datos-electorales-elecciones-autonomicas-2019 (дата обращения: 25.03.21).

259. Dearden L. Scottish independence: Full text of David Cameron's 'no going back' speech // The Independent. – 16 September 2014. – URL: https://www.independent.co.uk/news/uk/scottish-independence/scottish-independence-full-text-david-cameron-s-no-going-back-speech-9735902.html (дата обращения: 25.06.21).

260. Declaració dels representants de Catalunya [Электронный ресурс] // Ara. – 4 p. –URL: https://static1.ara.cat/ara/public/content/file/original/2017/1010/20/declaracio-d-independe-ncia-signada-per-jxs-i-la-cup-0a28a46.pdf (дата обращения: 23.08.21).

261. Declaración institucional del presidente Josep Maria Bartomeu [Электронный ресурс] / FC Barcelona. – 2 octubre 2017. – URL:

https://www.fcbarcelona.es/es/club/noticias/738221/declaracion-institucional-del-presidente-josep-maria-bartomeu (дата обращения: 15.03.21).

262. Deerin C. The SNP can't disguise Scotland's failing education system // The New Statesman. – 13 June 2012. – URL: https://www.newstatesman.com/politics/scotland/2012/06/snp-can-t-disguise-scotland-s-failing-education-system (дата обращения: 10.04.21).

263. Diálogo internacional. Conectamos. Proyectamos. Capacitamos [Электронный ресурс] / DIPLOCAT. – 8 p. – URL: https://diplocat.cat/media/upload/arxius/publicacions/QuadripticDiplocat_ES.pdf (дата обращения: 25.03.21).

264. Directrices revisadas sobre la celebración de referendos [Электронный ресурс] / Venice Commission. – 2020. – 17 p. – URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2020)031-spa (дата обращения: 2.04.21).

265. Donald C. Revealed: The six European countries where Scotland will set up trade offices [Электронный ресурс] // Insider.co.uk. – 19 February 2018. – URL: https://www.insider.co.uk/news/scottish-development-international-jobs-offices-12047521 (дата обращения: 19.06.21).

266. El 2019, 25 anys treballant per la llengua Memòria anual. Resum d'activitats [Электронный ресурс] / Plataforma per la Llengua. – 19 p. – URL: https://www.plataforma-llengua.cat/media/upload/arxius/memories/Memo%CC%80ria%202019.pdf (дата обращения: 12.03.21).

267. El conflicto independentista en Cataluña [Электронный ресурс] / Real Instituto Elcano. – 2019. – 45 p. – URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/947006ee-0c43-4237-96e7-0453c9ce2e1f/Cataluna-Dossier-Elcano-Octubre-2019.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=947006ee-0c43-4237-96e7-0453c9ce2e1f (дата обращения: 5.06.2021).

268. El español: una lengua viva. Informe 2020 [Электронный ресурс] / Instituto Cervantes. – 99 p. – URL: https://www.redalyc.org/pdf/4135/413536166002.pdf (дата обращения: 20.07.21).

269. Election results [Электронный ресурс] / Senedd Cymru. – URL: https://business.senedd.wales/mgManageElectionResults.aspx (дата обращения: 5.06.21).

270. 'Empathy' for independent Scotland joining the EU says Tusk [Электронный ресурс] // BBC. – 2 February 2020. – URL: https://www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-51342714 (дата обращения: 19.06.21).

271. Enquesta sobre context polític a Catalunya. 2020. Dossier de prensa [Электронный ресурс] / Centre d'Estudis d'Opinió. – 2020. – 66 p. – URL: http://upceo.ceo.gencat.cat/wsceop/7848/Dossier%20de%20premsa%20-988.pdf (дата обращения: 14.03.21).

272. Enseñanza universitaria. Movilidad de estudiantes. Por universidades habitual [Электронный ресурс] / Instituto de Estadística de Cataluña. – URL: https://www.idescat.cat/pub/?id=aec&n=762&lang=es (дата обращения: 20.07.21).

273. Escribano G., Lázaro L., Moreno N. Gobernanza climática y multilateralismo: escenarios, actores y papel de España [Электронный ресурс] // Comentario Elcano. – 2021. – №3. – URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/cambio-climatico/comentario-escribano-lazaro-moreno-gobernanza-climatica-y+multilateralismo-escenarios-actores-y-papel-de-espana (дата обращения: 24.07.21).

274. Espacios deportivos. Por tipo. Comarcas y Aran, y ámbitos [Электронный ресурс] / Instituto de Estadística de Cataluña. – URL: https://www.idescat.cat/pub/?id=aec&n=807&lang=es (дата обращения: 17.07.21).

275. Estatuts [Электронный ресурс] / BLOC. – 60 p. – 2016. – URL: https://compromis.net/wp-content/uploads/2017/11/ESTATUTS-BLOC-ADAPTATS-A-LLEI.pdf (дата обращения: 25.03.21).

276. Estudis de la Generalitat. Percepció de la societat espanyola sobre el debat territorial a Espanya [Электронный ресурс] / Centre d'Estudis d'Opinió. – 2019. – URL: https://ceo.gencat.cat/ca/estudis/registre-estudis-dopinio/estudis-de-la-generalitat/detall/index.html?id=7368 (дата обращения: 25.03.21).

277. European leaders welcome Scottish vote for united UK [Электронный ресурс] // The Economic Times. – 20 September 2014. – URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/european-leaders-welcome-scottish-vote-for-united-uk/articleshow/42988270.cms (дата обращения: 22.06.21).

278. Evaluation of the Royal National Mòd [Электронный ресурс] / STR. – 2019. – 75 p. – URL: https://www.gaidhlig.scot/wp-content/uploads/2020/02/STR-and-The-Glamis-Consultancy-Report-Evaluation-of-the-Royal-National-M%C3%B2d-Glasgow-2019_FINAL-REPORT-1.pdf (дата обращения: 27.04.21).

279. Export Statistics Scotland 2018 [Электронный ресурс] / The Scottish Government. National Statistics. – 2020. – 47 p. – URL: https://www.gov.scot/binaries/content/documents/govscot/publications/statistics/2020/01/export-statistics-scotland-2018/documents/export-statistics-scotland-2018---publication/export-statistics-scotland-2018---publication/govscot%3Adocument/Export%2BStatistics%2BScotland%2B2018%2B-%2BPublication.pdf (дата обращения: 19.05.21).

280. Exports of goods and services (current US$) [Электронный ресурс] / World Bank. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CD?most_recent_value_desc=true&view=chart (дата обращения: 1.08.21).

281. Facts & Figures [Электронный ресурс] / Scotch Whisky Association. – URL: https://www.scotch-whisky.org.uk/insights/facts-figures/ (дата обращения: 3.11.21).

282. Faus J. El estrés de ser diplomático en Barcelona [Электронный ресурс] // El País. – 6 agosto 2019. – URL: https://elpais.com/ccaa/2019/08/04/catalunya/1564940351_781295.html (дата обращения: 2.04.21).

283. Federaciones deportivas. Clubes y licencias [Электронный ресурс] / Instituto de Estadística de Cataluña. – URL: https://www.idescat.cat/pub/?id=aec&n=808&lang=es (дата обращения: 17.07.21).

284. Funding provided to the Scots Language Centre: FOI release [Электронный ресурс] / The Scottish Government. Learning Directorate. – 2018. – URL: https://www.gov.scot/publications/foi-18-01977/ (дата обращения: 20.04.21).

285. Gaelic School Data 2019-20 [Электронный ресурс] / Bòrd na Gàidhlig. – 2020. – 29 p. – URL: https://www.gaidhlig.scot/wp-content/uploads/2020/11/D%C3%A0ta-Sgoile-POBLACH-2019-20-2.0-BnG-PUBLIC-Schools-Data.pdf (дата обращения: 27.04.21).

286. GDP per capita, current prices [Электронный ресурс] / IMF. – URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPDPC@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD/LUX/CHE/IRL/NOR/USA/DNK/ISL/SGP/AUS/QAT/SWE/MAC/NLD/FIN/AUT/DEU (дата обращения: 20.07.21).

287. GDP, current prices [Электронный ресурс] / IMF. – URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPD@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD (дата обращения: 20.07.21).

288. Gerard Piqué [Электронный ресурс] // Instagram. – URL: https://www.instagram.com/p/BZs9nWyFtco/ (дата обращения: 17.03.21).

289. Gerard Piqué [Электронный ресурс] // Twitter. – URL: https://twitter.com/3gerardpique/status/914433491747659776 (дата обращения: 17.03.21).

290. Gerard Piqué [Электронный ресурс] // Twitter. – URL: https://twitter.com/3gerardpique/status/1183680594372247552 (дата обращения: 17.03.21).

291. Global Soft Power Index [Электронный ресурс] / Brand Finance. – URL: https://brandirectory.com/globalsoftpower/ (дата обращения: 11.09.21).

292. Global Soft Power Index 2020 [Электронный ресурс] / Brand Finance. – 144 p. – URL: https://brandirectory.com/globalsoftpower/download/brand-finance-global-soft-power-index-2020.pdf (дата обращения: 18.08.21).

293. Global Soft Power Index 2021 [Электронный ресурс] / Brand Finance. – 122 p. – URL: https://brandirectory.com/globalsoftpower/download/brand-finance-global-soft-power-index-2021.pdf (дата обращения: 18.08.21).

294. Gordon Brown's speech at the "Love Scotland Vote No" rally in Glasgow [Электронный ресурс] // The Office of Gordon and Sarah Brown. – 17 September 2014. – URL: https://gordonandsarahbrown.com/2014/09/gordon-browns-speech-at-the-love-scotland-vote-no-rally-in-glasgow/ (дата обращения: 19.05.21).

295. Gray C.S. Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century [Электронный ресурс] // Strategic Studies Institute, US Army War College. – 1 April 2011. – URL: https://www.jstor.org/stable/resrep11431 (дата обращения: 19.01.2023).

296. Green C. Scottish independence: The Queen breaks silence on referendum debate – as think tank warns of £14bn black hole if Scotland votes Yes [Электронный ресурс] // The Independent. – 15 September 2014. – URL: https://www.independent.co.uk/news/uk/scottish-independence/scottish-

independence-queen-breaks-silence-referendum-debate-9732198.html (дата обращения: 17.06.21).

297. Hemmings J. Scottish independence would have a negative impact on security [Электронный ресурс] // LSE. – 17 September 2014. – URL: https://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/scottish-independence-would-have-a-negative-impact-on-security/ (дата обращения: 22.06.21).

298. Henderson A., Mitchell J. The Scottish Question, Six Months On [Электронный ресурс] // Transatlantic Seminar Series. – 27 March 2015. – 40 p. – URL: https://blogs.sps.ed.ac.uk/scottishreferendumstudy/files/2015/03/Scottish-Referendum-Study-27-March-2015.pdf (дата обращения: 20.04.21).

299. Higher Education Student Statistics: UK, 2019/20 - Where students come from and go to study [Электронный ресурс] / HESA. – URL: https://www.hesa.ac.uk/news/27-01-2021/sb258-higher-education-student-statistics/location (дата обращения: 2.09.21).

300. Imports of goods and services (current US$) [Электронный ресурс] / World Bank. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/NE.IMP.GNFS.CD?most_recent_value_desc=true&view=chart (дата обращения: 1.08.21).

301. Independence Referendum [Электронный ресурс] / Ipsos MORI. – 2014. – 42 p. – URL: https://web.archive.org/web/20140924042744/http://www.ipsos-mori.com/Assets/Docs/Polls/scotland-referendum-18-september-tables.pdf (дата обращения: 17.05.21).

302. Índice Elcano de Presencia Global. España 2010 [Электронный ресурс] / Real Instituto Elcano. – URL: https://explora.globalpresence.realinstitutoelcano.org/es/country/iepg/soft_global/ES/ES/2010 (дата обращения: 18.08.21).

303. Índice Elcano de Presencia Global. España 2011 [Электронный ресурс] / Real Instituto Elcano. – URL:

https://explora.globalpresence.realinstitutoelcano.org/es/country/iepg/soft_global/ES/ES/2011 (дата обращения: 18.08.21).

304. Índice Elcano de Presencia Global. España 2020 / Real Instituto Elcano. – URL: https://explora.globalpresence.realinstitutoelcano.org/es/country/iepg/global/ES/ES/2020 (дата обращения: 18.08.21).

305. Índice Elcano de Presencia Global. Reino Unido [Электронный ресурс] / Real Instituto Elcano. – URL: https://explora.globalpresence.realinstitutoelcano.org/es/country/iepg/global/GB/GB/2020# (дата обращения: 18.08.21).

306. Information relating to 'The Road to the Scottish Parliament': FOI release Scotland [Электронный ресурс] / The Scottish Government. – 2020. – URL: https://www.gov.scot/publications/foi-202000124521/ (дата обращения: 10.04.21).

307. Informe de fiscalización relativa al destino dado a los recursos asignados a la ejecución de políticas de acción exterior de la Comunidad Autónoma de Cataluña, correspondientes a los ejercicios 2011-2017. №1.319 [Электронный ресурс] / Tribunal de Cuentas. – 465 p. – URL: https://www.tcu.es/repositorio/7b967dfb-a08f-493e-a159-a7cb7d1c4071/I1319.pdf (дата обращения: 25.03.21).

308. Informe de política lingüística 2019 [Электронный ресурс] / Generalitat de Catalunya. Departamento de Cultura. – 202 p. – URL: https://llengua.gencat.cat/web/.content/documents/informepl/arxius/IPL2019-ES.pdf (дата обращения: 1.09.21).

309. Inscríbete y hazte militante [Электронный ресурс] / Unidas Podemos. – 2019. – URL: https://participa.podemos.info/es (дата обращения: 25.03.21).

310. Instrumentalización nacionalista del sistema educativo en Cataluña: el caso del 1 de octubre [Электронный ресурс] / Asamblea por una Escuela Bilingüe, Societat Civil Catalana. – 2018. – 335 p. – URL:

https://www.aebcatalunya.org/images/informe-ensenanza.pdf (дата обращения: 1.06.2021).

311. International migrant stock 2019: Country Profiles [Электронный ресурс] / United Nations. – URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/countryprofiles.asp (дата обращения: 21.07.21).

312. International offices: strategic objectives [Электронный ресурс] / The Scottish Government. External Affairs Directorate. – 2019. – URL: https://www.gov.scot/publications/international-offices-strategic-objectives/pages/introduction/ (дата обращения: 19.06.21).

313. Ipsos MORI survey for King's College London Polling Club [Электронный ресурс] / Ipsos MORI. – 2016. – 4 p. – URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/migrations/en-uk/files/Assets/Docs/Polls/monarchy-kings-polling-club-2016-topline.pdf (дата обращения: 12.06.21).

314. Jackson B. Scottish independence: denial is no way to ward off divorce [Электронный ресурс] // Prospect. – 14 July 2020. – URL: https://www.prospectmagazine.co.uk/politics/scottish-independence-denial-is-no-way-to-ward-off-divorce-union-snp-sturgeon-nationalism (дата обращения: 5.06.21).

315. Key Facts on Tourism in Scotland 2019 [Электронный ресурс] / VisitScotland. – 2020. – 19 p. – URL: https://www.visitscotland.org/binaries/content/assets/dot-org/pdf/research-papers-2/key-facts-on-tourism-in-scotland-2019.pdf (дата обращения: 3.11.21).

316. KnowledgePanel UK: Wave 11 Survey - State of the Union [Электронный ресурс] / Ipsos MORI. – 2021. – 32 p. – URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-04/scotland-future-of-the-union-tables-april-2021.pdf (дата обращения: 5.06.21).

317. La Guardia Civil bloquea más de 140 webs de apoyo al 1-O por orden del TSJC [Электронный ресурс] // Agencia EFE. – 26 septiembre 2017. – URL:

https://www.efe.com/efe/espana/politica/la-guardia-civil-bloquea-mas-de-140-webs-apoyo-al-1-o-por-orden-del-tsjc/10002-3390284 (дата обращения: 19.03.21).

318. La Guardia Civil interviene 100.000 carteles de propaganda del 1-O en Poble Nou [Электронный ресурс] // La Vanguardia. – 15 septiembre 2017. – URL: https://www.lavanguardia.com/politica/20170915/431297725043/guardia-civil-imprentas-lhospitalet-sant-feliu-de-llobregat.html (дата обращения: 19.03.21).

319. La prisión no es la solución [Электронный ресурс] / FC Barcelona. – 14 octubre 2019. – URL: https://www.fcbarcelona.es/es/club/noticias/1451999/la-prision-no-es-la-solucion (дата обращения: 15.03.21).

320. La realidad sobre el proceso independentista [Электронный ресурс] / España Global. – 2019. – 89 p. – URL: http://www.exteriores.gob.es/Embajadas/PARIS/es/Noticias/Documents/LA%20REALIDAD%20SOBRE%20EL%20PROCESO%20INDEPENDENTISTA%20-%2024%20septiembre%202019.pdf (дата обращения: 2.04.21).

321. La Universidad de Barcelona en cifras [Электронный ресурс] / Universitat de Barcelona. – 7 p. – URL: http://www.ub.edu/gtr/documents/xifres/UBenXifres_CAST.pdf (дата обращения: 20.07.21).

322. Leask D. Does speaking Scots make you more likely to support independence? [Электронный ресурс] // The Herald. – 7 June 2015. – URL: https://www.heraldscotland.com/news/13411864.speaking-scots-make-likely-support-independence/ (дата обращения: 12.05.21).

323. Llaneras K. Así se relacionan en Cataluña la renta, el voto, el origen y la independencia [Электронный ресурс] // El País. – 20 febrero 2021. – URL: https://elpais.com/politica/2021/02/19/actualidad/1613741557_146092.html (дата обращения: 25.03.21).

324. Llengua catalana. Campanyes [Электронный ресурс] / Generalitat de Catalunya. – URL:

https://llengua.gencat.cat/ca/serveis/informacio_i_difusio/campanyes/ (дата обращения: 12.03.21).

325. L'ONG del català [Электронный ресурс] / Plataforma per la Llengua. – URL: https://www.plataforma-llengua.cat/qui-som/ (дата обращения: 12.03.21).

326. Mason R. Scotland has chance to become 'world leader' on human rights, Amnesty says [Электронный ресурс] // The National. – 13 March 2021. – URL: https://www.thenational.scot/news/19158176.scotland-chance-become-world-leader-human-rights-amnesty-says/ (дата обращения: 17.06.21).

327. McClory J. Gauging International Perceptions: Scotland and Soft Power [Электронный ресурс] / British Council Scotland. – 31 p. – URL: https://scotland.britishcouncil.org/sites/default/files/t0026_scottish_soft_power_doc_s1_v20.pdf (дата обращения: 3.11.21).

328. McClory J. The Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power 2019 [Электронный ресурс] / Portland, USC Center on Public Diplomacy. – 123 p. – URL: https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf (дата обращения: 10.11.21).

329. McClory J. Wales Soft Power Barometer 2018: Measuring soft power beyond the nation state [Электронный ресурс] / British Council Wales. – 33 p. – URL: https://wales.britishcouncil.org/sites/default/files/wales_soft_power_barometer_2018_0.pdf (дата обращения: 6.11.21).

330. McLaughlin M. SNP school pledge ‘was worthless’ [Электронный ресурс] // The Times. – 24 March 2021. – URL: https://www.thetimes.co.uk/article/snp-school-pledge-was-worthless-gbth2snzs?clickref=1101liBMBpSW&clickref=1011liBPnKZd&clickref=1011liBPnMqZ&utm_medium=affiliates&utm_campaign=adgoal_eu&utm_source=partnerize (дата обращения: 10.04.21).

331. McLellan J. SNP deserves a D for education but voters still put them top of the class – John McLellan [Электронный ресурс] // The Scotsman. – 19 December 2020. – URL: https://www.scotsman.com/news/opinion/columnists/snp-

deserves-a-d-for-education-but-voters-still-put-them-top-of-the-class-john-mclellan-3073111# (дата обращения: 10.04.21).

332. McNeil R. The Scottish diaspora and Scottish independence [Электронный ресурс] // The Migration Observatory. – 2014. – URL: https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/commentaries/the-scottish-diaspora-and-scottish-independence/ (дата обращения: 20.06.21).

333. Memòria de la Comissió Assessora sobre la Publicitat Institucional 2018 [Электронный ресурс] / Generalitat de Catalunya. Comissió Assessora sobre la Publicitat Institucional. – 2019. – 42 p. – URL: https://governobert.gencat.cat/web/.content/10_Transparencia/02_AccioDeGovern/MemoriaPublicitatInstitucional/memoria-2018-publicitat-institucional.pdf (дата обращения: 19.03.21).

334. Mensaje de Su Majestad el Rey [Электронный ресурс] / Casa de Su Majestad el Rey. – 03.10.2017. – URL: https://www.casareal.es/EN/Actividades/Paginas/actividades_discursos_detalle.aspx?data=5716 (дата обращения: 25.03.21).

335. Migelez X. Un total de 12,5 millones vieron el discurso del Rey, el más visto de los últimos 20 años [Электронный ресурс] // El Confidencial. – 4 octubre 2017. – URL: https://www.elconfidencial.com/television/audiencias/2017-10-04/audiendia-discurso-rey-felipevi-mensaje-mas-visto-20-anos_1455223/ (дата обращения: 25.03.21).

336. Minder R. Catalan Separatists' Trial: How They Got Here, and What They Could Face [Электронный ресурс] // The New York Times. – 11 February 2019. – URL: https://www.nytimes.com/2019/02/11/world/europe/catalonia-separatists-trial.html (дата обращения: 2.04.21).

337. Modernising the United Kingdom: Unleashing the Power of the Union – Ideas for New Leadership [Электронный ресурс] / J. Airey, G. Elefteriu, S. Laws, W. Lightfoot, B. McAleenan, R. Reid, J. Zeber. – 2019. – 76 p. – URL: https://policyexchange.org.uk/wp-content/uploads/2019/08/Modernising-the-UK.pdf (дата обращения: 7.06.21).

338. Mondelo V. Colau admite espionaje en los patios de tres escuelas de Barcelona [Электронный ресурс] // El Mundo. – 18 septiembre 2019. – URL: https://www.elmundo.es/cataluna/2019/09/18/5d811d06fc6c8300768b4695.html (дата обращения: 14.03.21).

339. 'Moreno' national identity / What Scotland Thinks. – URL: https://whatscotlandthinks.org/questions/moreno-national-identity-5/ (дата обращения: 17.05.21).

340. Noticias. Los Museos Dalí superan de nuevo el millón de visitantes [Электронный ресурс] / Fundació Gala - Salvador Dalí. – 9 de enero de 2020. – URL: https://www.salvador-dali.org/es/servicios/prensa/noticias/383/los-museos-dali-superan-de-nuevo-el-millon-de-visitantes (дата обращения: 15.07.21).

341. Nye J.S. A Smarter Superpower [Электронный ресурс] // Foreign Policy. – October 13, 2009. – URL: https://foreignpolicy.com/2009/10/13/a-smarter-superpower/ (дата обращения: 16.01.2020).

342. Nye J.S. Soft power: the origins and political progress of a concept [Электронный ресурс] // Palgrave Communications. – 2017. – URL: https://www.nature.com/articles/palcomms20178 (дата обращения: 17.01.2020).

343. Nye J.S. Think Again: Soft Power [Электронный ресурс] // Foreign Policy. – February 23, 2006. – URL: https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/ (дата обращения: 17.01.2020).

344. Olivié I., Gracia M., Gomariz M.D. España en el mundo: análisis en base al Índice Elcano de Presencia Global 2016 [Электронный ресурс] // Análisis del Real Instituto Elcano. – 2017. – № 85. – URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/especiales/indiceelcanopresenciaglobal/ari85-2017-olivie-gracia-gomariz-espana-en-el-mundo-analisis-indice-elcano-presencia-global-2016 (дата обращения: 5.09.21).

345. Òmnium Cultural [Электронный ресурс] / Òmnium Cultural. – URL: https://www.omnium.cat/en/#omnium (дата обращения: 9.11.21).

346. Online, digital and radio advertising spend: FOI release [Электронный ресурс] / The Scottish Government. Communications and Ministerial Support Directorate. – 2020. – URL: https://www.gov.scot/publications/foi-202000018487/ (дата обращения: 17.05.21).

347. Orriols L. [Электронный ресурс] ¿Es la escuela catalana una fábrica de independentistas? // elDiario.es. – 18 octubre 2017. – URL: https://www.eldiario.es/piedrasdepapel/escuela-catalana-fabrica-independentistas_132_3118743.html 1183680594372247552 (дата обращения: 17.03.21).

348. Our global network [Электронный ресурс] / VisitBritain. – URL: https://www.visitbritain.org/our-network (дата обращения: 1.08.21).

349. Paterson L. Attitudes to Gaelic and to Scottish Autonomy [Электронный ресурс] // Centre on Constitutional Change. – 30 June 2014. – URL: https://www.centreonconstitutionalchange.ac.uk/opinions/attitudes-gaelic-and-scottish-autonomy (дата обращения: 12.05.21).

350. Pep Guardiola en suport a Tsunami Democràtic [Электронный ресурс] // Catalunya Free TV. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=YWsoKwPxtwQ (дата обращения: 2.04.21).

351. Pla Europa. Libre blanc [Электронный ресурс] / Generalitat de Catalunya. Departament d'Acció Exterior, Relacions Institucionals i Transparència. – 2019. – 49 p. – URL: https://exteriors.gencat.cat/web/.content/saeue/00_pla_europa/llibre_blanc/pla_europa_llibre_blanc_complet.pdf (дата обращения: 30.03.21).

352. Plaid Cymru call for alliance with SNP to break up the UK [Электронный ресурс] // The Scotsman. – 7 October 2018. – URL: https://www.scotsman.com/news/politics/plaid-cymru-call-alliance-snp-break-uk-245521 (дата обращения: 5.06.21).

353. Plan estratégico para el curso 2020–2021 [Электронный ресурс] / Sociedad Civil Catalana. – URL:

https://societatcivilcatalana.cat/assets/documents/Plan_estrat%C3%A9gico_curso_2020-2021.pdf (дата обращения: 20.03.21).

354. Població de 2 anys i més segons coneixement del català (%) [Электронный ресурс] / Instituto de Estadística de Cataluña. – URL: https://www.idescat.cat/pub/?id=censph&n=6446&t=198100&lang=es (дата обращения: 12.03.21).

355. Población empadronada. Por lugar de nacimiento. Comarcas y Aran, ámbitos y provincias [Электронный ресурс] / Instituto de Estadística de Cataluña. – URL: https://www.idescat.cat/pub/?id=aec&n=257&lang=es (дата обращения: 20.03.21).

356. Ponència política: "Construïm el País Valencià del Segle XXI" [Электронный ресурс] / Esquerra Republicana del País Valencià. – 2013. – 29 p. – URL: https://locals.esquerra.cat/documents//ponenciacpvalenciaerpv.pdf (дата обращения: 25.03.21).

357. Por la convivencia democrática [Электронный ресурс] / Gobierno de España. Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación. – 2014. – 247 p. – URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Multimedia/Publicaciones/Documents/Porlaconvivencia/POR%20LA%20CONVIVENCIA%20DEMOCRATICA.pdf (дата обращения: 25.03.21).

358. Preguntas frecuentes sobre el Índice Elcano de Presencia Global [Электронный ресурс] / Real Instituto Elcano. – URL: https://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/es/faq (дата обращения: 5.01.21).

359. Pressupostos de la Generalitat [Электронный ресурс] / Generalitat de Catalunya. Departament de la Vicepresidència i d'Economia i Hisenda. – URL: http://aplicacions.economia.gencat.cat/wpres/AppPHP/02_entitats.php?any=2020 (дата обращения: 25.03.21).

360. Prieto Gutiérrez J.J. La acción cultural exterior de España a través del Instituto Cervantes [Электронный ресурс] // Observatorio de la Imagen de

España. – 2013. – № 14. – URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/imagen+de+espana/oie14-2013-la-accion-cultural-exterior-espana-instituto-cervantes (дата обращения: 19.07.21).

361. Prioridades españolas [Электронный ресурс] / Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación. – URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/DerechosHumanos/Paginas/Prioridades.aspx (дата обращения: 24.07.21).

362. Programa político. Elecciones 2019 [Электронный ресурс] / Unidas Podemos. – 2019. – URL: https://podemos.info/wp-content/uploads/2019/10/Podemos_programa_generales_10N.pdf (дата обращения: 25.03.21).

363. Programme Plan 2018–21 [Электронный ресурс] / Fèisean nan Gàidheal. – 36 p. – URL: https://www.feisean.org/wp-content/uploads/FnG-ProgrammePlan201821.pdf (дата обращения: 20.04.21).

364. Prohibida por el TSJC la difusión de publicidad del referéndum en los medios de comunicación digital [Электронный ресурс] // Catalunyapress. – 16 septiembre 2017. – URL: https://www.catalunyapress.es/texto-diario/mostrar/845529/prohibida-tsjc-difusion-publicidad-referendum-medios-comunicacion-digital (дата обращения: 19.03.21).

365. Promoció de la llengua i cultura catalanes [Электронный ресурс] /L'Institut Ramon Llull. – URL: https://www.llull.cat/catala/quisom/quisom.cfm (дата обращения: 20.07.21).

366. QS World University Rankings 2022 [Электронный ресурс] / QS Quacquarelli Symonds. – URL: https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2022 (дата обращения: 1.09.21).

367. Qué es el Índice Elcano de Presencia Global [Электронный ресурс] / Real Instituto Elcano. – URL: https://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/es/estructura (дата обращения: 11.09.21).

368. Qué es el Índice Elcano de Presencia Global. Metodología [Электронный ресурс] / Real Instituto Elcano. – URL: https://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/es/metodologia (дата обращения: 11.09.21).

369. Ranking de diarios [Электронный ресурс] / Asociación para la Investigación de Medios de Comunicación. – URL: https://reporting.aimc.es/index.html#/main/diarios (дата обращения: 19.03.21).

370. Ranking: audiencia radios generalistas [Электронный ресурс] / Asociación para la Investigación de Medios de Comunicación. – URL: https://reporting.aimc.es/index.html#/main/radio (дата обращения: 19.03.21).

371. Record Edinburgh audiences as Fringe comes to a close [Электронный ресурс] / The Edinburgh Festival Fringe Society. – 26 August 2019. – URL: https://www.edfringe.com/learn/news-and-events/record-edinburgh-audiences-as-fringe-comes-to-a-close (дата обращения: 3.11.21).

372. Referèndum d'Autodeterminació de Catalunya. Resultats definitius [Электронный ресурс] / Generalitat de Catalunya. – 41 p. – URL: https://govern.cat/govern/docs/2017/10/06/17/31/a3c84f5f-a902-4f55-b3a9-41e112d7a8d9.pdf (дата обращения: 15.03.21).

373. Referéndum de independencia en Cataluña: al menos 800 heridos por la actuación de la policía para evitar la votación [Электронный ресурс] // BBC Mundo. – 30 septiembre 2017. – URL: https://www.bbc.com/mundo/noticias-internacional-41453357 (дата обращения: 19.03.21).

374. Refreshed GREAT campaign launched in 145 countries [Электронный ресурс] // GOV.UK. – 9 June 2021. – URL: https://www.gov.uk/government/news/refreshed-great-campaign-launched-in-145-countries (дата обращения: 19.08.21).

375. Report of the Trustees and financial Statements for the Year Ended 31 March 2020 for Fèisean nan Gàidheal [Электронный ресурс] / Fèisean nan Gàidheal. – 34 p. – URL: https://www.feisean.org/wp-content/uploads/Feisean-nan-Gaidheal-31-March-2020-accounts-signed1.pdf (дата обращения: 20.04.21).

376. Royal Charter and Bye-laws 1993 [Электронный ресурс] / British Council. – 2011. – 8 p. – URL: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/royalcharter.pdf (дата обращения: 9.06.21).

377. Santos Neves M. Paradiplomacy, knowledge regions and the consolidation of "Soft Power" [Электронный ресурс] // Janus.net. – 2010. – № 1. – P. 10–28. – URL: https://www.redalyc.org/pdf/4135/413536166002.pdf (дата обращения: 4.11.21).

378. Scotland is a distinctive creative nation connected to the world [Электронный ресурс] / Creative Scotland. – URL: https://www.creativescotland.com/what-we-do/the-10-year-plan/ambitions-and-priorities/ambition-5 (дата обращения: 3.09.21).

379. Scotland's Census 2011: Gaelic report (part 1) [Электронный ресурс] / National Records of Scotland. – 2015. – 43 p. – URL: https://www.scotlandscensus.gov.uk/media/cqoji4qx/report_part_1.pdf (дата обращения: 27.04.21).

380. Scotland's People Annual Report. Key findings 2019 [Электронный ресурс] / The Scottish Government. – 2020. – 81 p. – URL: https://www.gov.scot/binaries/content/documents/govscot/publications/statistics/2020/09/scottish-household-survey-2019-key-findings/documents/scotlands-people-annual-report-key-findings-2019/scotlands-people-annual-report-key-findings-2019/govscot%3Adocument/scotlands-people-annual-report-key-findings-2019.pdf (дата обращения: 17.04.21).

381. Scotland's Future. SNP Manifesto 2021 [Электронный ресурс] / SNP. – 75 p. – URL: https://issuu.com/hinksbrandwise/docs/04_15_snp_manifesto_2021___a4_document?mode=window (дата обращения: 3.11.21).

382. Scott A., Arnold P. Why rising FDI beckons for Scotland but engagement remains key [Электронный ресурс] / EY. – 7 June 2021. – URL:

https://www.ey.com/en_uk/attractiveness/21/scotlands-share-of-uk-fdi-projects-has-risen (дата обращения: 3.11.21).

383. Scottish independence will impact the UK's global role [Электронный ресурс] // Chatham House. – 10 May 2021. – URL: https://www.chathamhouse.org/2021/05/scottish-independence-will-impact-uks-global-role (дата обращения: 22.06.21).

384. Scottish Political Monitor April 2021 [Электронный ресурс] / Ipsos MORI Scotland. – 2021. – 161 p. – URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-04/ipsos_mori_scottish_political_monitor_april_2021_data_tables_final_public_0.pdf (дата обращения: 10.04.21).

385. Scottish Referendum Poll [Электронный ресурс] / Lord Ashcroft Polls. – 2014. – 52 p. – URL: https://lordashcroftpolls.com/wp-content/uploads/2014/11/LORD-ASHCROFT-POLLS-Post-referendum-poll-tables-Sept-2014.pdf (дата обращения: 17.05.21).

386. Scottish Social Attitudes 2019: Attitudes to government and political engagement [Электронный ресурс] / The Scottish Government. – 2020. – 73 p. – URL: https://www.gov.scot/binaries/content/documents/govscot/publications/research-and-analysis/2020/09/scottish-social-attitudes-2019-attitudes-government-political-engagement/documents/scottish-social-attitudes-2019-attitudes-government-political-engagement/scottish-social-attitudes-2019-attitudes-government-political-engagement/govscot%3Adocument/scottish-social-attitudes-2019-attitudes-government-political-engagement.pdf (дата обращения: 15.04.21).

387. Serrano P. C. El origen, clave del independentismo: sólo el 65% de los residentes en Cataluña ha nacido allí [Электронный ресурс] // elEconomista.es. – 4 noviembre 2021. – URL: https://www.eleconomista.es/politica/noticias/8722257/11/17/El-origen-clave-del-independentismo-solo-el-65-de-los-residentes-en-Cataluna-nacieron-alli.html (дата обращения: 25.03.21).

388. Shaw K. To save the Union, we need a new progressive national story [Электронный ресурс] // The New Statesman. – 28 February 2020. – URL: https://www.newstatesman.com/politics/uk-politics/2020/02/save-union-we-need-new-progressive-national-story (дата обращения: 7.06.21).

389. Small M. Reporting on the Union Policy Implementation Committee [Электронный ресурс] // Bella Caledonia. – 25 January 2021. – URL: https://bellacaledonia.org.uk/2021/01/25/reporting-on-the-union-policy-implementation-committee/ (дата обращения: 5.06.21).

390. Statement on the Results of the Scottish Independence Referendum independence [Электронный ресурс] / Administration of Barack Obama. – 19 September 2014. – URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-201400682/pdf/DCPD-201400682.pdf (дата обращения: 20.06.21).

391. Statistics on International Development: Final UK Aid Spend 2019 [Электронный ресурс] / Foreign, Commonwealth & Development Office. – September 2020. – 62 p. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/927135/Statistics_on_International_Development_Final_UK_Aid_Spend_2019.pdf (дата обращения: 2.11.21).

392. Stephenson J. The subversion of history education in Scotland [Электронный ресурс] // The Spectator. – 21 December 2020. – URL: https://www.spectator.co.uk/article/the-subversion-of-history-education-in-scotland (дата обращения: 10.04.21).

393. Submission from Brtish Council Scotland [Электронный ресурс] / The Scottish Parliament. – 6 p. – URL: https://archive2021.parliament.scot/S5_European/Inquiries/CTEEA_S5_19_EA_12.pdf (дата обращения: 12.06.21).

394. Survation Scottish Politics Poll March 2021 [Электронный ресурс] / Survation. – 2021. – URL: https://www.survation.com/survation-scottish-politics-poll-march-2021/ (дата обращения: 10.05.21).

395. Sweney M. Scotland's National newspaper is here to stay [Электронный ресурс] // The Guardian. – 27 November 2014. – URL: https://www.theguardian.com/media/2014/nov/27/scotland-national-newspaper-here-to-stay (дата обращения: 12.05.21).

396. Tebas: "Si los clubes apoyan el independentismo, quedarán fuera de LaLiga" [Электронный ресурс] // La Vanguardia. – 7 octubre 2017. – URL: https://www.lavanguardia.com/deportes/futbol/20171007/431852868767/tebas-independencia-catalunya.html (дата обращения: 25.03.21).

397. Televisión. Reparto de la audiencia. Por cadenas [Электронный ресурс] / Instituto de Estadística de Cataluña. – URL: https://www.idescat.cat/pub/?id=aec&n=774&lang=es (дата обращения: 17.03.21).

398. The Impact of International Students in Scotland [Электронный ресурс] / Scottish Government. – 2018. – 33 p. – URL: https://www.gov.scot/binaries/content/documents/govscot/publications/corporate-report/2018/03/impact-international-students-scotland-scottish-government-response-migration-advisory-committees/documents/00532586-pdf/00532586-pdf/govscot%3Adocument/00532586.pdf (дата обращения: 3.09.21).

399. The National. January to December 2017 [Электронный ресурс] / ABC. – 2018. – 2 p. – URL: https://www.abc.org.uk/Certificates/48747367.pdf (дата обращения: 17.05.21).

400. The Soft Power 30. Spain [Электронный ресурс] // Soft Power 30. – URL: https://softpower30.com/country/spain/ (дата обращения: 18.08.21).

401. The Soft Power 30. United Kingdom [Электронный ресурс] // Soft Power 30. – URL: https://softpower30.com/country/united-kingdom/ (дата обращения: 2.09.21).

402. The Times Survey Results [Электронный ресурс] / YouGov. – 2020. – 6 p. – URL: https://docs.cdn.yougov.com/l0arqcm4ea/TimesResults_200810_ScotlandV2_W.pdf (дата обращения: 15.04.21).

403. Tominey C. Exclusive: Only a fifth of English voters oppose Scottish independence, Telegraph poll reveals [Электронный ресурс] // The Telegraph. – 28 May 2021. – URL: https://www.telegraph.co.uk/politics/2021/05/28/exclusive-fifth-english-voters-oppose-scottish-independence/ (дата обращения: 5.06.21).

404. Tony Hall: UK must "unleash the full global potential of the BBC" – as new all time record global audience is announced [Электронный ресурс] / BBC. – 23 July 2020. – URL: https://www.bbc.co.uk/mediacentre/latestnews/2020/global-reach (дата обращения: 1.11.21).

405. Transparencia. Hacemos pública la información organizativa y económica de la Fundación [Электронный ресурс] / Fundación Barça. – URL: https://fundacion.fcbarcelona.es/como-nos-financiamos (дата обращения: 15.07.21).

406. Turistas extranjeros. Por país de residencia habitual [Электронный ресурс] / Instituto de Estadística de Cataluña. – URL: https://www.idescat.cat/indicadors/?id=anuals&n=10532&lang=es&tema=TURIS&col=1(дата обращения: 20.07.21).

407. Un nou cicle per guanyar. Programa polític febrer 2021 [Электронный ресурс] / CUP. – 123 p. – URL: https://perguanyar.cat/wp-content/uploads/2021/01/Programa.pdf (дата обращения: 25.03.21).

408. Una jueza suspende el acto prorreferéndum catalán de Zaragoza [Электронный ресурс] // El Periódico. – 22 septiembre 2017. – URL: https://www.elperiodico.com/es/politica/20170922/jueza-suspende-acto-pro-referendum-catalan-zaragoza-6304024 (дата обращения: 19.03.21).

409. UNWTO Global Tourism Dashboard [Электронный ресурс] / UNWTO. – URL: https://www.unwto.org/country-profile-inbound-tourism (дата обращения: 21.07.21).

410. Usage statistics of content languages for websites / W3Techs. – URL: https://w3techs.com/technologies/overview/content_language (дата обращения: 20.07.21).

411. Visitantes extranjeros. Turistas y excursionistas [Электронный ресурс] / Instituto de Estadística de Cataluña. – URL: https://www.idescat.cat/indicadors/?id=anuals&n=10531&lang=es&tema=TURIS&col=1(дата обращения: 20.07.21).

412. Wade M. SNP denies trying to shape artists' ideas [Электронный ресурс] // The Times. – 20 September 2017. – URL: https://www.thetimes.co.uk/article/snp-denies-trying-to-shape-artists-ideas-l6bctfqsc?clickref=1011lgIepLBz&clickref=1101liyiPAtr&utm_medium=affiliates&utm_campaign=adgoal_eu&utm_source=partnerize (дата обращения: 20.04.21).

413. Waterson J. Royal wedding confirmed as year's biggest UK TV event [Электронный ресурс] // The Guardian. – 20 May 2018. [Электронный ресурс]: https://www.theguardian.com/uk-news/2018/may/20/royal-wedding-confirmed-as-years-biggest-uk-tv-event (дата обращения: 1.11.21).

414. What is the most spoken language? / Ethnologue. – URL: https://www.ethnologue.com/guides/most-spoken-languages (дата обращения: 3.11.21).

415. Womack B. Dancing Alone: A Hard Look at Soft Power [Электронный ресурс] // Asia-Pacific Journal: Japan Focus. – 2005. – Vol. 3, № 11. – URL: https://apjjf.org/-Brantly-Womack/1975/article.pdf (дата обращения: 30.01.2020).

416. World University Rankings 2022 [Электронный ресурс] / Times Higher Education. – URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2022/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats (дата обращения: 7.11.21).

417. YouGov Survey Results [Электронный ресурс] / YouGov. – 2021. – 3 p. – URL: https://docs.cdn.yougov.com/dkq32ft8nv/Royal%20favourability%2011%20March.pdf (дата обращения: 12.06.21).

Приложение А

Показатели, используемые в качестве объективных данных, в исследовании The Soft Power 30

Таблица А.1 – Объективные показатели The Soft Power 30

Подындекс	Показатель
1	2
Культура	Общее число прибывших туристов
	Средние расходы одного туриста
	Количество фильмов, показанных на крупных кинофестивалях
	Число иностранных корреспондентов в стране
	Количество объектов, включенных в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО
	Ежегодная посещаемость музеев из топ-100
	Размер рынка музыкальной индустрии
	Количество альбомов в топ-10 других стран
	Олимпийские медали
	Рейтинг ФИФА (мужские сборные)
	Качество национального авиаперевозчика
	Рестораны со звездами Мишлен
	Индекс влияния языка («Power Language Index»)
Образование	Средний балл по читательской, математической и естественнонаучной грамотности Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся
	Число ведущих мировых университетов
	Число научных публикаций
	Число иностранных студентов в стране
	Расходы на образование в процентах от ВВП
Глобальное взаимодействие	Общий объем внешней помощи в целях развития
	Объем внешней помощи в целях развития в процентах от ВНД
	Количество посольств страны за рубежом
	Количество иностранных посольств в стране
	Количество генеральных консульств за рубежом
	Количество постоянных представительств при многосторонних организациях
	Членство в международных организациях
	Число подавших прошение об убежище на 1000 человек

Продолжение таблицы А.1

1	2
	Число дипломатических представительств по вопросам культуры
	Число стран, которые гражданин страны может посетить без визы
	Размер еженедельной аудитории государственной вещательной компании
	Индекс экологической эффективности («Environmental Performance Index»)
Цифровые технологии	Количество зарубежных подписчиков в Facebook у главы государства или правительства
	Показатель вовлеченности («Facebook engagement score») зарубежной аудитории главы государства или правительства в Facebook
	Количество зарубежных подписчиков в Facebook у министра иностранных дел страны
	Показатель вовлеченности зарубежной аудитории министра иностранных дел страны
	Число пользователей Интернета на 100 жителей
	Число безопасных Интернет-серверов на 1 млн жителей
	Скорость Интернет-соединения
	Индекс государственных онлайн-сервисов (Government Online Services Index)
	Индекс электронного участия («E-participation Index»)
	Число стационарных абонентов широкополосной сети Интернет на 100 человек
Предпринимательская деятельность	Число поданных патентных заявок («Global patents filed») в процентах от ВВП
	Индекс конкурентоспособности Всемирного экономического форума
	Объем прямых иностранных инвестиций в процентах от ВВП
	Индекс экономической свободы («Heritage Economic Freedom Index score»)
	Индекс восприятия коррупции («Corruption Perceptions Index score»)
	Расходы на НИОКР в процентах от ВВП
	Глобальный индекс инноваций («Global Innovation Index score»)

Продолжение таблицы А.1

1	2
	Глобальный индекс конкурентоспособности талантов («Global Talent Competitiveness Index»)
	Данные из Доклада легкости ведения бизнеса Всемирного банка («World Bank Ease of Doing Business Report»)
	Уровень безработицы в процентах от численности рабочей силы
	Экспорт высоких технологий в процентах от экспорта продукции обрабатывающей промышленности
	Затраты на открытие нового дела в процентах от ВНД на душу населения
Управление	Индекс человеческого развития («Human Development Index score»)
	Индекс Freedom House («Freedom House Index score»)
	Количество аналитических центров («think tanks») в стране
	Индекс гендерного равенства («Gender Equality Index score»)
	Индекс демократии («Economist Democracy Index score»)
	Размер теневой экономики в процентах от ВВП
	Число убийств в расчете на душу населения
	Индекс транспарентности и подотчетности Всемирного банка («World Bank Voice and Accountability Index score»)
	Количество смертных казней в 2018 году
	Неравенство доходов – коэффициент Джини
	Индекс доверия к правительству Всемирного экономического форума («World Economic Forum Trust in Government Index score»)
	Индекс свободы прессы («Press Freedom Index score»);
	Индекс эффективности правительства Всемирного банка («World Bank Government Effectiveness score»)
	Показатель качества государственного регулирования Всемирного банка («World Bank Good Governance Regulation Quality score»)

Продолжение таблицы А.1

1	2
	Показатель верховенства закона Всемирного банка («World Bank Good Governance Rule of Law score»)
	Благосостояние населения

Приложение Б

Избранные результаты опроса общественного мнения «Восприятие территориальной дискуссии в Испании»

Таблица Б.1 – Результаты опроса «Восприятие территориальной дискуссии в Испании»

Вопрос и варианты ответа	Мадрид		Андалусия		Валенсия	
	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%
1	2	3	4	5	6	7
Какой термин Вы предпочитаете для обозначения Каталонии?						
Регион	92	18,4	86	17,2	113	22,7
Автономное сообщество	336	67,2	341	68,3	286	57,1
Национальность	14	2,8	13	2,6	21	4,2
Нация	9	1,8	10	2,0	12	2,4
Страна	19	3,8	11	2,1	22	4,4
Другое	8	1,6	1	0,2	4	0,8
Не знаю	5	1,0	25	5,0	28	5,6
Не могу ответить	17	3,4	13	2,6	14	2,8
Что касается отношений между Каталонией и Испанией, Вы считает, что Каталония достигла…						
Слишком большой автономии	289	57,8	272	54,4	251	50,2

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3	4	5	6	7
Достаточного уровня автономии	136	27,2	133	26,6	156	31,2
Недостаточного уровня автономии	44	8,8	39	7,7	52	10,4
Не знаю	15	3,0	47	9,4	29	5,8
Не могу ответить	16	3,2	9	1,9	12	2,4
В любом случае, как вы думаете, какими должны быть эти отношения? Вы считаете, что Каталония должна быть…						
Регионом Испании	121	24,1	92	18,4	122	24,4
Автономным сообществом Испании	314	62,8	335	67,0	284	56,8
Государством в федеральной Испании	34	6,7	31	6,2	34	6,8
Независимым государством	11	2,3	13	2,6	32	6,4
Не знаю	8	1,7	23	4,6	21	4,2
Не могу ответить	12	2,4	6	1,2	7	1,4
И лично Вы были за или против того, чтобы Каталония была независимой?						
Был бы за	29	5,8	47	9,4	77	15,4
Бал бы против	430	86,0	408	81,6	360	72,0
Не знаю	23	4,6	33	6,6	41	8,2
Не могу ответить	18	3,6	12	2,4	22	4,4

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3	4	5	6	7
Считаете ли Вы справедливым лишение свободы политиков-сторонников независимости Каталонии?						
Да	349	69,8	320	64,0	284	56,8
Нет	104	20,8	119	23,8	142	28,4
Не знаю	33	6,6	43	8,6	42	8,4
Не могу ответить	14	2,8	18	3,6	32	6,4
Если бы был проведен законный и согласованный референдум о независимости Каталонии, и явное большинство каталонских граждан предпочли бы независимость, лично Вы приняли бы или нет результат референдума?						
Да, принял бы результат референдума	194	38,8	214	42,7	254	50,8
Нет, не принял бы	273	54,6	244	48,8	207	41,4
Не знаю	24	4,8	34	6,9	22	4,4
Не могу ответить	9	1,8	8	1,6	17	3,4